

Институт языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан

Татарстан Республикасы Фэннэр академиясенең
Г.Ибраһимов исемендәгә Тел, әдәбият һәм сәнгать институты

Казань • Казан
2025

Духовное наследие
Поиски и открытия
Выпуск 29

Газиз Губайдуллин
НАУЧНЫЕ ТРУДЫ
Том 4

Рухи мирас
Эзләнүләр һәм табышлар
29 нче чыгарылыш

Газиз Гобәйдуллин
ФӘННИ ХЕЗМӘТЛӘР

4 том

УДК 94 (093)
ББК 63.2
С 93

*Печатается решением Ученого совета
Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан*

Проект реализуется Центром письменного наследия
Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук РТ в рамках государственной программы Республики Татарстан
«Сохранение национальной идентичности татарского народа»

Редколлегия:
И.И. Халиков (председатель), И.Г. Гумеров,
Л.М. Гиниятуллина

Научный редактор
кандидат филологических наук, доцент А.М. Ахунов

Рецензенты:

*доктор исторических наук, профессор И.А. Гилязов,
доктор филологических наук, доцент Ф.Ф. Гилемшин*

С 93 Газиз Губайдуллин. Научные труды. Т. 4 / Г.Губайдуллин; текстол. раб., пер., коммент. и сноски А.М. Ахунова, И.Г. Гумерова. – Казан: ИЯЛИ, 2025. – 256 с. (Серия «Духовное наследие: поиски и открытия = Рухи ми-рас: эзләнүләр һәм табышлар». Выпуск 29).

ISBN 978-593091-523-5 (4 т.)

Сборник избранных научных трудов известного татарского ученого Г.С. Губайдуллина (1887–1937) представляет собой фундаментальное исследование по истории, культуре и этнографии тюркских народов, охватывающее широкий хронологический диапазон – от Средневековья до начала XX века, написанных автором на русском языке. В центре – история татар, а также Азербайджана, где ученый в 1920–1930-е годы активно работал и преподавал. Впервые публикуется значительная часть его работ с полным научным аппаратом – сносками, переводами и комментариями, отсутствовавшими в оригиналах.

Сборник адресован историкам, востоковедам, тюркологам, а также преподавателям, студентам и всем, кто интересуется отечественной историей и культурой тюркских народов.

ISBN 978-5-93091-521-1
ISBN 978-593091-523-5 (4 т.)

© Институт языка, литературы и искусства
им. Г. Ибрагимова АН РТ, 2025

ГАЗИЗ ГУБАЙДУЛЛИН НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ЭПОХ И КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ

Настоящее издание избранных научных трудов, видного татарского ученого-энциклопедиста Газиза Салиховича Губайдуллина (1887–1937) представляет собой первое академическое собрание его избранных статей, докладов и рецензий, позволяющее проследить эволюцию ученого в широком временном и тематическом диапазоне и вернуть его имя в научный оборот в масштабе, соответствующем реальному вкладу. Корпус текстов выстроен по хронологии: от ранних работ, связанных с дореволюционной татарской литературной и общественной средой, до зрелых исследований 1920–1930 х годов, где Г. Губайдуллин, по его же словам, выступает как историк-социолог, осмысляющий крупные социальные процессы – от средневекового Востока до эпохи Пугачевского восстания и преддверия революции 1917 года. Хронологический принцип позволяет увидеть, как от первых критико-литературных откликов вроде статьи «Новые произведения Галимджана Ибрагимова» автор приходит к программным текстам, таким как доклад «Развитие исторической литературы у тюрко-татарских народов», в которых он формирует собственную концепцию развития тюрко-татарской историографии и осознает себя частью общеевропейской и российской востоковедческой традиции.

Сборник организован так, чтобы соединить различные направления работы ученого в единую систему. Один блок составляют тексты, посвященные новой татарской литературе и ее социальному смыслу: анализируя прозу Галимджана Ибрагимова и других авторов, Г. Губайдуллин показывает в художественных произведениях отражение классовой борьбы, трансформации психологии «простого человека» и разлома старого быта. Другой блок объединяет собственно исторические исследования по истории тюрко-татарских народов, развитию тюркской историографии, социально-экономическому строю средневекового Востока, истории Поволжья и Кавказа. Здесь автор сопоставляет восточные хроники, русские материалы и европейскую литературу. Важное место занимают работы, в которых он последовательно применяет марксистскую оптику, исследуя формы классовой борьбы в феодальном

обществе, механизмы социального расслоения и те ситуации, когда «низы не могут жить по старому, а верхи управлять по старому», опираясь не на лозунги, а на многочисленные документальные кейсы, в том числе из тюрко-татарского мира начала XIX века.

Структура сборника отражает широкий хронологический охват исследований. Отдельные разделы посвящены XVII веку и первым этапам формирования региональных сообществ и их взаимодействия с соседними территориями; далее следуют труды о XIX веке, где анализируются социально экономические и политические изменения и вопросы культурной идентичности, а также работы о переходном периоде XIX–XX веков с акцентом на модернизацию и влияние внешних факторов на внутренние процессы. Источниковедческие и библиографические разделы, систематизирующие данные о византийских хрониках, арабских географах, русских летописях и трудах европейских ориенталистов, выступают своего рода «инструментарием» всего издания, показывая, на каком материале строятся авторские концепции.

Редакторская работа при подготовке издания была направлена на максимально бережное отношение к авторскому стилю и лексике эпохи. Сохраниены исторические орфографические и пунктуационные особенности, благодаря чему голос Губайдуллина звучит для современного читателя так же близко к оригиналу; при этом все, что прямо противоречит нормам современного литературного языка и затрудняет понимание, аккуратно нормализовано (исправлены очевидные опечатки, грамматические ошибки, технические сбои набора). В спорных случаях предпочтение отдавалось сохранению авторской манеры, а не формальному выпрямлению фразы. Особое внимание удалено работе с источниками и цитатами на арабском, персидском, тюркских языках и старотатарском письме: там, где в оригинальных публикациях допускались неточности чтения и орфографические ограхи, исправления специально оговорены, чтобы не нарушить текстуальную традицию и одновременно представить выверенный академический текст.

Важное достоинство тома – системная работа с языковым и источниковым материалом. В статьях Губайдуллина чрезвычайно много восточной терминологии, а также имен, названий сочинений и реалий, которые в оригинальных публикациях почти никогда

не сопровождались пояснениями. В данном издании все такие элементы раскрыты в постраничных сносках: даются идентификации, краткие справки, отсылки к современным исследованиям. Переводы многочисленных цитат и формул на арабском, персидском, старотатарском, османско-турецком, греческом и других европейских языках вынесены в примечания, что делает мысль автора доступной читателям, не владеющим восточными языками, но при этом сохраняет для специалистов филологов оригинальные написания в арабской графике. Там, где приведены протяженные фрагменты восточных текстов, они воспроизводятся по возможности точно по первоисточнику, а рядом впервыедается полный перевод на русский язык, благодаря чему сборник превращается не только в корпус собственных работ Г. Губайдуллина, но и в своего рода мини-антологию ключевых фрагментов средневековых и ранненовременных источников по истории Востока и тюрко-татарского мира.

Важно отметить, что в сборник включен ряд работ, выявленных в ходе поисковой работы в архивах и библиотеках Баку в декабре 2024 года. Среди них исследования, посвященные истории Хазарского каганата, проблематике панисламизма и другие тексты, которые впервые вводятся в научный оборот именно в данном издании, хотя часть этих материалов ранее была опубликована азербайджанскими коллегами в виде факсимиле. Настоящий том является частью нового четырехтомного издания трудов Газиза Губайдуллина, подготовленного сотрудниками Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН Республики Татарстан в рамках серии изданий «Духовное наследие: поиски и открытия».

Одно из центральных качеств научного наследия Газиза Губайдуллина, проявляющееся во всех разделах сборника, – редкое по масштабам знание восточных, русских и европейских источников и владение несколькими языками, позволяющее вести диалог с крупнейшими востоковедами своего времени. Его статьи никогда не ограничиваются описанием фактов: за внешней фактологичностью стоит стремление ухватить структуру социального процесса, показать динамику классового расслоения, механизмы эксплуатации, повседневность бедности и голода, а также связь локальных конфликтов – от степных родовых столкновений до крестьянских движений – с более широкими историческими

сдвигами. Характерно его самоопределение как «историка-социолога», опирающегося на статистические данные, количественные расчеты и внимательное чтение источников; это нашло отражение и в системе научного аппарата тома. Особая ценность издания в том, что оно открывает Г. Губайдуллина современному читателю с новой стороны: не только как публициста и участника татарской литературной дискуссии, но прежде всего как крупного историка и гуманитария начала XX века, чья карьера была прервана репрессиями, а имя надолго вытеснено на периферию исторической памяти.

В этом контексте сборник трудов Г.С. Губайдуллина выступает значительным вкладом в изучение истории и культуры тюрко-татарских и сопредельных регионов. Сочетание комплексного подхода, продуманной хронологической организации материала, богатой источниковой базы и научного аппарата делает издание ценным ресурсом для историков, этнографов, филологов и специалистов по регионоведению и предлагает читателю целостную, внутренне связанную картину сложных исторических процессов.

Ахунов А.М., Гумеров И.Г.

НОВЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ГАЛИМДЖАНА ИБРАГИМОВА

Татарская литература в последнее время обогатилась двумя новыми произведениями писателя Галимджана Ибрагимова². Ибрагимов является одним из классиков татарской литературы XX века. Другие писатели до революции работали в области разрушения старого быта и средневекового мировоззрения татар, но отстали и не могли идти дальше. Галимджан Ибрагимов, и раньше настроенный революционно, продолжает писать и после революции, восприняв идеалы последней. Еще до революции он задумал план изображения в художественной форме тезиса, антитезиса и синтеза татарской общественной эволюции. В этой области у него уже вышел первый том трилогии тезиса, а именно роман «Наши дни». В этом своем произведении он дал блестящую картину татарского старого режима в первой революции 1905 года.

¹ Впервые опубликовано: *Губайдуллин Г. Новые произведения Галимджана Ибрагимова // Вестник Научного общества татароведения. 1925. № 1–2. С. 65–67.* Текст дается по данной публикации. Статья снабжена справкой автора о книге: «*Новые произведения Галимджана Ибрагимова. Роман «Наши дни» первый том трилогии. Казань: Издание Т-во «Сабах», 1920 г., 454 стр.; рассказ «Люди», издание Комбината издательства и печати ТССР, Казань, 54 стр. и роман «Дочь степей». Центр. Издат. народов Востока СССР, Москва, 135 стр.*».

² Ибрагимов Галимджан Гирфанович (1887–1938) – татарский писатель, учений-языковед, один из основоположников современной татарской литературы и общественный деятель. Он внес значительный вклад в развитие татарского языкознания и литературы, а также активно участвовал в культурной и политической жизни тюрksких народов в первые десятилетия XX века.

Продолжая работать над двумя частями трилогии, Галимджан Ибрагимов не отстает от жизни и трудится над изображением отдельных частей жизни северных тюрок. Так между многими его произведениями выделяется рассказ «Люди», который вышел в прошлом году. Здесь автор вышел из бытовых рамок узко-татарской общественной жизни и затронул весьма интересный вопрос общечеловеческого характера. В «Людях» на фоне татарской сельской жизни он изобразил эволюцию психологии людоедства на почве голода. В этом рассказе автор-материалист ясно изобразил зависимость преступления от экономики, дав картину голода и ужасное влияние его на самую нормальную психику средняка-крестьянина.

Но как историк, я придаю исключительное значение недавно вышедшему роману Галимджана Ибрагимова из киргизской жизни «Дочь степей» или «Киргизская дочь». Он важен во многих отношениях. Во-первых, здесь автор чрезвычайно в ярких красках изобразил жизньnomадов киргиз-кайсаков. Основной канвой этого романа является эпизод борьбы богатых-аристократических и бедных-плебейских родов. Эти картины имеют большое значение не только для этнографа, но и для историка тюрков. Когда мы читаем об этой борьбе у древних тюрков в труде Радлова «К вопросу об уйгурах» или картину борьбы родов во время образования империи Чингиса «Ист.[ория] об образов.[ании] Чин.[гис] Хана». В.В. Бартольда¹, то нам кажется мало понятной эта борьба, хотя они изображены на основании бесспорных документальных данных. Но «Дочь степей» рисует этот социальный процесс конкретными данными, раскрыв тонкие детали, которые не может уловить историк-нехудожник. Когда читаешь «Дочь степей», то невольно соглашаешься с мнением Бартольда, высказанным им в его труде «Улугбек и его время», что жизнь кочевников, несмотря на всю ее

¹ Бартольд, Василий Владимирович (1869–1930) – российский и советский историк-востоковед, тюрколог, исламовед, академик, один из основоположников российской школы востоковедения. Является автором фундаментальных трудов по истории и культуре народов Центральной Азии, в том числе классического исследования «Туркестан в эпоху монгольского нашествия». После революции активно участвовал в создании письменностей для народов СССР и был одним из организаторов Первого Всесоюзного тюркологического съезда в Баку (1926).

несложность, существенно отличается от первобытной жизни дикарей. В степи существует различие между богатыми и бедными, отсюда вытекает антагонизм сословий, существует потребность защитить свое имущество и т. д.

Г. Вамбери¹ в одном из своих исторических трудов высказал мнение, что кому хочется изучить древних тюрков, то пусть он исследует быт современных киргиз. Справедливость этой мысли мы видим в романе Галимджана Ибрагимова. Когда читаешь «Дочь степей», то перед глазами читателя раскрывается малопонятное описание жизни тюркских кочевников в китайских летописях, и книге тов. Ибрагимова получается ключ к пониманию этой жизни. Во-вторых, роман Галимджана Ибрагимова чрезвычайно ценен для изучения этнографии современных киргиз. Здесь раскрыты те детали современной жизни киргизов, которые научно, но кратко были изложены Харузиным². Сущность киргизской семьи, рода и племени, свадебные обычаи, обряды погребения, кумысные пирушки, одежда, обувь, утварь и импровизация киргизских «акынов» – народных певцов, междуусобные войны, хозяйство, отношение к колонизаторам, все это ясно изображено в романе Галимджана Ибрагимова. В-третьих, «Дочь степей» важна в языковом отношении. Роман написан на татарском языке, сохраняя обороты речи и многие слова киргизского наречия. Автор мог так ловко комбинировать их, что сам язык, будучи понятным обоим народам, имеет киргизский колорит.

¹ Вамбери, Арминий (Герман; 1832–1913) – венгерский востоковед, тюрколог, путешественник и полиглот, профессор Будапештского университета. Получил известность благодаря своему рискованному путешествию по Ирану и Средней Азии в 1862–1864 годах, которое он совершил под видом странствующего дервиша. Является автором фундаментальных трудов по истории, этнографии и языкам тюркских народов, включая «Историю Бухары», и был активным сторонником теории о тюркском происхождении венгерского языка.

² Харузин, Алексей Николаевич (1864–1932) – русский этнограф, антрополог и государственный деятель, один из братьев-ученых Харузиных. Он известен своими полевыми исследованиями народов Российской империи, в частности, киргизов (казахов) Букеевской орды, где он собрал обширный материал по их быту, хозяйству, общественному устройству и верованиям. Его работы, такие как «Киргизы Букеевской орды», считаются классикой этнографической литературы.

РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ У ТЮРКО-ТАТАРСКИХ НАРОДОВ

Этот вопрос в общем масштабе был блестяще выяснен предыдущим докладчиком, академиком Бартольдом, и на мою долю остается лишь изложить ход развития истории тюрко-татарских племен, выполненный трудами самих тюрко-татарских ученых. Так как предоставленное мне время довольно ограничено, я смогу только набросать некоторую схему.

Прежде, чем приступить к докладу, я считаю необходимым предупредить, что я буду касаться лишь тех произведений по истории тюрко-татар, которые написаны тюрками Советского Союза, и тех, которые написаны под некоторым влиянием западно-европейской исторической науки. Последнюю оговорку я считаю нужным сделать потому, что даже в XIX столетии среди тюркских племен России существовали историки, которые писали свои исторические произведения или мемуары, подражая старым восточным традициям, не пользуясь западными историческими пособиями и источниками. К таким, например, может относиться «История Шекинского

---

¹ Впервые опубликовано: *Губайдуллин Г.* Развитие исторической литературы у тюрко-татарских народов: Доклад, читанный 27 февраля 1926 г. на 2-м заседании 1-го Всесоюз. тюрколог. съезда / Г. Губайдуллин; Общество обследования и изучения Азербайджана. Баку: Бакинский рабочий, [1926]. 21 с. Текст дается по данной публикации. Также: Газиз Гобайдуллин: Фэнси-биографик жыентык = Газиз Губайдуллин: научно-биографический сборник. – Казан: Рухият, 2002. Б.112–134.; Факсимиле также опубликовано в след. изд.: Ибрагимова М. М. Абдулгазиз Губайдуллин: исследование творчества татарского ученого-профессора и его связей с Азербайджаном (1925–1937 гг.). Баку: Нурлан, 2008. (Издание без пагинации), *Губайдуллин Г.* Труды (статьи и выступления) / Г. Губайдуллин. Баку: Şərəq-Qərb, 2010. С.22–43.

ханства» Латиф Эфенди¹, «История болгар и Казани» Хусаина Амирхани² и многие узбекские произведения. Однако о тех историках, которые написали свои труды под большим влиянием старых арабско-персидских традиций, но использовали для своей работы русские и европейские источники и исторические труды, я, конечно, говорить буду. Таковы Бакиханов³, Марджани⁴, Мурад Мекки⁵.

¹ Абдул-Латиф эфенди (Гаджи Абдул-Латиф эфенди) – азербайджанский хронист и ученый, автор сочинения «История шекинских ханов», важного источника по политической истории и династии ханов Шеки в XVIII–нач. XIX века. В своих записках он фиксировал генеалогию, внутридинастические конфликты, отношения шекинских правителей с Ираном, Россией и Карабахом, поэтому его нередко упоминают как одного из ключевых локальных авторов по кавказско-азербайджанской истории раннего нового времени.

² Хусайн Амирхан (Хусайн ибн Амирхан; ок. 1814–1893) – татарский богослов, историк, просветитель и имам казанской мечети «Иске таш». Один из ключевых представителей традиционной мусульманской учености Поволжья XIX века, сыгравший заметную роль в становлении национальной исторической школы у татар. Наибольшую известность ему принес трактат «Таварих-е Булгариya» («Булгарские хроники», Казань, 1883), где в рамках классической мусульманской историографической традиции изложена история Волжской Булгарии, Казани и поволжских татар.

³ Аббас-Кули-ага Бакиханов (1794–1847) – азербайджанский историк, филолог, поэт и просветитель, один из основоположников азербайджанской научной историографии. Происходил из рода бакинских ханов, служил в русской армии и на кавказской дипломатической службе, дослужившись до чина полковника. Главный труд Бакиханова – персидоязычное сочинение «Гюлистан-и Ирам» («Райский цветник», рус. «История восточной части Кавказа»), где системно изложена история Ширвана, Дагестана и в целом Восточного Кавказа с древнейших времен до 1813 года.

⁴ Шигабутдин (Шихабетдин) Марджани (1818–1889) – татарский мусульманский богослов, философ, историк и просветитель, один из основателей новой татарской исторической науки и идеяный предшественник джадидизма. Долгое время был имам-хатибом и мударрисом казанской Марджани-мечети, отстаивая необходимость реформы медресе, светского знания и освоения достижений европейской науки при сохранении исламской традиции. Главный исторический труд Марджани – двухтомное сочинение «Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар» («Полезные сведения о делах Казани и Булгара»), где на основе широкого круга источников он выстраивает непрерывную линию от Волжской Булгарии и Золотой Орды к казанским и поволжским татарам, положив тем самым основы концепции исторической преемственности татарского народа.

⁵ Мурад Рамзи (Мекканский; ок. 1853–1934) – татарский богослов, историк

Появление у российских тюрков исторических произведений под влиянием европейской или русской историографии связано с их возрождением под влиянием европейской цивилизации, в первую очередь, это возрождение началось у тех тюркских племен, у которых раньше всех начал развиваться капитализм, и господствующим классом сделалась национальная буржуазия. Таким народом среди российских тюрков являются приволжские татары, которым способствовали их нахождение на старинном торговом волжском пути и очень раннее соприкосновение с европейской культурой через русских. Вот почему еще в начале XIX столетия там появился первый историк-татарин Ибрагим Хальфин¹, напечатавший в 1822 году сборник исторических анонимных рассказов: «Жизнь Джингиз-хана и Аксак-Тимура», к которому он приложил весьма интересное предисловие, призывающее татарское население к собиранию погибающих исторических рукописей и народной словесности исторического характера. Этим же деятелем, при руководстве известного ориенталиста, проф. Френа²,

и общественный деятель, один из наиболее заметных представителей поздней традиционной мусульманской учености Поволжья и Урала. Прозвище Мекки он получил из-за многолетнего проживания и учебы в Мекке и других центрах мусульманского Востока. Автор исторического труда «Талфик ал-ахбар ва талких ал-асар фи вакаи' Казан ва Булгар ва мулюк ат-татар» («Собрание сведений из прошлых событий Казани, Булгара и татарских царей»), посвященного истории мусульманских государств и тюркских народов России, который рассматривается как одно из важнейших мусульманских источников по истории мусульман Поволжья и Туркестана конца XIX–нач. XX века.

¹ Хальфин, Ибрагим Исхакович (1778–1829) – татарский просветитель, филолог и педагог, первый преподаватель-татарин в Казанском университете и один из основателей светского татарского просвещения. В 1800–1829 годах он преподавал татарский язык в Казанской первой мужской гимназии, а с 1812 года – в Казанском университете, где стал лектором татарского языка, а затем адъюнктом восточных языков, читая также арабский и персидский.

Хальфин подготовил первые учебные пособия по татарскому языку для светских заведений, в том числе «Азбуку и этимологию татарского языка» (1804), а также издал двуязычную книгу «Жизнь Джингиз-хана и Аксак-Тимура» (1822) и обработал для печати труд Абульгази «История о монголах и татарах».

² Христиан Данилович Френ (Христиан Мартин Френ; 1782–1851) – немецкий и российский востоковед-арабист и нумизмат, один из основателей российской школы востоковедения и казанской ориенталистики. В 1807–1817 годах был профессором восточной словесности Казанского университета, где преподавал арабский, персидский, еврейский и сирийский языки и заложил основы систематического изучения Востока в Казани.

было напечатано, руководствуясь научными методами, «Родословное древо тюрков» Абульгазы Багадур-хана¹, в 1824 году. Однако, в татарском мире мы находим некоторый застой в области развития исторической мысли, приблизительно до 60-х годов. Но зато в сороковые годы среди российских тюрков жил и писал другой знаменитый человек – азербайджанский историк Бакиханов, написавший на персидском и русском языках монографию по истории Закавказья, под заглавием «Гюлистан Ирям». До сих пор в азербайджанской исторической литературе ничего не написано по поводу этого, поистине интересного, произведения и его автора, хотя некоторые из русских и тюркских историков Азербайджана и любили пользоваться этим трудом при составлении своих очерков. Бакиханов владел не только восточными, но и русским языком. Ему были известны такие русские историки, как Карамзин, и некоторые античные авторы, которые, так или иначе, касались в своих трудах прошлого этой страны. Автор «Гюлистан Ирям», по сравнению с другими тюркскими историками, как, например, с татарским Марджани, является вполне европейцем, и образ мысли у него также напоминает нам европейских и русских историков.

Эпоха Николая I не была благоприятна для развития тюрко-татарской литературы, вообще, и исторической, в частности. Список книг, изданных на различных восточных языках, и в том числе на тюрко-татарских, в Казани, составленный ориенталистом Дорном², ясно указывает на такое явление: в то время, как в огромном количестве выпускались кораны, шаблонные религиозные книги, различные молитвенники и талисманы, мы видим в списке весьма ограниченное количество более или менее научных и оригинальных книг. Но когда, после смерти этого императора, реакция ослабла, и читающая Россия стала чувствовать себя немного легче, то это оживление отразилось и на российских тюрках Поволжья. Кроме того, наступательная политика

¹ Абульгазы Багадур-хан (1603–1663/1664) – хивинский хан из потомков Чингисхана, историк и один из первых узбекских прозаиков. Автор сочинений «Шаджара-йи тюрк» и «Шаджара-ий таракиме», где на тюркском языке изложил историю чингизидов, узбеков и туркмен.

² Борис Андреевич Дорн (Johannes Albrecht Bernhard Dorn; 1805–1881) – русский ориенталист немецкого происхождения, академик Петербургской академии наук, один из ведущих европейских специалистов по истории и филологии Ирана и мусульманского Востока XIX века.

российского правительства на Среднюю Азию также действовала и на татарский господствующий класс, а именно на буржуазию, которая имела торговые дела с этой Средней Азией и была посредницей русской торговли. Вот почему, когда русский капитал начал действовать без посредства татар, то в 60-х годах XIX столетия началось среди приволжских татар пробуждение и религиозно-реформационное движение. История Западной Европы нам указывает, что у всех народов в такие моменты возрождения появляется интерес к родной старине. Такое же явление мы замечаем и у приволжских татар, у которых скоро появился замечательный человек – Марджани (1818–1889). Марджани известен в мусульманском мире как реформатор и богослов, но он немало трудился в области истории, истории ислама, Средней Азии и, в особенности, в области истории восточно-европейских тюрко-татар. Его перу принадлежит многотомная историческая работа «Вафаятъ аслаф»¹ (وَفَيْلَتُ الْأَسْلَافِ), «Пролегомены»² (مُقَدَّمَةٌ)، которая была издана отдельно, а остальные тома до сих пор не могли увидеть света. Эта «Пролегомена», подобно (مُقَدَّمَةٌ)³ Ибн Хальдуна⁴, посвящена вопросам классификации науки и выяснению места истории среди других «наук

¹ «Вафият ал-аслаф ва тахият ал-ахлаф» Шигабутдина Марджани – рукописный многотомный (6–7 томов) энциклопедический биографический словарь, создававшийся им с 1838 г. до конца жизни и содержащий свыше 6000 биографий ученых, писателей, философов и общественных деятелей мусульманского Востока VII–XIX вв.; название обычно переводят как «Подробное о предшественниках и приветствие потомкам».

² У Шигабутдина Марджани есть отдельное введение к биографическому словарю «Вафият ал-аслаф ва тахият ал-ахлаф», озаглавленное «Мукааддима ки-таб вафият ал-аслаф ва тахият ал-ахлаф» и сознательно названное по аналогии с «Мукааддимой» Ибн Хальдуна. Это введение было издано отдельно в Казани в 1883 г.; по сути, это самостоятельный историко-мировоззренческий трактат, где Марджани рассуждает об истории раннего ислама, становлении и классификации наук, месте суфизма и о принципе «открытых ворот иджтихада».

³ «Мукааддима» Ибн Хальдуна – принятное в русскоязычном востоковедении обозначение теоретического введения к его трехтомному историческому труду «Китаб ал-ибар», часто сопровождаемое пояснительным подзаголовком «Введение (Пролегомены) к истории».

⁴ Ибн Хальдун (1332–1406) – арабский мусульманский историк, философ и социальный мыслитель, один из предшественников социологии и теории цивилизаций. Главный труд – «Китаб ал-ибар» с введением «ал-Мукааддима», где он формулирует концепцию «науки об обществе», теорию циклов подъема и упадка государств и понятие «асабийя» (групповая солидарность).

традиций» (علوم نقليه)¹. Марджани, подобно Ибн Хальдуну, в этом труде останавливается на выяснении факторов истории, придавая огромное значение географическому фактору, однако, мельком касается и роли экономики в жизни человеческих обществ. «Пролегомены», без сомнения, написаны под большим влиянием Ибн Хальдуна. Как я старался показать в одной из своих статей, некоторые места целиком списаны с него; однако, Марджани, как восточный ученый XIX столетия, во многом пошел вперед. Например, он резко критически относился к средневековым наукам, к алхимии, науке о таинственном значении букв (علوم السحر)², талисманам (علم الأسر)³ – ильмуссихр и др., пытаясь на их место ряд новых естественных наук. Марджани был первым тюрко-татарским историком России, выступившим на европейскую арену. На IV Археологическом съезде 1874 года, в г. Казани, он выступил с докладом на тюрко-татарском языке по истории булгар и татар, а который он старался выяснить до того неизвестные имена булгарских ханов. Этот доклад Марджани, который пошел впоследствии в «Труды съезда», является первым опытом систематического изложения истории приволжских тюрков.

Одним из ранних исторических сочинений этого автора является, посвященное истории Средней Азии غرفة الخوافين لمعرفة الخوافين⁴. Однако, самым важным и систематически изложенным трудом является двухтомная مسند الأخبار في أحوال قازان وبلغار⁵. Первый том этого, поистине замечательного труда посвящается истории хазар, булгар, тюркских кочевников Восточной Европы, Золотой Орды, среднеазиатских тюркских ханств, Казанского, Касимовского, Астраханского и Крымского

¹ ‘Улум наклийя – в пер. с араб. «передаваемые науки», «традиционные переданные религиозные науки».

² ‘Улум аср ал-хуруф – в пер. с араб. «науки тайн букв», «науки о тайнах букв».

³ ‘Ильм ас-сихр – в пер. с араб. «Наука колдовства» / «Наука о магии».

⁴ ‘Гурфат ал-хавакин ли-ма рифат ал-хавакин – в пер. с араб. «Жилища хаканов для познания их жизни».

⁵ «Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар» Шигабутдина Марджани – двухтомный труд конца XIX в., обычно переводимый как «Полезные (извлеченные) сведения о состоянии Казани и Булгара»; представляет собой первый опыт научного изложения истории волжско-камских булгар и казанских татар, основанный на систематическом привлечении и критическом сопоставлении арабских, персидских и тюркских письменных источников, эпиграфики, нумизматики и устных преданий.

ханств. Второй же том является опытом истории приволжского татарского и башкирского духовенства и мечети, и этот последний том до сих пор является единственным источником по истории татарской культуры после завоевания края Москвой; он написан на основании источников, собранных самим автором (предания, частные письма, летописные рассказы, написанные различными лицами, и т.д.).

Второй же том написан на основании данных арабских, персидских и чагатайских источников, большинство из которых автор прочитал в бытность его в Бухаре и Самарканде. Однако, ему не были чужды и русские летописи и другие русские памятники. Этими источниками, не владея языком, он мог пользоваться по переводам русских ориенталистов и особого переводчика из татар. Но Марджани не были чужды и труды некоторых русских ориенталистов. Например, я в одной статье старался показать, что ему было известно «Исследование о касимовских царях и царевичах» проф. Вельяминова-Зернова¹, откуда Марджани взял большую часть сведений о Касимовском ханстве. Это двухтомное произведение Марджани важно еще и тем, что оно написано на тюрко-татарском языке. Я не буду входить в детали произведений Марджани и в научную оценку их; такой разбор уже дан в тюркской литературе, особенно в изданном, при моем, Хасана Ата Абаши и Зеки Валиди ближайшем участии, юбилейном сборнике *موجانى*². Хотя самое важное и большое сочинение Марджани

¹ Владимир Владимирович Вельяминов-Зернов (1830–1904) – русский историк-востоковед, тюрколог, академик, один из основоположников научного изучения Касимовского ханства и тюрksких народов России. Наиболее известен четырехтомной монографией «Исследование о касимовских царях и царевичах» (1863–1887), ставшей классическим трудом по истории тюрко-татарских династий и образцом критической работы с восточными и русскими источниками.

² «Марджани. Сборник статей, посвященный 100-летию Ш. Марджани, изданный в Казани в 1915 г.» – памятное издание, выпущенное к 100-летнему юбилею со дня рождения Шигабутдина Марджани (1818–1889). Сборник был издан в 1915 году в Казани под руководством купца Салиха Губайдуллина на татарском языке арабской графикой и объединил статьи ведущих татарских ученых и общественных деятелей того времени, посвященные различным аспектам жизни, творчества и наследия Марджани – историка, богослова и просветителя, основоположника татарской национальной историографии.

وفيات الأسلام¹ и не было издано, однако, русский ученый мир достаточно оценил этого историка; хотя русские ученые и не дали полного его разбора, но все же считали его серьезным ученым, дающим много нового. По этому вопросу имеется весьма ценная статья З. Валиди²: «Марджани в русской литературе», а потому, отсылая интересующихся к этой статье, я хочу покончить с Марджани и перейти к другим вопросам. Однако следует отметить, что эпоха Марджани в области татарской исторической мысли была одной из замечательнейших. С одной стороны, в то время между татарскими учеными и русскими ориенталистами устанавливалась тесная связь, которая впоследствии, после смерти Марджани, надолго была прервана. А с другой стороны, в это самое время мы видим небывалый подъем интереса со стороны татарских ученых к исторической науке, вообще, к истории тюркских племен, в частности. Начиная от шестидесятых годов до смерти Марджани, существовал ряд татарских ученых и любителей, занимавшихся историей. Ученик Марджани, Хусайн Фаизханов³, отправился в Петербург и, сделавшись лектором Восточного факультета, всю свою

¹ «Вафият ал-аслаф ва тахият ал-ахлаф» Шигабутдина Марджани – рукописный многотомный (6–7 томов) энциклопедический биографический словарь, создававшийся им с 1838 г. до конца жизни и содержащий свыше 6000 биографий ученых, писателей, философов и общественных деятелей мусульманского Востока VII–XIX вв.; название обычно переводят как «Подробное о предшественниках и приветствие потомкам».

² Ахмет-Заки Валиди (1890–1970) – тюрко-татарский историк, востоковед и тюрколог, профессор, один из крупных исследователей истории и культуры тюркских народов. Его ранний фундаментальный труд «История тюрков и татар» (Казань, 1912) стал важным учебным и научным пособием по истории тюрко-мусульманских народов Поволжья и Средней Азии. В эмиграции он преподавал историю тюрков в Стамбульском университете, защитил в Вене диссертацию о «Путевых заметках Ибн Фадлана», подготовив первую научную публикацию рукописи с переводом и анализом, опубликовал капитальный труд по истории Туркестана и оставил около четырех сотен научных работ о тюркской истории, культуре и источниковедении.

³ Хусайн Фаизханов (Хусайн Фаизханов, ок. 1823–1866) – татарский теолог, историк, филолог и педагог, один из первых тюрко-татарских ученых-ориенталистов и реформаторов мусульманского образования. Он работал при Академии наук и Русском археографическом обществе, описал и ввел в научный оборот десятки тюркоязычных дипломатических актов и эпиграфических памятников (в том числе по истории Крымского и Касимовского ханств, булгарских надписей), тем самым заложив основы научной тюрко-татарской историографии и источниковедения.

жизнь работал вместе с Вельяминовым-Зерновым, помогая ему в трудах по сортированию и чтению документов по истории Касимовского ханства и Крыма. Даже в архиве Марджани, который погиб в 1922 году по время пожара, я видел составленный им и Фаисхановым проект открытия татарского университета по западному образцу. В то же время друг Марджани, Хусайн Амирхан, занимался сортированием татарских преданий и впоследствии выпустил книгу по истории булгар и Казани. Наконец, друг Марджани, купец Мухаммеджан Аитов¹, помогал Марджани в чтении русских книг по истории родного ему народа и, наконец, сам написал сборник исторических очерков, рукопись, которой погибла в начале революции. Кроме того, когда жил и писал свои замечательные произведения Марджани, совершенно независимо от него работал татарский просветитель и светский человек, энциклопедист и педагог, Каюм Насыри (1824–1904)².

Насыри не был историком-специалистом; он скорее был лингвистом и этнографом, но потому, как энциклопедист, иногда писал и на исторические темы. Главная заслуга Насыри в области истории приволжских татар не в систематическом изложении истории своего народа, не в отдельных монографических произведениях, а в сортировании фактов и исторических документов. Во-первых, такие материалы он помещал в периодически ежегодно издаваемых им настольных календарях на татарском языке. Насыри помещал там исторические песни татарского народа, предания по истории быта (например, одежды, утвари обычаяв и нравов), некоторые критические статьи, направленные против Марджани, которого он не очень долюбливал. Кроме того, Насыри собрал довольно большое количество материала по истории та-

¹ Мухаммеджан Аитов (Мухаметзян Сулейманович Аитов, конец XVIII – середина XIX века) – казанский татарский купец второй гильдии из династии Аитовых, торговавший сырьем и кожами. Сын купца первой гильдии Сулеймана Аитова (1764–1844), отец Сулеймана Мухаметзяновича Аитова (1862–1922), крупного предпринимателя и благотворителя; тем самым он занимает промежуточное звено между основателем рода Аитом и наиболее известными представителями купеческой фамилии.

² Каюм Насыри (1825–1902) – татарский ученый-этнограф, филолог, писатель и просветитель, один из ключевых представителей тюрко-татарской интеллектуальной традиции XIX века. Автор множества учебников по языку, арифметике и естествознанию, сборников пословиц и фольклора, а также обширного труда «Фәвакиһелжөләсә фил әдәбият», который часто называют первой татарской энциклопедией.

тарской литературы конца XVIII и начала XIX столетий и поместил их к концу своего *فواكه الجلاء*¹.

Особо следует отметить статью Насыри, помещенную в одном из календарей, и упомянутую книгу о татарском предании об Алупах, т.е. миф о великанах, статью о происхождении у татар одежды под названием *جيلان*² и об обуви *شيتك*³ по-русски «ичиги».

Насыри является первым татарским историком и этнографом после Хусаина Фаисханова, который вышел на поприще русской историко-этнографической науки. Его «Поверия и обряды казанских татар, образовавшиеся помимо влияния на них суннитского магометанства», помещенные в VI томе записок императорского Русского географического общества, являются первым трудом в этой области, о чем выскажался весьма сочувственно и такой авторитет в области истории Востока, как проф. Григорьев, в предисловии к этой статье. Я не буду говорить о другой важной статье Насыри на русском языке: «Народная литература казанских татар», но, однако, следует отметить его заслуги в собирании татарских исторических песен. Например, Н.Ф. Катанову⁴ он передал весьма интересные песни исторического содержания: «Песню о Казани (о завоевании ее) и «Песню о русском походе на Францию в 1814 году». Насыри в своих произведениях на русском

¹ «Фаваких ал-джуласа» Каюма Насыри – сборник занимательных рассказов, притч и поучительных историй, название которого традиционно переводят как «Плоды собеседований».

² Джилиян (тат. жилэн) – традиционная верхняя одежда татар, прямоспинный длинный халат весенне-летнего типа, обычно с небольшим шалевым воротником, сшитый из однотонной фабричной ткани или ткани с едва заметной полоской и носившийся поверх камзола или казакина.

³ Читек (тат. читек, также ичиги) – традиционная татарская кожаная обувь на мягкой подошве: высокие до колена сапожки или полусапожки из сафьяна или юфти, без жесткой подошвы, часто украшенные кожаной мозаикой и вышивкой. Такая обувь носилась и мужчинами, и женщинами и является характерным элементом татарского национального костюма.

⁴ Николай Федорович Катанов (1862–1922) – российский тюрколог, языковед и этнограф, один из крупнейших исследователей тюркских народов Сибири и Центральной Азии, профессор Казанского университета. В 1889–1892 годах он совершил большую научную экспедицию в Сибирь, Монголию, Джунгарию и Восточный Туркестан, собрав огромный материал по языкам, фольклору и быту тюркоязычных народов, а затем почти три десятилетия преподавал тюркские языки, этнографию и историю тюркских народов в Казани, став одним из столпов отечественной тюркологии.

языке писал как европейский ученый, и в предисловии к первой статье он употребляет, напр., такие слова: «Когда я стал относиться к делу научно...» и т.д. Но более важные исторические источники, собранные Насыри, до сих пор не изданы; из них только три варианта татарских летописей мною были изданы в татарском журнале «Маариф» в 1923 году, с огромным количеством типографских ошибок, но новые списки «Таварихи Булгарие и «Дастани Чингиз-хан и Аксак-Тимур» до сих пор хранятся у его родственников. Но более важные в историческом отношении три рукописных произведения на татарском языке: «Материалы археологические», «О Пугачеве» и «Об Аксак Карагутуне (т.е. о Луке Конашевиче)», хранятся в библиотеке Готвальда, в Казанском Госуниверситете. Первое произведение представляет собою довольно крупную научную ценность для истории приволжских татар: там собран большой эпиграфический материал, найденный им в Свияжском уезде, и собрано огромное количество преданий о происхождении селений того же уезда. Второе произведение ценно потому, что оно раскрывает нам отношение различных классов татарского общества к пугачевщине. Последнее же произведение посвящено самой темной и неизвестной эпохе истории татар, а именно XVIII веку, когда Казани свирепствовал ужасный князь и гонитель, епископ Лука Конашевич¹. Об этих последних рукописных работах Насыри в прошлом году мною представлена Академии ТССР довольно подробная статья, которая, надеюсь, будет напечатана скоро.

Насыри интересовался не только историей татар, но он занимался и другими частями истории. Им написана и издана конспективная история России. Кроме того, он интересовался древним Египтом и собирал материал на основании арабских авторов. В трехтомном труде по всемирной географии Насыри дает нам довольно интересные све-

¹ Епископ Лука (в миру Лаврентий Конашевич; умер 1/12 января 1758 г.) – иерарх Русской православной церкви XVIII века, епископ Белгородский и Обоянский, ранее епископ Казанский и Свияжский. Выпускник Киево-Могилянской академии, он прошел путь от преподавателя пинитики и риторики в московских духовных школах до епископской кафедры, прославившись как активный, но крайне жесткий миссионер среди мусульманского и «инородческого» населения Поволжья и Прикамья (массовое разрушение мечетей, попытки выселения татар из слобод, за что у местных татар закрепилось прозвище «Аксак Карагутун»).

дения о том, что говорят о древнем Египте такие мусульманские писатели, как Джалюддин Сиути¹, Ибн Мутевведж, Ибн Зуляк² и Эль-Кенди³. В последний период своей жизни Насыри мало занимался историко-этнографическими вопросами, а целиком предался составлению учебников для татарской новой школы и изучению татарского языка.

Начиная от восьмидесятых годов, приблизительно до конца XIX века мы видим большой застой в области истории, о чем мы можем только усмотреть давление российской реакции. Один только Гаспринский⁴ в своем публицистическом произведении: «О русском мусульманстве», написанном в 1881 году, старался обосновать свои неясные и противоречивые мысли, основываясь на исторических данных. Для примера, мы можем привести здесь следующие довольно любопытные мысли автора: «500 лет тому назад на Куликовом поле бесповоротно был решен судьбою истории вопрос о подчиненности северного и восточного мусульманства, а в частности тюрко-татарского племени русскому. После вековых испытаний и борьбы, возмужавший

¹ Джалалуддин ас-Сиути (1445–1505) – египетский мусульманский ученый мамлюкской эпохи, богослов шафиитского мазхаба, муфассир, мухадис, факих, филолог и историк, один из самых плодовитых авторов арабо-исламской традиции. Ему приписываются свыше 500 трудов по тафсиру, хадисоведению, фикху, арабскому языку и исламской истории.

² Ибн Зуляк (ок. 919–996) – египетский историк и факих эпохи Икширидов и первых Фатимидов, автор важных трудов по истории Египта и биографии правителей того времени. Его работы служат важным источником для изучения истории Египта X века; хотя большинство его сочинений не сохранилось, они широко цитируются последующими историками, такими как ал-Макризи и Ибн Хаджар ас-Каляни.

³ Абу Умар Мухаммад ибн Юсуф ал-Кинди (897–961) – арабский историк, генеалог и знаток хадисов, один из ранних мусульманских авторов по истории Египта. Он был учеником великого традиционалиста имама ан-Насаи, занимался сбором и передачей хадисов, а также составил историко-биографические сочинения об улемах и кадиях Египта, став одним из основателей местной египетской исторической школы.

⁴ Исмаил Гаспринский (1851–1914) – крымскотатарский просветитель и реформатор, основоположник джадидизма и пантюркизма в Российской империи. В 1883 году основал газету «Терджиман», пропагандировавшую модернизацию образования, единство тюркских народов и толерантность; разработал звуковой метод обучения и открыл реформаторские школы с светскими предметами и женским образованием.

и окрепший русский дух сломил, наконец, грозную, своеобразную власть татар, и с того момента шаг за шагом русская сила и власть надвигаются в недра Татарии, и разрозненные ветви тюрко-татарского племени, в свое время единого и могущественного, постепенно переходят под власть России и делаются ее нераздельной и составной частью. «Так, одно за другим, в моменты исторической необходимости вошли в состав растущей Руси – царства Рязанское, Казанское, Астраханское, Сибирское, Крымское, далее – ханства Закавказья и в последнее время некоторые ханства Средней Азии, где, по нашему мнению, Россия достигла своих исторических границ. Мы думаем, что рано или поздно границы Руси заключат в себе все тюрко-татарские племена и, в силу вещей, несмотря на временные остановки, должны дойти туда, где кончается населенность тюрко-татар в Азии ....». Этот псевдо-патриотический отрывок является ясным свидетелем того, как трудно было писать тюркским ученым публицистам эпохи Александра III, и к каким уловкам они принуждены были прибегать для того, чтобы среди чисто показного и патриотического пафоса пропустить свои сокровенные мысли ... К таким же историческим экскурсам прибегал этот замечательный журналист и просветитель буржуазной эпохи российского тюрко-татарского мира и в других своих статьях, хотя он и не был специалистом в области этой науки. Гаспринский любил эту науку, вот почему в эпоху свирепствования цензора Смирнова¹ он написал: «Мусульманские женщины» – брошюру, посвященную биографиям замечательных женщин мусульманского и тюркского мира. Приписываемое ему же произведение: «Мулла Аббас Франсави», будучи фантастическим романом, в то же время дает нам полную картины жизни и культуры андалузского халифата, к чему хотели вернуться деятели тюркской эпохи возрождения.

В конце XIX и в начале XX столетий на севере, опять-таки среди приволжских татар, работали в области истории два замечательных человека: народный учитель – крестьянин Айнуддин Ахмаров, делаю-

¹ Смирнов Владимир Дмитриевич (1846–1898) – русский тюрколог, востоковед, профессор СПбГУ, цензор мусульманских изданий; автор трудов по грамматике тюркских диалектов и истории мусульман России, с 1883 г. курировал периодику, запрещая «панисламистские» материалы.

щий доклады в Обществе археологии и истории при Казанском университете на историко-этнографические темы (например, о происхождении мещеряков и тептярий, о болгарских надгробных камнях), и Риза Фахруддинов¹, ныне здравствующий татаро-башкирский историк. Последний еще в конце прошлого века стал продолжать работу Марджани по истории татаро-башкирской культуры и печатать первые выпуски своих известных «Асар», собраний биографических сведений о татаро-башкирских деятелях.

При существовании гнета абсолютизма и страшной цензуры, которые гораздо тяжелее отражались на тюрко-татарской печати, чем на остальной, нельзя было и мыслить о развитии литературы, вообще, а исторической, в частности. Например, мы знаем, что первая казахская газета, которая стала издаваться и выходить в Сибири во 2-й половине XIX в., быстро принуждена была прекратить свое существование, главным образом потому, что там был помещен перевод введения Германа Вамбери² к его труду о примитивной культуре тюрко-татарских племен; в 90-е же годы с трудом разрешалось печатание некоторых сур и аятов из Корана ...

Репетиция к Октябрю, именно революция 1905 года, давшая проблески свободы печати, дала сильный толчок развитию литературы, вообще, и исторической, в частности, на тюркских языках. В первые годы «свободы» в казанских реформированных медресе стали преподавать историю. Даже часть интеллигенции стала интересоваться не только фактической, но и философией и методологией истории; вот

---

¹ Риза Фахруддинов (Ризаэтдин Фахретдинов, также Риза Фахретдин; 1859–1936) – выдающийся татарский и мусульманский ученый-энциклопедист, историк, богослов, просветитель, издатель и религиозный деятель. Он был одним из самых ярких представителей движения джадидизма и занимал пост муфтия Центрального духовного управления мусульман (ЦДУМ) в один из самых сложных периодов истории страны.

² Вамбери Арминий (Герман Вамбергер; 1832–1913) – венгерский тюрколог, востоковед и путешественник, член Венгерской академии наук; известен исследованиями тюркских языков и культур, экспедицией в Среднюю Азию под видом дервиша и теорией тюркско-венгерского родства.

почему в 1906 году появилась брошюра Юсуфа Акчурин¹ «История и наука» ^{٢ تاریخ و العلوم} по методологии и философии истории. Айнуддин Ахмаров³ стал помещать целые фельетоны по истории татар и болгар в новопоявившихся газетах на татарском языке. В то же время в Казани сильно увлекались историей болгар. В своих лекциях по истории болгар Ахмаров главное внимание посвятил опровержению теории чувашизма болгар.

Послереволюционный период на севере дал толчок не только к изучению истории татар, но и истории башкир, как отдельного народа. В этой области появилась первая книга Мунира Гади, написанная на основании русских работ, по истории Уральского края и башкирских преданий. Эта книга появилась, насколько мне помнится, в Оренбурге, который после революции стал вторым культурным центром, как город, имеющий крупных представителей татарского торгового капитала, и, как город, не имеющий никакой связи с татарскими феодальными традициями. С 1909 года на деньги владельцев золотых приисков

¹ Юсуф Акчурин (Юсуф Хасанович Акчурин, также Юсуф Акчура; 1876–1935) – татарский историк, политический и общественный деятель, публицист и один из основоположников татарского национального движения и тюркизма. Родился в Симбирске в семье купцов; преподавал историю и политологию, участвовал в деятельности партии «Иттифак ал-муслимин», был советником при создании Турецкой республики. Вклад Акчуры включает развитие политической мысли, национальной идентичности и культурной самосознательности татар и других тюркских народов.

² Одна из брошюр Ю.Акчуры называется «История и наука» (العلوم و تاریخ) и посвящена вопросам исторического процесса, развития науки и роли культуры в истории народа. В ней Акчурин анализирует связь между историей и научным знанием, подчеркивая важность объективности и просветительской миссии в научных исследованиях.

³ Айнуддин Ахмаров (Гайнетдин (Гайнутдин) Нежметдинович Ахмаров, 1864–1911) – татарский историк, археограф, этнограф, педагог и общественный деятель. Один из организаторов Восточного отдела Императорского Русского археологического общества, собрал крупные археологические и этнографические материалы по истории татар, открыл местонахождение древнего города Сувар и автор трудов по истории Болгара, Казани, мишарей и тентярей.

Рамеевых¹, под редакцией упомянутого Риза Фахруддина, стал издаваться татарский историко-общественный журнал «شورا»¹, который, вследствие доступности языка, стал читаться не только татарами, но всеми передовыми либеральными элементами и борцами против феодальных пережитков среднеазиатских и даже закавказских тюрков. В каждом номере этого журнала сам Фахруддинов помещал статьи по биографии замечательных деятелей мусульманского и тюрко-татарского мира. Некоторые из этих статей представляли собою новые исследования, например, статья по биографии азербайджанско-турецкого тюрколога Казем-бека, по биографии Абдуссалям-муфтия², любимца Николая I-го. В последней были опубликованы даже доселе неизвестные его письма. Кроме того, тот же ученый нередко помещал статьи по биографии арабских ученых, историков и путешественников, писавших по истории тюрко-татар (например, об Ибн Фадлане³, Идриси⁴,

---

¹ Рамеевы (Рамиевы) – татарская купеческая династия золотопромышленников Южного Урала, владевшая десятками приисков в Орском и соседних уездах Оренбургской губернии с конца XIX века. Основатель промысла Мухамметсадык Рамеев с 1869 года собрал до двух десятков приисков, которые затем перешли к его сыновьям Закиру и Шакиру, ставшим одними из крупнейших золотопромышленников России и меценатами, финансировавшими татарские школы, книги и мечети.

² Абдуссалям-муфтий – это Габдессалям Габдрахимов (Абдуссалям бин Абдуррахим бин Абдуррахман бин Мухаммад; 1765–1840), второй муфтий Оренбургского магометанского духовного собрания, «любимец» императора Николая I.

³ Ибн Фадлан (Ахмад ибн Фадлан, X век) – арабский путешественник и писатель, служивший при дворе багдадского халифа и как секретарь-факих вхodивший в состав посольства к правителю Волжской Булгарии в 921–922 годах. Его «Записка» (рисала) о путешествии на Волгу – один из важнейших источников по истории и этнографии Волжской Булгарии, башкир, огузов, хазар и «русов» X века.

⁴ Идриси (Мухаммад ал-Идриси, ок. 1100 – ок. 1165) – арабский географ и картограф, происходивший из знатного рода Идрисидов и служивший при дворе нормандского короля Сицилии Рожера II. Около 1138 года он переехал в Палермо, где в течение примерно 15 лет создал один из величайших географических трудов Средневековья.

Ибн Хаукале¹, Ибн Баттуте², Масуди³ и др.). В эпоху реакции в России в этом же журнале был поднят крупный спор, по известной степени носивший научный характер, на тему «кем мы являемся, тюрками или татарами?» В разгаре полемики многие старались ссылаться на данные истории тюркских племен, вот почему мне приходится здесь упомянуть.

В скорости после пятого года, когда более или менее свободно стали открываться новые школы и реформироваться старые медресе, история тюрко-татарских народов стала предметом преподавания, стали издаваться учебники по истории тюрко-татар. Составители учебников по истории тюркских племен и одно и то же время принуждены были проделать две работы: создать систему истории тюрков или татар, собрать достоверный фактический материал, который был разбросан, и некоторая часть даже не была издана. Вот почему историкам-составителям учебников приходилось проделывать огромную и трудную работу. Однако эти составители учебников по истории тюрко-татар не были по-европейски подготовлены и не

¹ Ибн Хаукаль (Абу-л-Касим Мухаммад ибн Хаукаль ан-Нисиби; X век) – арабский географ, путешественник и писатель классической школы арабской географии. Провел в путешествиях более 30 лет (примерно 943–977 годы), объездив Ирак, Иран, Северную Африку, Андалусию, Сицилию, Кавказ и степные области вплоть до земель булгар и хазар. Его главный труд – «Книга картины Земли» (Китаб сурат ал-ард), также известная как «Книга путей и стран» (Китаб ал-масалик ва-л-мамалик), завершенная к 977–988 годам и представляющая собой переработку и значительное расширение труда ал-Истахри.

² Ибн Баттута (Абу Абдуллах Мухаммед ибн Абдуллах ал-Лавати ат-Танджи; 1304–1368/1369) – марокканский мусульманский путешественник, купец и ученый-правовед, один из величайших путешественников Средневековья. За 30 лет странствий (1325–1354) он посетил почти весь исламский мир и ряд не мусульманских стран, преодолев около 120000 км – от Северной и Восточной Африки до Индии, Малой Азии, Крыма, Средней Азии, Китая и Мали. По возвращении в Марокко Ибн Баттута продиктовал свои воспоминания сократарю, и на их основе было создано сочинение «Рихла» («Путешествие»), ставшее важнейшим источником по географии, этнографии, истории и быту стран XIV века.

³ Масуди (Абу-л-Хасан Али ибн ал-Хусейн ал-Масуди, ок. 896, Багдад – 956/957, Фустат) – арабский историк, географ и путешественник, которого называют «арабским Геродотом» и «имамом» историков за масштабность и энциклопедичность его труда.

получили специальной исторической подготовки. Первым составителем учебника по истории татар был преподаватель реформированного медресе в городе Троицке, Абдулбари Батталов¹, который в одно и то же время был довольно популярным журналистом национально-демократического направления. В 1909 году он выпустил довольно большую книгу: «История татар». Как видно из самого названия книги, Батталов принадлежал к той части татарской молодежи, которая боролась за «татаризм». Вот почему Батталов в первом издании своей работы задался целью создать систему истории приволжских татар. По этой причине история Батталова начинается с истории хазар, потом излагается история приволжских болгар, а потом уже он переходит к истории татар Золотой Орды, Казанского ханства, попутно касаясь истории Ногайской Орды, Астраханского ханства. Отсюда ясно, что Батталов принял систему Марджани. Надо отметить, что Батталов во втором издании своей работы несколько изменил своей старой системе, включив в книгу, в виде предисловия, общие сведения о тюркских народах, вообще, о гуннах, туйцизах и уйгурах, в частности. В 1909 же году появилась в печати другая книга по истории тюркских племен, противоположная по идеи книге Батталова. Это «История тюркского племени» старого просветителя и новометодиста Хасан-Ата Абаши². Само название указывает на то, каким принципом руководствовался сам автор при изложении. Абashi делит историю тюркских племен, подобно истории европейских народов, на три периода: на древнюю (от древнейших времен до падения Монгольской империи), на средний (от падения Монгольской империи до падения Казани), новый (от падения Казани до

¹ Абдулбари Батталов (Габделбари Баттал, псевдоним Таймас; 1880/1883–1969) – татарский писатель, историк, журналист и языковед, один из первых авторов учебников по истории татар и исследователь тюрко-татарской истории и diáspory, с 1920-х годов живший в эмиграции в Турции. Сочетал публицистику и научные труды, создав книги «История тюрок-татар», «Казанские тюрки» и работы о деятелях татарского мира, утвердив в историографии идею татар как части широкой тюркской общности.

² Хасан-Ата Абashi (Хасан-Гата Габаши; 1863–1936) – татарский религиозный деятель, историк, педагог и богослов, значимая фигура мусульманского интеллектуального движения Поволжья. Он развивал историко-этнографическую мысль татар, совмещал научные исследования с просветительской деятельностью.

наших дней). Автор задался целью написать всю историю тюркских племен, и этот том был посвящен древнему периоду истории этого племени. Автор «Истории тюркского народа» настолько увлекся, что многие, совершенно не принадлежавшие к тюркскому племени, народы (например, сарматов, скифов, ясов, касогов, аланов и все народы Восточной Европы, описываемые греко-римскими авторами) причислил к тюркам. Абашি большое внимание уделяет истории не только тюрков, но «родственных им», как выражается автор, «туранцев», к которым, по его мнению, относятся японцы, китайцы, финны и др. Вообще, история Абаши не совсем похожа на историческое произведение, а скорее является собранием сведений по истории и этнографии разнообразнейших тюркских и «туранских» народов.

В это же время выступил со своими первыми серьезными историческими трудами историк-самоучка Заки Валиди. В 1912 году напечатана была его первая книга «История тюрков и татар». Эта книга Валиди сразу обратила на себя внимание ученого мира, не только российских, но и зарубежных тюрков. Юсуф Акчура-оглы в «Тюрк-Юрду»¹ посвятил разбору этого труда Валиди большую статью и назвал ее: «Первый учебник истории тюркских народов». Эта книга, как это легко можно заметить из предисловия, написана под большим влиянием Леона Кагона, через Наджиба Асима², по сокращенному изданию первого. Поэтому принцип деления на периоды находится под сильным влиянием последнего. Однако, есть некоторая разница: если труд

¹ «Тюрк-Юрду» (Türk Yurdu, «Тюркская родина») – турецкий журнал, основанный в Стамбуле 30 ноября 1911 года и ставший одним из главных печатных органов раннего тюркизма и пантюркизма. Инициатором и первым редактором выступил Юсуф Акчур; В 1911–1918 годах журнал выходил в Стамбуле, затем в 1923–1931 годах – в Анкаре как орган общества «Турецкий очаг».

² Наджип Асим (тур. Necip Asım Yazılısız; 1861–1935) – османский/турецкий историк, филолог, тюрколог и общественный деятель, один из ранних идеологов тюркизма и исследователь тюркских диалектов. Служил офицером, преподавал в военных училищах, затем стал депутатом Великого национального собрания Турции, сочетая политическую деятельность с научной и публицистикой. Как тюрколог, Наджип Асим занимался историей тюрков и сравнительным изучением тюркских языков, опубликовал работы по истории тюркских народов и комментировал классические памятники вроде «Девону лугат ат-турк». Его книги «Türk Tarihi» и другие труды в духе национального романтического тюркизма повлияли на формирование турецкой национальной историографии рубежа XIX–XX веков.

Кагона и Н. Асима является попыткой изложения общей истории тюрков как системы, то работа Валиди написана со значительным уклоном в сторону истории татар. Вот почему он делит историю тюрко-татар на такие периоды: тюрки в древности; тюрки и ислам; престол или «каанства» под властью монголов; Золотая Орда; болгары после татарского нашествия и Казанское ханство. Этим заканчивается первый том истории; второй том не вышел. Как видно из краткого оглавления книги, эта работа Валиди является чисто политической историей. Политическому и религиозному фактору автор придает преобладающее значение, в чем мы можем усмотреть отсутствие социологической школы общей подготовки автора в то время. (Например, автор вполне уверен, что Казанское ханство своим самостоятельным существованием до 1552 года обязано «великому джигитству и религиозной ревности казанцев»). Однако после Марджани северо-тюркско-татарский мир не знал ни одного историка до Валиди, который бы применил методы критики источников и кто бы использовал труды русских и европейских историков в русском переводе. Валиди в сносках и в предисловии, подражая европейским и русским историкам, указал литературу по разбираемому вопросу, что дало возможность многим заниматься историей родного народа, и это явление дало толчок развитию исторической литературы на тюркском языке. В то же время Валиди занимался разработкой отдельных вопросов по истории тюркских народов, в особенности среднеазиатских тюрков. Помощь, оказанная сначала Обществом истории и археологии при Казанском университете, при содействии такого крупного знатока древности, как М. М. Хвостов¹, а потом Российской академией наук, сильно способствовали развитию этого историка-башкира самородка. Я не буду касаться тех замечательных работ по изучению и отысканию источников по истории тюрков, выполненных после командировок его в Среднюю Азию, по

¹ Хвостов Михаил Михайлович (1872–1920) – русский историк античности, профессор Казанского и Томского университетов, крупнейший отечественный знаток древнего мира, прежде всего социально-экономической истории эллинистического Египта. Автор фундаментальных курсов и монографий по истории Древней Греции и Рима, отличавшихся вниманием к экономике, праву и социальной структуре и задавших высокий научный стандарт для русской антиковедческой школы.

открытию им нового варианта «Кудатку билика»¹ и изучению недавно обнаруженного им в Мешхеде отрывка путешествия Ибн Фадлана, ибо эти работы достаточно известны. Я считаю необходимым коснуться других его трудов по истории тюрко-татар на татарском языке. Я не имею возможности сейчас коснуться всех его статей, вышедших до его бегства, а скажу несколько слов о некоторых более или менее важных работах. Безусловно интересным является его критический обзор «Бурхануль хавакин» Марджани, в котором автор дал весьма ценный материал по истории тюрков Восточного Туркестана и обнаружил глубокое знание источников и литературы вопроса. Точно так же ценным трудом является небольшая брошюра «Лутфи и его Диван», в которой Валиди дал довольно ценный материал об этом малоизвестном туркменском поэте. Его же брошюра по истории участия татар во время «Смуты» XVII века, как популярный обзор, также ценен, как первая попытка, после Марджани и Фахруддина, изложить русский или московский период истории северных тюрков. Но весьма интересной является его статья в журнале «Шура»: «Хальфины», в которой он, первый из татарских историков, перешагнул из истории древних времен в новые времена, совершенно мало изученные исторической наукой вообще.

В то время, когда работали Батталов и Валиди, на севере работал еще один неутомимый и упорный историк, бывший член Второй Думы, радикально настроенный мулла Гади Атласы². Он не писал учебников, а издал три исторических работы, которые можно было бы назвать монографиями, если бы два из них не носили характера ком-

¹ «Кудатку билик» («Кутадгу билиг», «Kutadgu Bılıg», «Благодатное знание») – дидактическая поэма Юсуфа Хас Хаджиба Баласагуни XI века, один из важнейших памятников ранней тюркской письменной литературы и политico-философский трактат о справедливом государственном управлении. Написана на тюркском языке для караханидского правителя, содержит около 6520 байтов, рассматривает вопросы власти, морали, права и устройства общества и воспринимается как «энциклопедия» знаний своей эпохи.

² Гади Атласы (Хади Атласи, Гади Атласов; 1876–1938) – татарский историк-тюрколог, педагог, писатель-публицист и общественный деятель, один из ведущих представителей татарской национальной интеллигенции начала XX века. Автор трех фундаментальных монографий по истории татар и Волжской Булгарии, депутат II Государственной думы от Самарской губернии и активный участник мусульманского политического движения; в 1938 году репрессирован и расстрелян в Казани.

пиляции. Первая работа, «История Сибирского ханства», написанная на основании русских летописей, в особенности таких старых русских историков, как Фишер, Миллер и другие. Второе произведение Атласы – это «Сююнбике»; по стилю и форме изложения ее можно было бы назвать первым опытом художественной истории на татарском языке. Но более важный и объемистый труд – «История Казанского ханства» – является самым замечательным трудом этого историка. Конечно, Атласы, кроме общей концепции и несколько тенденциозного изложения, ничего нового не дает, однако, по сравнению с изданной популярной лекцией Ахмарова по истории Казанского ханства и чисто компилятивного изложения Батталовым истории этого государства, труд Атласы является новым в тюрко-татарской историографии. Кроме того, это произведение Атласы ценно тем, что он первый раз пользовался источником, написанным на старо-татарском языке, а именно ярлыком Сахыб-Гирей-хана, хотя немного достаточно использовал этот весьма ценный исторический памятник для анализа внутренней жизни этого ханства, как это сделал М. Г. Худяков три года тому назад в своей «Истории Казанского ханства».

Кстати, следует упомянуть об одном татаро-башкирском историке, написавшем историю татар на арабском языке под названием «*تَلْفِيقُ الْأَخْبَارِ*¹» и конфискованную цензором за «неосторожное и оскорбительное выражение» относительно Екатерины Второй. Этот автор – известный Мурад Меккинский². Двухтомное сочинение на арабском языке этого автора является работой, написанной по старой мусульманской традиции, хотя ему через переводчиков и были известны некоторые русские историки, как Карамзин и, отчасти, Соловьев. Но ценность этого сочинения в том, что Мурад Мекки, живя в мусульманских центрах, мог пользоваться некоторыми арабскими авторами в подлинниках, и иногда даже по неизданным рукописям. Отсутствие

¹ «Талфик ал-ахбар ва талких ал-асар фи вакай‘ Казан ва Булгар ва мулюк ат-татар» («Собрание сведений из прошлых событий Казани, Булгара и татарских царей»), – двухтомный исторический труд на арабском языке татарского богослова и историка Мурада Рамзи (1855–1935), изданный в Оренбурге в 1908 г.; описывает историю Волжской Булгарии, Казани и татарских ханств от принятия ислама до конца XIX в., включая биографии около 160 ученых и общественных деятелей мусульман Урало-Поволжья.

² См. ранее: Мурад Рамзи.

системы, мусульманский фанатизм, незнание европейских методов являются характерной чертой этого историка-любителя.

Мировая война не дала возможности тюрко-татарской интеллигентии заниматься культурными делами: многие из них были взяты на войну, часть, спасаясь от фронта, поступила «на оборону», оставшаяся часть ждала призыва... По этой причине, насколько мне помнится, кроме старииков, подобных Фахруддинову, никто не занимался в эти годы историей. Только последнему удалось выпустить перевод на татарский язык «Путешествия Ибн Баттуты в Дешт Кипчак», предпослав ему довольно интересное предисловие.

Но новое поле для деятельности историков открылось с начала Февральской революции, когда не только татары, но и остальные тюркские народы столкнулись с вопросом о самоопределении, для которого необходимо было изучать родную историю. Поэтому в узбекских, азербайджанских и крымских газетах стали появляться статьи с историческими экскурсами или прямо на исторические темы, которые были вызваны практическими потребностями изучения старины. Однако, вполне смело можно утверждать, что в этот период, если не считать «Материалов по истории русской политики на окраинах» Арслана Кринчинского, не вышло никаких солидных исторических трудов, кроме «Истории тюрко-татар», написанной братьями Туйки по время владычества Дутова в Оренбурге. Она является до некоторой степени переделкой других учебников на татарском языке, но с огромными ошибками (насколько мне помнится, Туйки в своем увлечении доходили до того, что греков называли тюрками).

Но совершенно другая эпоха открывается в области исторической науки после Октября. С одной стороны, в эту эпоху тюрко-татарские школы окончательно освободились от гнета, и история родного народа для каждого тюркского народа стала предметом преподавания в школе. С другой стороны, с этой эпохи тюрко-татарские революционеры стали писать историю революционного движения среди тюрко-татарских племен. В-третьих, тюркские народы, ставшие фактическими хозяевами своих стран, почувствовали практическую потребность в изучении родных стран. Интереснее всего то, что с этой эпохи история тюркских племен стала изучаться вполне объективно, без примеси националистических тенденций, ибо революция дала этим народам то, о чём они мечтали долгие времена. Кроме того, тюрко-татарские

историки с этого периода стали изучать прошлое народа не только с точки зрения эволюции политической жизни, но и с социально-экономической.

В кратких чертах я попытаюсь дать сжатый очерк развития литературы по истории тюркских племен, написанной самими тюрками. Прежде чем приступить к отдельным народам, я должен отметить один характерный момент этой эпохи, а именно: участие тюрко-татарских работников в высшей школе по преподаванию истории тюрко-татарских племен. Этот факт весьма знаменателен потому, что тюрко-татарские работники, попавшие в научную среду, обучая студентов, сами стали усиленно учиться. Раньше всего остановимся несколько на работах азербайджанских тюрков. Ужасный гнет царского правительства и господство фанатически настроенного духовенства и не знающего ничего, кроме угнетения своего народа, обрусевшего или слишком фанатичного бекства до революции не давали возможности развития исторической науки среди тюрков-азери; если и существовали такие пионеры в этой области, как Бакиханов, Латиф-Эфенди и другие, то это было большим исключением. Такой крупный ученый из тюрков-азери, как Мирза Казембек¹, профессор Восточного факультета Казанского университета, написавший научную грамматику тюркского языка и издавший известную, но до того времени неизданную книгу историка Ахмеда Ризы² – «Семь планет»، ³ السبع السیار не мог тогда найти сочувствия окружающих, применения своему труду и уважения на своей родине, в Азербайджане. Он принужден был

¹ Мирза Казембек (Мирза Мухаммед-Али Казем-бек, в крещении Александр Касимович Казем-Бек; 1802–1870) – один из основоположников российского востоковедения, крупный тюрколог, иранист, арабист и исламовед, первый декан факультета восточных языков Петербургского университета. Выходец из дербентской семьи мусульманского богослова, владевший девятью языками, он преподавал в Казанском университете (арабский, персидский, турецко-татарский), затем в Петербурге, ввел в научный оборот важные восточные источники (в том числе хронику «Дербенд-наме») и трижды удостаивался Демидовской премии.

² Должно быть: Сейида-Мухаммеда Ризы.

³ «ас-Саб‘ ас-сийяр фи ахбар мульюк ат-татар» («Семь планет в известиях о царях татарских») Сейида-Мухаммеда Ризы – историческое сочинение середины XVIII века, в котором в семи «планетах»-разделах излагается история Крымского ханства и других татарских государств, их династий и политических событий.

оставить свою родину и народ. Но советский переворот в Азербайджане, – когда народ из «татарина» и «мусульманина» превратился в «тюрка», получив истинное свое название, – послужил громадным толчком для развития исторической литературы. В первые годы советского переворота, а именно в 1923 году, была издана первая «История Азербайджана», написанная Рашидом Измайловым¹. Эта работа является первым опытом истории этого края, почему и имеет крупные дефекты; однако, до настоящего времени еще не появилось книг по истории этой республики, которые были бы написаны тюрками на тюркском или русском языке. Отсутствие материалистического подхода к историческим явлениям и некоторая тенденциозность являются характерными чертами произведения Измайлова. Труд делит азербайджанскую историю на следующие периоды, по политическому и хронологическим принципам: 1 – древнейшие эпохи, 2 – период владычества арабов, 3 – нашествие тюрков и монголов на Азербайджан, 4 – эпоха Ширваншахов, 5 – период нашествия османских тюрков, 6 – период владычества иранцев (время Сефевидов), 7 – нашествие Надира, 8 – период владычества Ага Мухаммед Каджара, 9 эпоха господства азербайджанских ханов, 10 – нашествие царской России, 11 – завоевания Екатерины II в Азербайджане, 12 – положение Закавказья по время Павла I-го, 13 – положение страны при Александре I, 14 – падение Гянджинского, Карабахского, Ширванского и Бакинского ханств, 15 – объявление Закавказьем самостоятельности, 16 – Азербайджанская республика. Несмотря на все недостатки этой книги, как в идеологическом, так и в научном отношении, она имеет одно важное преимущество: как можно было заметить из вышеизложенного, ни один историк тюрко-татарского мира не мог довести свое изложение до Новейшего времени. Даже татарские историки большую частью излагали свои истории до падения самостоятельных ханств. Измайлов довел свое изложение до советского переворота. Труд Измайлова не явился последним. В настоящее время разработка общей истории Азербайджана идет усиленным темпом. Новый труд в этой области, написанный преподавателем Тюркского педагогического института, Мамед-Гасаном Бахарлы, уже готов к печати. Наряду с общей

¹ Рашид-бек Исмаилов (Рашид бек Асад оглы Исмаилов; 1877–1942) – азербайджанский историк, публицист и педагог, один из первых авторов научной «Истории Азербайджана» нового времени.

и систематической разработкой истории Азербайджана идет усиленная работа по отдельным вопросам. Так, например, тот же Гасан Бахарлы написал монографическую работу по истории административного деления Азербайджана в прошлом. Начинающий историк, Рза Шабанов, закончил работу по истории ханского периода, а А. Ахмедов написал исторический очерк по вопросу об участии тюрков в революции 1905 года, на основании архивного материала. Ряд общественных работников в этом году выступил в газетах с историческими статьями по крестьянскому движению. Молодой университетский работник, Али Агаларов, закончил статью о революционных партиях среди тюрков после первой революции; директор Государственного архива, Абдулла Субханвердиев, приготовил к печати интересную работу: «Муштегид-помещик», выясняющую положение духовных феодалов в Азербайджане в эпоху Николая I-го и написанную на основании архивных, неопубликованных документов; мною же приготовлена к печати небольшая монография по истории феодальных отношений в Азербайджане в XVIII и XIX столетиях, по архивным материалам. В настоящее время Госархивом готовится к печати сборник архивных материалов и отдельных статей по истории этого края. Наряду с историей края, вообще, азербайджанскими учеными в настоящее время ведется усиленная работа по истории тюркской литературы. В этой области следует особо отметить сборник, посвященный памяти древне-азербайджанского поэта – Фузули; в этом сборнике многими специалистами помещены довольно ценные статьи по биографии и по истории эпохи этого поэта. В области изучения истории своей литературы азербайджанские деятели далеко остались за собой казанских татар. Особенno ценные в этой области статьи Исмаила Хикмета и Абдуллы Шаика. Редакция газ. «Коммунист» выпустила целый ряд брошюр, в которых помещены как уже издававшиеся, так равно и неизданные еще произведения азербайджанских поэтов, причем каждому выпуску предпосланы ценные биографические сведения об этих поэтах Салмана Мумтаза. Азербайджанские тюрки не только интересуются историей своей литературы, но уделяют огромное внимание изучению литературного творчества других тюркских племен. Доказательством этому может служить крупный труд работника Азгосуниверситета, Исмаила Хикмета, по истории анатолийской тюркской литературы. Пока вышло четыре тома, из коих три первых посвящены XIX веку,

а четвертый ХХ веку анатолийской тюркской литературы. Этот труд Хикмета является первым систематическим и обобщающим трудом в этой области. Насколько мне известно, не только на русском, но и на османско-турецком языке не было труда по истории новейшей османско-турецкой литературы, если исключить две, недавно появившиеся, работы Исмаила Хаiba и Ибрагима Наджми и сборник, посвященный 500-летнему юбилею знаменитого чагатайского поэта Невай, который я получил незадолго до выступления здесь с своим докладом и еще не успел прочитать. Наконец, издание весьма ценного произведения Невай *منشات* «Меншат» дало возможность изучения этого знаменитого поэта, мастера тюркского слова. Также ценна работа профессора Чобан-Заде о кумыкском языке и литературе, которая дает нам важные сведения как по истории, так равно и по истории литературы кумыкского народа, столь мало изученного в русской и европейской науке.

Узбекский народ тотчас после революции еще не смог широко развернуть свои силы и способности. Этот народ, который, в сущности говоря, является наследником великой среднеазиатской культуры, до революции жил своей старой культурой, хотя эта культура была культурой феодального класса и отжила уже свой век; новая же, европейская культура долгое время не могла успешно проникать в узбекскую среду благодаря тому, что не было объективных благоприятных социально-экономических и политических условий. Но после революции узбекский народ воспрянул духом, и способности этого старого культурного народа опять выступили на сцену. На страницах толстых научно-литературных журналов, которые стали издаваться среди них, появились ценные статьи как по истории, так и по истории литературы этого народа. Интеллигенция узбеков, умудренная опытом других тюркских племен, не спешит писать на скорую руку историю своего народа, ограничиваясь пока собиранием исторического материала. Например, собранные Гази-Алимом Юнусовым и другими, изданные и не изданные, исторического характера народные дастаны являются ценными источниками по истории этого народа; история Бухарской революции, написанная поэтом Айни, также является весьма ценным материалом по важнейшей эпохе узбекского народа, равно как и исследования Махмуда Вадута о Невай и других поэтах-мыслителях Средней Азии. Наконец, особо следует отметить материалы, собран-

ные Юнусовым и касающиеся родового строя и названия родов и их тамг у узбеков; они дают возможность изучить не только этнографию, но и социальную историю этого народа. Несколько лет тому назад появилась небольшая работа на узбекском языке «История Бухары» Салиева, которая хотя и является работой слабой, но все же может послужить руководством для школ по краеведению. Этот же работник, говорят, готовит более ценную работу. У узбеков мы видим одно замечательное явление, а именно переводы трудов по истории Средней Азии. Например, издан перевод «Истории Бухары» Вамбери. Хотя этот труд и страдает огромным количеством недостатков, но все же знакомит узбекскую читающую публику с европейской историографией. Однако, если бы эта книга была издана с указанием грубейших ошибок, то это было бы весьма полезно и предохранило бы публику от неизбежных заблуждений. Но более ценным является перевод «Туркестан в эпоху монгольского завоевания» академика В. В. Бартольда, который познакомит узбекскую молодежь не только с фактами по родной старине, но и с методами европейской исторической науки. К сожалению, перевод этой книги до сих пор еще не издан и ждет очереди.

Отсутствие правильной научной связи не позволило нам следить за ходом развития исторической литературы у казахского народа. Этот народ, хотя в большей своей части еще не вышел из кочевого быта, в XIX веке дал такого замечательного историка и этнографа, как Чокан Валиханов, такого публициста, любящего ссылаться на исторические факты, как Букейханов, и, наконец, исследователя родовых отношений Худайбердина. Из современных деятелей науки нам известны Диваев своими работами по собиранию народных исторических песен, которые вышли отдельными выпусками (после революции) в Ташкенте, и Тынышпаев. Последний в прошлом году выпустил замечательное исследование: «Материалы к истории киргиз-казахского народа». В этом труде автор остановился на исследовании двух интересных вопросов: на «Генеалогии родов» и на происхождении киргиз-казахов, – и приложил к работе родословные таблицы этого народа.

Кстати, следует отметить, что в последнее время в историко-этнографической литературе тюрко-татарских народов большое внимание уделяется исследованию родовых отношений и тамги. Выше было сказано о деятельности узбекского деятеля Юнусова по собиранию такого материала. Башкиры в только что полученном мною сборнике

«Башкирский Аймак» также много места уделили этому вопросу. Но особенно интересно небольшое исследование, которое я получил от крымского историка Османа Акчокраклы, – «Татарские тамги в Крыму», и которое посвящено настоящему Тюркологическому съезду. Это небольшое исследование дает нам много материала по этому вопросу. Пока тюрко-татарские тамги интересовали тюркских ученых как доказательства возможности происхождения орхонских письмен от тамг, о чем было высказано предположение О. Доннером, но потом взяла верх другая теория заимствования. Например, татарский писатель, Абдрахман Саади, в своей недавно вышедшей, популярной и компилятивной книге: «Язык, литература и письмо», – также приводит несколько башкирских тамг и, на основании этого весьма ограниченного материала, склоняется к мысли о происхождении орхонских письмен от тамги. Нужно заметить, что, когда ученые отвергли эту теорию, в их распоряжении было много материала о тюркских тамгах, вообще, и о башкирских, в частности, но этому автору эти труды были, очевидно, неизвестны. Во всяком случае, это изучение и собирание материалов по генеалогии и тамгам тюркских племен хотя и носит непосредственно этнографический характер, но представляет огромный исторический интерес, ибо можно надеяться, что впоследствии, на основании этих тамг и таблиц, удастся найти пути для разрешения вопроса о происхождении различных тюрко-татарских народов и для выяснения древнего социального устройства их.

Небольшой крымский тюрко-татарский мир, имеющий огромное культурное прошлое и давший еще в XVII веке довольно интересных историков, не отстает в нашей области и в настоящем. Помимо тех статей исторического характера, которые выходят в периодической советской татарской печати, в прошлом году вышло весьма ценное, имеющее жизненное и практическое значение большое исследование и собрание материалов Ахмеда Озенбашлы: «Крымская трагедия в царский период или татарские переселения». Эта книга, написанная, как и все крымско-татарские книги, сочным, прекрасным и доступным языком, имеет кроме публицистического и научное значение. В этом произведении впервые были пущены в научный оборот добытые неизданные материалы учреждений царской эпохи, а изданные уже материалы скомбинированы и собраны воедино. Точно также ценна приложенная карта бывшего Крымского ханства XVII столетия.

Славная башкирская история, полная борьбы против колонизации помещичьего правительства до сих пор, кроме Мунира Гади, не имела своего историка. В настоящее время работники вольной Башкирии проявляют большой интерес к своему историческому прошлому. Более важным руководством по истории башкирского народа является «История башкир», написанная сыном славного татаро-башкирского писателя и историка Риза казы – Абдрахманом Фахруддиновым. К этой работе Фахруддина не следует относиться как к ученому труду, а как к попытке написать учебник по истории башкир. Но важность этой книги заключается в том, что она является в то же время первым опытом систематического изложения истории этого народа с древнейших времен до советского переворота. Содержание ее делится на следующие периоды, часть I: обще-исторические и социологические предпосылки в самом популярном виде; часть II: прародина башкир – Алтайские горы; гуннское движение; положение Башкирии в древнейшие времена; башкирско-болгарские отношения; подпадение башкир под владычество татарского ханства; башкиры после падения Золотой Орды; башкиры под властью ногайцев; после падения Казанского ханства; подчинение башкир Московскому княжеству; основание Уфы; основные причины русской колонизации; первый период колонизации и административное деление Башкирии; земельная политика правительства в начале колонизаторской политики; начало башкирских восстаний; сентовское восстание; алдаркусумовский бунт; изменение башкирской политики России; начало промышленности в Башкирии; причины повальной продажи башкирами своих земель; постройка Оренбурга и борьба народа против этого; последствия кильме-абызского бунта, татищевское управление; бунт Кара-сакала; период Неплюева; тептярский бунт; обрусительная политика; бунт Батырши, его возвзвание, подавление движения; период Екатерины, пугачевщина, яицкие казаки, ее ход, Салават, последствия башкирских восстаний; создание кантонства и башкирского войска; земельный вопрос в этот период, управление и жизнь во время кантонства, после уничтожения его; башкиры после февральской революции; Октябрьская Башкирия. Даже при беглом чтении легко можно заметить, что книга эта написана не на основании первоисточников. Сильно заметно влияние фактического материала Витевского («Неплюев и Оренбургский край»), Попова («Башкирские бунты»), Соловьева («История России»). Вот

почему, где есть материал, автор на тех периодах останавливается довольно подробно, а где нет разработанного материала, там Фахруддинов дает краткие сведения: в то время, как XVIII век изложен им весьма подробно, состоянию народа в XIX столетии им посвящено весьма мало места, хотя эта эпоха является самой важной эпохой в жизни Башкирии. Точно так же мало места уделяется эпохе Революции пятого года и Февральской, и Октябрьской революциям. В этом отношении хорошим дополнением является брошюра на русском языке башкирского деятеля, Салаха Атнагулова, которая, являясь экономико-статистическим очерком, дает довольно подробный и правдивый материал по истории новейших эпох жизни Башкирии. Кроме того, Атнагулов, как личный участник последних событий, излагает много событий на основании своих личных переживаний и наблюдений, вот почему эта работа носит, отчасти, и мемуарный характер.

Несколько слов приходится сказать относительно исторической работы в Чувашской Республике. Чувашский народ, получив после Октября самоопределение, принялся за создание своей народной культуры. Как всегда в эпохи возрождения народов, проявляется сильный интерес к своему прошлому. Вот почему чувашские деятели с начала своей свободы стали проявлять сильный интерес к изучению истории, и до этого времени чуваши имели своего историка-этнографа, в лице профессора Никольского. Этот неутомимый труженик собрал огромный материал и стал опубликовывать его, начиная с конца XIX столетия. Но в настоящее время среди чуваш выдвинулся М.П. Петров, присутствующий здесь, на съезде. Хотя этот деятель и не является чистым историком-социологом, а скорее лингвистом и этнографом, но в прошлом году выпустил весьма интересное исследование: «О происхождении чуваш», в котором он, углубляя прежде высказанные взгляды, на основании привлечения нового материала, пришел к следующим выводам: язык чувашский и язык древне-булгарский один и тот же; современные казанские татары в значительной степени являются отатарившимися чувашами. Хотя тов. Петров и отрицает тюркское происхождение чувашского народа, но мы, придерживаясь старой теории, пока еще достаточно неопровергнутой, можем сказать, что, несмотря на поспешные выводы, недоказанные и спорные положения, выдвинутые автором, мы считаем эту книгу одной из

важных (с методологической точки зрения) историко-этнографических работ, написанных тюрко-татарскими деятелями в последнее время.

Товарищи, теперь позвольте мне сказать несколько слов о положении изучения истории тюрко-татарских народов приволжско-татарскими деятелями. После октябрьского периода спор о тюркизме или татаризме был разрешен окончательно в пользу последнего. Поэтому татарские историки сосредоточили главное свое внимание на изучении и популяризации истории татарского народа, главным образом после падения ханства. Если до революции объектом изучения была эволюция политической жизни татар, то с Октября пробудился интерес к социально-экономической истории и истории классовых отношений. Наконец, многие общественники-историки принялись за сортирование материалов и изучение хода революционного движения среди татар, но в то же время не оставили в стороне и изучение истории культуры и литературы, применяя материалистический и диалектический метод к объекту изучения. Главными деятелями и в области изучения истории татар в этом последнем периоде, кроме меня, (о себе здесь я не буду говорить ничего) были следующие лица: Джамал Валиди, Галимджан Ибрагимов, Асим Мансуров, Салах Атнагулов, Фатих Сейфи, Али Рахим, Сеид Вахидов и другие. За неимением времени, я не буду останавливаться на отдельных произведениях указанных лиц, а скажу несколько слов о более или менее важных работах их. Товарищам, желающим познакомиться с подробностями, я могу рекомендовать просмотреть нашу статью в сборнике «За пять лет», под заглавием «Что сделано в области науки». В области методологии и периодизации истории татарского народа можно отметить две статьи Ибрагимова и Салаха Атнагурова, вышедшие в журнале «Мариф», в которых были даны попытки разделения истории татар на периоды, на основании социально-экономических принципов, которые, отчасти, с некоторыми дополнениями и изменениями в настоящее время приняты татарской исторической литературой. В области опубликования и анализа новых источников мы можем указать на чтение и расшифрование ярлыка Сахиб-Гирея и на ряд статей по анализу его, исполненные Сеидом Вахидовым. Отыскание и опубликование этого важного памятника дает возможность значительно изменить до сего времени существовавшие представления о Казанском ханстве.

В области систематической работы по истории татарской духовной культуры можно упомянуть оба издания «Истории татарской литературы», вышедшие при моем участии. По изучению истории революционного движения среди татар было сделано довольно много Ибрагимовым. Значительный интерес представляют его брошюры: «Из истории татарского студенческого движения», «Октябрьская революция», «Пролетарская литература», в которой были сделаны некоторые исторические предпосылки. Но особенный интерес представляют два сочинения Асым Мансурова и того же Ибрагимова по истории революционного движения среди татар в эпоху пятого года. Эти сочинения хотя и написаны на одну и ту же тему, но взаимно дополняют друг друга. Эти труды поистине являются интересными работами, главным образом, как собрание материалов по дальнейшему изучению и углублению этого вопроса. Но скудость материала по истории крестьянского движения в обоих трудах можно рассматривать как довольно крупный дефект. Кроме того, у обоих историков положения, которые касаются выяснения предшествующих ближайших эпох, основаны на весьма скучном материале. Мне кажется, здесь нужно высказать пожелание, чтобы татарские ученые больше внимания обращали на экономическую историю XIX и нач. XX столетия. Несмотря на эти и другие дефекты, не зависящие от самих авторов, эти две книги являются самыми важными историческими работами, вышедшими после революции на татарском языке.

Позвольте мне сделать некоторые выводы: во-первых, у всех почти тюркских историков не хватало метода, и замечалось отсутствие школы, так как почти все они, за исключением некоторых, были людьми, не прошедшими специальной школы. Во-вторых, большинство из трудов, написанных на тюрко-татарских языках, носили популярный характер. В-третьих, в этих трудах замечается малое знакомство с историческими источниками и специальной литературой, в особенности с западно-европейской.

На основании всего изложенного, мы считаем необходимым обратить серьезное внимание на подготовку молодежи к этой деятельности, ибо тюрки сами, зная жизнь современных тюркских народов и владея восточными языками, живя сами на той территории, где про-

исходили исторические события, могут принести большую пользу науке, что показали до сего бывшие опыты. Во-вторых, в целях популяризации и приближения исторической науки к тюркским массам необходимо приступить к переводу важнейших произведений русских и европейских историков по истории тюркских народов. В-третьих, в тех же целях следует приступить к планомерному изданию источников по истории с переводом их на тюркский язык. Наконец, следует признать весьма желательным усилить археологические раскопки в целях увеличения материалов по истории материальной культуры тюркских племен.

ПУГАЧЕВЩИНА И ТАТАРЫ

В XVIII веке татарский народ состоял из вполне сложившихся классов земельной аристократии (князей и мурз²), мусульманского духовенства, служилых татар или мелких земельных собственников, владевших на вотчинном праве, торговых татар, крестьян ясачных и помещичьих, которых татары называли «Кул-Чура» или просто «Кул» (раб). Ко времени пугачевщины уже появился новый элемент, а именно заводчики и фабриканты. Поэтому с методологической точки зрения совершенно неправильно было бы поставить вопрос об участии татарского народа в общем и целом в том движении XVIII столетия, которое известно под названием «пугачевщина».

Раз у татар существовали вполне зрелые классы общества, то и их отношение к этому явлению должно было быть различным.

Нельзя требовать от мурз и князей, даже более или менее крупных служилых татар «чуровладельцев», чтобы они по каким-то национальным интересам могли участвовать на стороне восставших крестьян или боровшихся против колонизации башкир, участвовавших поголовно на стороне Пугачева.

¹ Впервые опубликовано: Губайдуллин А. Пугачевщина и татары / А. Губайдуллин // Известия Общества обследования и изучения Азербайджана. Баку, 1927. № 4. С. 74–164. Текст дается по данной публикации.

² Мурзá (также мирзá, мырзá; от персидского амир-заде – «сын эмира», «принц») – это аристократический титул, который использовался для обозначения высшей наследственной знати в тюркских и иранских государствах.

Еще только за шесть лет до появления Пугачева мурзы казанских слобод в своем наказе Комиссии 1767 года хвалились тем, что их «предки» служили «великим государям-царям» в подавлении различных восстаний. Между прочим, они упоминают об участии в борьбе Московского правительства и против «Гришки Расстриги»¹, против бунтовщика Казанского уезда Арской дороги, татарина «Дуссаноли»², в «усокращении башкирского замешания против бунтовщика башкирца Алдара»³, в 7175⁴ при отогнании «воровской» партии Стеньки Разина, в усмирении башкирца-бунтовщика Сейта⁵, в 1708 против бунтующих «воров» – башкирцев, когда восставшие русские и туземные крестьяне, грабя помещиков, поджигая монастыри, подошли к Казани на 30 верст, и город был спасен только благодаря отпору своих

¹ «Гришка Расстрига» – уничтожительное прозвище, данное правительством Бориса Годунова Лжедмитрию I, самозванцу, выдававшему себя за чудом спасшегося царевича Дмитрия Ивановича, младшего сына Ивана Грозного. По официальной версии, под этим именем скрывался беглый монах Чудова монастыря Григорий Отрепьев.

² Татарин «Дуссаноли», упомянутый как бунтовщик Казанского уезда Арской дороги – это, с высокой вероятностью, Досан Али (или Дусан-Гали), предводитель локального восстания в 1660-х или 1670-х годах. Такая практика иска-жения и слияния имен была распространена в административных документах того времени. Он был татарином и возглавлял вооруженное выступление на территории Арской дороги – одного из ключевых административных районов Казанского уезда, густонаселенного татарами.

³ Алдар Исекеев (также Алдар-батыр; родился в 1670-х годах – казнен 16 марта 1740 года) – потомственный тархан и батыр, старшина Бурзянской волости Ногайской дороги. Он был одним из главных предводителей башкирского восстания 1704–1711 годов, которое вошло в историю как «Алдаровщина».

⁴ 7175 год по старорусскому календарю (от «с сотворения мира») соответствует либо 1666, либо 1667 году по современному летоисчислению. Точный год зависит от месяца, поскольку до реформы Петра I в 1700 году новый год на Руси начинался 1 сентября.

⁵ Сейт (Сеит-батыр, также известный как Сеит Ягафаров или Сеит Садиир; вторая половина XVII – середина XVIII века) – феодал, религиозный деятель и предводитель башкирского восстания 1681–1684 годов. В народе он был известен под именем Сеит-батыр, а во время восстания был провозглашен ханом под именем Сафар.

классовых врагов, казанских мурз и служилых татар¹, за что они и получили «похвальный лист»².

Также не могло идти с народом и магометанское высшее духовенство в целом, во главе которого стоял тотчас же после пугачевщины сам крепостник Муфтий Мухамедзян Хусаинов³, о котором предание говорит, что он узаконил крепостное право, подводя дворовых девок-татарок Тевкелева под категорию рабов средневекового мусульманского Востока. Также всецело не мог стать в ряды Пугачева татарский крупный торговый класс, который имел, главным образом, торговые связи с Средней Азией и Киргизией⁴ и потому не мог вести правильную торговлю при существовании «смуты», при грабежах пугачевцами бухарских караванов, хотя сокрушение власти и моши феодалов в основе могло принести им немалые выгоды.

Здесь мы приведем перевод одного татарского документа, иллюстрирующего настроение крупного татарского торговца во время Пугачевщины. Татарский писатель XX века Насиров⁵ в одной из своих рукописей⁶ говорит, что ему рассказывал его друг купец-историк

¹ Мат.[ериалы] по этому эпизоду из классовой борьбы можно найти в опис. [ании] докум.[ентов], хранящихся в Мос.[ковском] архиве Мин.[истерства] Юст.[иции], кн.[ига] 5, отп.[уск] 2; у Витевского, «Неплюев и Оренб.[ургский] край», том 1, стр.[аница] 13; у Н. А. Фирсова, «Инородцы бывш.[его] Каз.[анского] царства». Особенно яркую картину дает татар [ская] летопись (Покровский, «Отрывок из одной тат.[арской] летописи», Каз.[ань] 1905). (Прим. авт.)

² Сб.[орник] Рус.[ского] Ист.[орического] Об.[щества], том 115, стр.[аница] 306. Башкирские бунты, по нашему мнению, являются также одной из страниц борьбы против крепостного права. Колонизационный вопрос был тесно связан с крепостным хозяйством. (Прим. авт.)

³ Мухамеджан Хусаинов (также Мухаммад-джан; 1756–1824) – выдающийся татарский религиозный и государственный деятель, первый муфтий Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС).

⁴ Имеется ввиду современный Казахстан.

⁵ Каюм Насыри, тат. Каюм Насыйри; 1825–1902), – выдающийся татарский ученый-энциклопедист, просветитель, историк, этнограф, языковед и писатель XIX века. Его деятельность оказала огромное влияние на развитие татарской культуры, языка и образования.

⁶ В 1926 году эти рукописи изданы с моей поясняющей статьей Ак.[адемическим] Центром Т.[атарской] С.[оциалистической] С.[оветской] Р.[еспублики] под ред.[акцией] Али Рахим. (Прим. авт.)

Мухамедзян Аитов¹ следующее: «Отец рассказывал мне, что дед мой в то время был в Яике; распространился слух, что Пугачев отправился завоевать Казань; а дедушка Аит им сказал, что он (Пугачев) так скоро не возьмет Казань, ибо царь Иван Васильевич семь лет (?) осаждал ее и то с трудом взял. Эти слова были доведены до сведения атамана Яика, назначенного Пугачевым. Тогда по повелению атамана у дедушки связали руки и ноги сырьим ремнем и бросили в степь. После этого друзья дедушки пошли к атаману и просили его, чтобы он простил и сказали, что Аит ничего худого не говорил про Пугачева. Атаман простил Аита. Затем Аит купил 50 шелковых платков для того, чтобы сделали из них знамена и отнесли их к атаману. Еще дед Аит рассказывал, что в то время (в Яике) воцарился такой беспорядок (نظم‌لائق), что несколько тысяч штук принадлежащих ему овчин употребили вместо досок для моста, чтобы переправить войско»².

Из этого отрывка явствует, что татарской крупной буржуазии не совсем нравилось это «беззаконие», почему многие из ее среды и приятели сторону правительства.

Далее для ясности мы остановимся на вопросе о татарских классах несколько подробнее.

Начнем с высшего класса общества, а именно с мурз, князей, отчины и служилых татар. Хотя этот слой благодаря сильному развитию торгового капитализма среди татар в XVII–XVIII ст. и отчины вследствие запрещения иметь крепостных из православных, начиная с 1628 года, узаконенного уложением Алексея Михайловича, сильно ослабел; этому же особенно способствовали указы Петра I-го в 1713–15 гг. еще сильнее подчеркнувшие это ограничение в правах мурз и служилых. Эти ограничивающие законы существовали до Екатерины II и не были отменены даже ею, несмотря на то, что она провозгласила «веротерпимость» незадолго до пугачевщины. Таким образом, татарские крепостники были оставлены под угрозой совершенно потерять рабочие руки в случае, если они будут эксплуатировать своих

¹ Мухамедзян Аитов (Мухаметзян Сулейманович Аитов, 1823–1890) – казанский купец 2-й гильдии, краевед и коллекционер древних монет из рода служилых татар. Он был заметной фигурой в общественной и культурной жизни Казани второй половины XIX века, сочетая коммерческую деятельность с глубоким интересом к истории родного края.

² Рукопись Насирова (Рук. [описный] Биб. [лиотека] Готвальда) в главн. [ой] библ. [иотеке] Каз. [анского] Унив. [ерситета] № 63. (Прим. авт.)

«Кул-Чура»¹, как их братья по сословию, русские дворяне, ибо татарские крепостные под гнетом своих национальных поработителей могли переходить в православие и, таким образом, освободиться от своих «бояров», как выражались тогда татары. Класс крупных землевладельцев еще был ослаблен тотчас же после падения Казани, когда земли у многих восставших или участвовавших на войне беков, мурз, карачеев, ханов, и их родичей были «отписаны» на казну и розданы или русскому служилому люду, или же православному духовенству².

Таким образом, этот класс утратил все свои латифундии около Казани и речных периферий. Несмотря на то, что князья и мурзы потеряли свою экономическую почву, однако, во времена пугачевщины этот класс сохранился и имел твердое классовое сознание, которое рельефно выразилось в наказах и в «представлениях» Екатерининской Законодательной комиссии 1767 года. Когда разбирался вопрос о преимуществах и правах дворянства депутатом Аюпом Енекиевым была подана записка с подписями других представителей этого татарского класса. «В дополнение чего», читаем мы в этом документе, «высокопочтенных господ депутатов собранию имею честь объяснить и притом просить, что оное мое объяснение милостиво было принято в закон. Предки наши были природные князья, мурзы и служилые татары и не ясачные крестьяне, которые в давних годах выехали самопроизвольно в Великославную Россию из Золотой Орды для предложения предкам Ея Императорского Величества верностной службы, которые всех опыт показали с избранным успехом во время воен против неприятеля по разным городам столь разительно, а особливо, что оную продолжают без получения от предков Ея Императорского Величества жалованья содеря себя своим коштом, за что только щедро были награждены: князья и мурзы дипломами и жалованными грамотами и поместными землями, также служилые татары по выписям поместными землями с разными угодьями, о чём значат князьям и мурзам и служилым татарам право иметь по разному числу четвертей, а некоторые имеют изстари дворовых людей из татар, почему по крещению каковых князей мурз предпочтены в Российском законе князьями, а некоторые дворянами. Того ради для нас не почитать с простыми и незаслуженными ясачными крестьянами и прочими не

¹ Так называли дворовых холопов татары в XVI и XVII веках. (Прим. авт.)

² См. Перетяткович «Поволжье в XV и XVI веках». (Прим. авт.)

служилыми татарами. Для того покорно прошу, чтобы между нами учинить раздел, т. е. чтобы как князья, так и мурзы и служилые татары, всякое по своему званию имел о себе преимущество и чтобы мы от простых и неслужилых ясачных татар были отличны»¹.

То же самое повторяли в своих «представлениях» другие депутаты татары по отдельности².

Однако, в комиссии этот вопрос не был разрешен, и татары-мурзы не были уравнены в правах, хотя об этом говорилось и в каждом наказе от мурз и служилых татар. То же самое мы видим в челобитии мурз и служилых татар, поданном императрице за год до пугачевщины (1772 г.), в котором они просили «не мешать их служилого имени и не сравнивать с государственными и прочими крестьянами»³.

Этот татарский помещичий класс в течение всего XVIII ст.[олетия] сохранял в своих руках крепостных из татар. Например, мы знаем, что по сведениям 1718 года, когда на основании указа Петра I-го 1713 года православные крестьяне, находившиеся в руках татарских помещиков, отписались в казну, то в руках касимовских мурз все-таки осталось 3664 души мусульман⁴. По «Ведомости» 1781 г. в Казанском наместничестве в руках мурз и служилых татар было одних дворовых людей 555 душ⁵.

Затем мурзы слобод города Казани в своем наказе заявляют, что «прадеды и деды и отцы наши изстари, а по них мы низкайшее владение имеем по купчим движимым и недвижимым, також дворовыми людьми и крестьянами. А оные наши купленные и приданые за нашими женами крестьяне и дворовые люди из татар же». Тоже самое подтверждается и в наказе от служилых мурз и татар разных дорог

¹ Сб.[орник] Рус.[ского] Ист.[орического] Об.[щества]: том 43. См.[отри] об этом же у Флоринского, «Из ист.[ории] Екат.[ерининской] Закон.[одательной] Ком.[иссии] 1767 г.» стр.[аница] 30. (*Прим. авт.*)

² См. Ташкин, «Инородческое население Поволжья, Приуралля и Сибири» часть I, стр. 105. (*Прим. авт.*)

³ Семевский, «Крестьяне в царствование Екатерины II», т. I, стр. 588. (*Прим. авт.*)

⁴ Ключков, «Население России в эпоху Петра I-го» стр. 312, т. 1. (*Прим. авт.*)

⁵ Сб.[орник] мат.[ериалов] по ист.[ории] Казан.[ского] края в 18 веке, изд.[анный] под ред.[акцией] Д. А. Корсакова, и[мператорского] У[ниверситета] при Каз.[анском] Университете, том 18, вып.[уски] 4–6, стр.[аница] 365. (*Прим. авт.*)

Казанского уезда, Пензенского, Саранского и Слободского уездов¹. Как это мы видели в выше приведенном отрывке, это крестьянство покупалось и продавалось, как рабы на мусульманском Востоке.

О продаже таких крепостных татар у нас имеется очень любопытный документ, который мы хотим привести в русском переводе: «1788 года января 8 дня я служилый человек Старой слободы Казанского уезда Арской дороги Юсуф сын Ден-Мухаметов продал доставшегося на мою долю раба ²(أوزومنيك حصه مه تیکان قولمنی) Исмаилу, сыну Апанай-Хафиза за сто рублей, оные рабы живут в деревне Кушар Арского округа двором своим ³(پورت برله تور غوجیر) Указанные рабы 1-й Бикбау сын Сейдки, его жена Носиха, дочь его, один малолетний сын Бикчантай, сын другого раба Муртаза Мукминов и все земли и сенные покосы, которыми владеет Бикбау в деревне Кушаре должны с сего времени принадлежать Исмаил-Аге»⁴.

Классовая борьба внутри этого татарского крестьянского хозяйства шла довольно сильно. Поэтому казанские мурзы в своем наказе (§17) жалуются на своих крестьян в следующих словах: «А из оных наших дворовых людей и крестьян некоторые бывают не в послушании нас, а иногда бегают и будучи в том побеге чинят воровство». Поэтому мурзы просят, чтобы «того ради повелено было таковых приличившихся или без оного изоблечения, только в одное случае подачи на них от нас, от владельцев их, доношение в отсылатъ их с казенной работы куды указом повелено, в счет за них же дворовых людей и крестьян рекрут»⁵. Иногда эта борьба чрезвычайно обострялась, от «побоев и воровства» переходила в вооруженное столкновение. Хотя по вопросу о борьбе мурз и их крепостных не собрано достаточного

¹ Сб.[орник] Рус.[ского] Ист.[орического общества]: том 115, стр.[аницы] 312, 328, 333, 341. (Прим. авт.)

² В транслитерации со старотатарской арабици: «үзәмнәң хәзмәт иткән колымны» – «моего раба, который мне служил» (или: «...служил у меня»). В оригинале имеются опечатки.

³ В транслитерации со старотатарской арабици: «йорт берлән торгучыдыр» («проживающий своим двором»).

⁴ 335 مستفاد الأخبار، 1، جلد ص (Прим. авт.). «Мустафад ал-ахбар...», Т.1. С.335.

⁵ Сб.[орник] Рус.[ского] Ист.[орического] Об.[щества]: том 115, стр.[аницы] 312–313. То же самое мы находим в наказе от служ.[иных] мурз разн.[ых] дорог в § 31, стр.[аница] 318. (Прим. авт.)

материала, однако, один из эпизодов этой вооруженной борьбы нам известен. Это восстание крепостных татар известного своей жестокостью и зверством карателя башкирских повстанцев, инициатора присоединения к России киргиз-кайсаков, Кутлук-Мухамета или Алексея Тевкелева¹, в 1744 году. В теперешнем Елабужском кантоне ТССР у него было большое поместье, пожалованное правительством за его заслуги, с крепостными крестьянами из татар. Тевкелев, привыкший безответственно эксплуатировать население Башкирии, так же жестоко обращался со своими крепостными, и произвол его особенно был чувствителен для них.

Поэтому зависимые татары-крестьяне деревни Балтайской и Мордвинской, принадлежащие Тевкелеву, вступили в открытую вооруженную борьбу со своим барином. Некоторые из них, оставив свои жилища, поселились на реке Салоуше, в глухом лесу, откуда они делали нападения на прочие деревни Тевкелева и разоряли их, угрожая жизни и самого мурзы. По требованию последнего прислана была военная команда, которой крестьяне оказали вооруженное сопротивление. Тогда против повстанцев из Казани был отправлен поручик Измайлов, состоящий у розыскных дел, и восстание было подавлено². Из этих отрывочных фактов видно, что в татарском обществе существовали, как во всей России, помещики и их рабы, и между ними шла беспощадная борьба.

Кроме крепостных и дворовых, в XVIII веке существовали свободные ясачные крестьяне, которые в каждую минуту могли быть превращены в крепостных по одному мановению императрицы и пожалованы тому или иному выслужившемуся мурзе.

¹ Тевкелев Алексей Иванович (Кутлу-Мухаммед Мамешевич Тевкелев; 1674–1766) – российский государственный деятель, дипломат татарского происхождения, генерал-майор. Он сыграл ключевую роль в присоединении Младшего жуза казахов к Российской империи, основал более 20 крепостей, включая Челябинск.

² Витевский. «Неплюев и Оренбургский Край», том II. стр. 216–217. (Прим. авт.)

³ В транслитерации со старотатарской арабицей: «ясаклы татарлар» («ясачные татары»).

Ясачные татары¹ в XVIII веке были большинством и основным ядром татарского народа. Их экономическое положение было далеко не одинаково с положением русских государственных крестьян. В XVIII веке ясачные татары были разбросаны по всей России. Тяжелые подати повинности, рекрутские наборы, солдатские постои, религиозные притеснения заставили их бежать на разные окраины. В особенности они бежали в Башкирию и Сибирь. Если в XVII и XVIII веках Дон и Яик были убежищем для беглого русского крестьянства, то широкая Башкирия играла ту же роль для татарского крестьянства. Татары-выходцы из Алатырского и Симбирского уездов носили имя мещеряков², а татары и отатарившиеся финны, переехавшие из Казанской губернии носили название «тептяри» или просто татары. Одной из важнейших причин бегства татар-крестьян в Башкирию было и малоземелье, поэтому ясачные татары в своих наказах жалуются, что «многие из нас ясачников, по малоземелью имеют крайнюю нужду и в ней недостаток»³.

Кроме всего сказанного, ясачные татары Казанской губ. [ернии] сильно страдали от закабаления заводчиками Оренбургского края, к чему их принуждали тяжелые поборы, подати и малоземелье при таком экстенсивном хозяйстве, которое существовало у всего российского крестьянства. Известно, что приказчики или агенты горных заводов ездили по татарским деревням, прельщая их хорошим жалованьем и условиями труда, нанимали их в качестве рабочих, отдав им вперед, на основе круговой поруки, задатки. «Поэтому, — пишут ясачные татары в одном наказе, — когда они бывают обзадачены наперед большими задатками, то из-за оных 20 руб. принуждены работать лет (10) десять и пятнадцать, да и оные едва ли совсем расчесться том может». Хотя они там получали вознаграждение и «не малые», но эти деньги все приходилось оставлять в руках заводов, «потому что харчь,

¹ Ясачные татары — это особая категория феодально-зависимого населения в Русском государстве в XVI–XVIII веках, которая платила натуральный налог, называемый ясак. Эта группа включала в себя нерусские народы Поволжья, Приуралья и Сибири, в том числе татар, чувашей, марийцев, мордву и удмуртов.

² «Оренбургская топография» Рычкова, том I стр. 102. (Прим. авт.)

³ Сб. [орник] Рус. [ского] Ист. [орического] Об. [щества]: том 115, стр. [аница] 393. (Прим. авт.)

платье и обувь принуждены те рабочие люди покупать у тех же хозяев за тройную и больше цену».

Из этого видим, что это ясачное крестьянство принуждено было пролетаризироваться, отчасти из них и готовилась та армия заводских крестьян, которые готовили артиллерию для Пугачева и чеканили ему монеты.

Наконец, необходимо принять во внимание различные притеснения чиновников. Н. Н. Фирсов в своей книге «Народное движение в России» приводит из архивных документов такой любопытный факт, что на комиссара майора Бутырева подано было «с двадцать чебельтьев», по которым мы узнаем, что он брал взятки с татар «деньгами, и овцами, и баранами; он облагал даже татар в свою пользу по 16 коп. с души и по овце с жительства в год». Но комиссар даже и этим не ограничился и установил своеобразную барщину из татар, числившихся государственными крестьянами, заставляя работать их в свою партикулярную пользу в летнее время без всякой платы⁴.

Еще раньше до этого явления существовали систематические взятки, например в XVIII веке татары жаловались на губернского комиссара, что сверх подушных денег чиновники собирали с них в свою пользу от 3–5 коп. с души⁵. Если принять во внимание, что «инородческое население» было обложено подушной податью с 1737 года вдвое, да, кроме того, собирали хлебом⁶, то будет ясно, как это было тяжело для этих крестьян; наконец, религиозный гнет и насильственная русификация побуждали татарских крестьян бежать из своих мест.

Все эти неимоверно тяжелые условия заставляли татар-крестьян бежать в Башкирию. В результате этого Башкирия превратилась в колонию беглых крестьян-татар, почему и Башкирия со всем своим населением пристала к Пугачеву.

Еще во время Петра Великого замечалась убыль населения в Казанской провинции; например, известно, что по переписи 1717 года убыло 34.485 муж. душ. Правительство обратило на это серьезное внимание, ибо во время сбора подушной подати в 1725 году замечено было еще больше убыли, поэтому на запрос центра из Каз.[анской] пров.[инции] ответили следующее: «Оные убыльные явились в ясачных

⁴ Стр. 131–136. (*Прим. авт.*)

⁵ Н.А. Фирсов, «Инородческое население». (*Прим. авт.*)

⁶ Ташкин, стр. 20. (*Прим. авт.*)

татарах и подушных денег за них платить некому, а если спрашивать за такое многое число убыльных на оставших, то остальные от тяжести побежать могут» (ПСЗ¹ № 4233). Это бегство каждый день все росло; благодаря этому в 1736 году известно стало, что в течение 20 лет число населения Башкирии выросло почти в два с половиною раза².

В 1760 году в одной Уфимской провинции, число одних мещеряков достигло 15.530 м/д.³, в число которых не входят татары не мещеряки⁴.

В заключение необходимо сказать несколько слов о татарском духовенстве.

Известно, что это сословие еще в эпоху Казанского ханства было группой вполне сложившейся и занимала самое высокое положение, почему ярлыки казанских ханов начинались с обращения к «великим сейдам», ставя их на ряду с «эмирами» и «высшими судьями», о чем свидетельствует ярлык Сахиб-Гирея, найденный Вахитовым⁵. Еще путешественник XVI столетия Герберштейн⁶ с удивлением пишет о высоком положении этих сеидов или высших духовных лиц, стоящих на самой высокой ступени иерархической лестницы духовных феодалов ханства⁷. Эти сеиды во время междуцарствий часто обладали верховной властью. Кроме того, они также обладали экономической мощью, имея крупные латифундии в стране, на что указывают названия деревень в ТССР «Сейтово», «Кульсейтово». Эти сеиды, утратив свои земли, не потеряли значения в стране и после падения, Казани, и выступили во главе повстанцев в 1553 и 1558 г., когда татарские фе-

¹ Полное собрание законов.

² И. А. Фирсов, «Инород.[ное] население», стр.[аница] 228. (Прим. авт.)

³ «Мужеска душ».

⁴ Ден., Население России, по пятой ревизии. (Прим. авт.)

⁵ Сайд Габдулманнанович Вахидов (Сайд Вахиди; 1887–1938) – выдающийся татарский историк-востоковед, археограф и общественный деятель. Одним из его самых значимых научных достижений является обнаружение и исследование тарханного ярлыка казанского хана Сахиб-Гирея от 1523 года.

⁶ Сигизмунд фон Герберштейн (1486–1566) – австрийский барон, дипломат, писатель и путешественник XVI века, который приобрел широкую известность благодаря своему труду «Записки о Московии». Этот труд на долгое время стал для европейцев основным и наиболее авторитетным источником знаний о Русском государстве.

⁷ См. Вельяминов-Зернов. «Исследов. о Касимовских царях и царевичах» т. I, стр. 422. (Прим. авт.)

одалы боролись с московской властью за восстановление своей власти в ханстве¹.

Духовные лица, стоящие ниже на иерархической лестнице, также играли немаловажную роль. В сношениях Казани с Москвой мы также встречаем подписи: «абызов»² и «данешменов»³. Некоторые муллы также владели деревнями, на что указывают названия татарских деревень «Мулла или» (Муллино), что обозначает «деревня муллы». Один из мулл быв. Свияжского уезда дер. Ширдан владел большими поместьями, усадьба которого имела двадцать ворот и, у которого находилось одних вооруженных дворовых (قول – چورا)⁴ сто человек. Из рукописи Насырова мы знаем, что у Абдразака влияние было настолько широко, что царь Михаил ему поручил взымать все подати с горной стороны быв.[шего] Каз.[анского] ханства⁵.

Репрессии на магометанство и на мулл, существовавшие до Екатерины II, еще более усилили значение этих мулл. Чтобы не долго останавливаться на этом вопросе, отметим только тот факт, что в 1743 году по указу 19–XI 1742 года в Казани и ее уезде из 536 мечетей было сломано 418, в Сибири из 133 мечетей было сломано 98, а около Астрахани из 40 было сломано 19⁶.

В XVII веке муллы фактически были господами положения в татарской деревне, и суд даже был в их руках, ибо вследствие незнания русского языка и законов все споры решались муллами.

Почему же народ так крепко держался за ислам и дал большую власть жрецам его? Весь секрет заключается в крепостном праве. Дело

¹ Напр. Зенсейт играл довольно крупную роль. См. Ник.[оновская] Лет.[опись] том VII, стр. 201. (*Прим. авт.*)

² Абыйзы (от араб. хафиз – «знающий Коран наизусть») – это мусульманские духовные лица, учителя и наставники, игравшие ключевую роль в сохранении исламских традиций у тюркских народов, особенно у татар и казахов, в XVI–XVIII веках. В русских источниках этот термин часто использовался как синоним слова «мулла».

³ Данешмен – персидско-тиркский термин со значением «ученый, мудрец; советник», а также исторический титул-эпитет и личное имя/топоним в ряде источников.

⁴ В транслитерации со старотатарской арабицей: «Кул-Чура».

⁵ Рукописи Готвальда №62, Насыров, «Некоторые ученые имамы Казани и пр. мест», стр. 27. (*Прим. авт.*)

⁶ П.[олное] С.[собрание] З.[аконов Российской Империи] том XI № 8664. XII, №8478, XIV №10, 597. (*Прим. авт.*)

в том, что начавшаяся после Петра Первого феодальная реакция в связи с развитием внешнего хлебного рынка и поднятием цен на русский хлеб заставила русское дворянство искать новых крепостных, новых латифундий. В Поволжье в этом отношении находился большой людской запас в лице ясачных крестьян-иноверцев. Однако, русское дворянство не было в состоянии провести это намерение в жизнь по чисто формальным причинам. Еще в уложении Алексея Михайловича была включена одна статья, по которой «татарам и другим инородцам не отдавать своих земель русским помещикам, не под каким предлогом». Точно также запрещалось русским владеть крестьянами-иноверцами. Этот же закон был подтвержден указом от 21/Х-1737 года, где даже запрещались купля и продажа земель между русскими и татарами-мусульманами. Эти законы хотя и существовали, но фактически переход татарских земель (особенно у мелких служилых) продолжался путем различных обходов, особенно практиковался способ снабжения деньгами какого-нибудь бедного татарина, который формально от своего имени покупал земли у своих татар, и потом русские помещики его крестили и брали купленные им земли себе, на что мы находим много жалоб в наказах различных групп татар в Ком.[иссии] 1767 г.¹

Для того, чтобы крепостническое правительство России в XVIII веке могло этот земельный и людской запас пустить в оборот своего крепостного хозяйства, нужно было крестить этих татар, дав им сначала большие льготы, а когда пройдет срок льгот, то раздать их помещикам, хотя это формально и запрещалось законом².

Свободное татарское крестьянство и мелкие служилые татары, чтобы не подпасть под иго этих помещиков, цеплялись за религию ислам, почему они, если сказать словами архимандрита Алексея в 1733 году, «в обычаях своих весьма замерзли, ко крещению по благоволению

¹ Сб.[орник] Рус.[ского] Об.[щества]: том 115, стр.[аницы] 322, 304, 339, 340, 401, 341, 332, 353. См.[отри] подробности у Богословского «Дворянские казы» (Рус.[ское] Богатство, 1897, кн.[ига] VII). (Прим. авт.)

² Напр., в 1797 году Казанская Губернская Канцелярия доносила следующее: «разных народов новокрещены от Новокрещенской Конторы раздаются разного чина людям, под видом якобы их восприемникам, и будто бы на некоторое время для обучения христианскому закону, а указы на оные дают владельце и др.». Е. Малов в своем исследовании «о Новокрещенской конторе» (Казань 1878 г.), открыто признается, «что факты прикрепления новокрещенных были не редки», стр. 23. (Прим. авт.)

не приходят, разве кои из них привлечет крайняя нужда» (а именно: освобождение от наказания за преступления, от рекрутчины и др.)¹.

Религиозная нетерпимость правительства Петра, в особенности Анны и Елизаветы, заставили мусульманское духовенство стать в оппозицию к правительству. Это мы в особенности видим по участию татарского духовенства в башкирских бунтах, (напр., муллы Батырши², который был мещеряком). Однако, продолжающееся бегство татар в Башкирию и накопление там горючего материала, участие их в бунтах³, движение татар-крестьян в Казан.[ском] уезде в 1740 году, сильные волнения в самой Казани в пятидесятых годах в связи с изгнанием татар из Старой слободы в Новую, сознание необходимости воспользоваться мусульманским духовенством для связи с Азией и захвата Киргизии, все это заставляло правительство изменить свою строгую политику; к тому же и были причины чисто дипломатического характера, а именно борьба с Турцией⁴. Историк Щербатов, критикуя религиозную политику предшествующих правительств, в своем «Статистическом рассуждении о России» писал, что «Российское правительство употребляет такие способы и самые сие магометанцы тайно своим сообщением основанном на вере стараются всегда соединены быть, и даже до того дошли, просили позволения ездить в Мекку и имамов своих в Турции постановлять». Однако, эти причины, хотя принудили правительство Елизаветы и Екатерины несколько изменить эту политику, но полной свободы вероисповедания не было дано вплоть до 1773 года, до первых выстрелов пугачевщины.

29 мая 1773 года через ген.[ерального] прокурора Вяземского объявлено было, что «как Всевышний Бог на земле терпит все веры, языки и исповедания, то и Ея Величество из тех же правил сходствуя

¹ Можаровский, «Изложение хода миссионерского дела по просвещению Каз. [анских] инородцев», стр.[аница] 83. (Прим. авт.)

² Батырша (настоящее имя – Габдулла Галиев; 1710–1762) – выдающийся татарский религиозный деятель, мулла, публицист, идеолог и предводитель Башкирского восстания 1755–1756 годов. Его имя стало символом сопротивления колониальной политике Российской империи в середине XVIII века, а его воззвания и письма являются ценнейшими историческими источниками.

³ См.[отри] Соловьев, Ист.[ория] Рос.[сии], том 24, гл.[ава] 1, стр.[аница] 940. (Прим. авт.)

⁴ Там же, том 21, гл.[ава], стр.[аница] 575. (Прим. авт.)

Его Святой Воле в сем поступить изволит, желая только чтобы между поданными Ея Величества всегда любовь и согласие царствовали»¹.

Несмотря на то, что вплоть до пугачевщины религия мусульманская была в ужасном гонении, класс высшего мусульманского духовенства не только не принимал участия на стороне Пугачева, но он активно боролся с ним. Дело в том, что самые влиятельные муллы сами происходили из класса мурз и имели крупные земельные владения. Например, известно, что бывший депутат Комиссии, мулла Муслюмов был правнуком мурзы Чулагола, сына Давушамурзы, откуда произошли две русские дворянские фамилии, князья Даушкины и Дашковы. Также известно, что знаменитый мулла Сулейман происходил от Ханмурзы. Кроме того, многие муллы употреблялись русским правительством в качестве послов или шпионов в различные мусульманские страны. Например, выше сказанный Муслюмов ездил в Киргизию в качестве правительственного агента, за что получил медали и пожалованные земли. Целый ряд каргалинских мулл был отправлен в 1751 году по поручению «Падишаха» в Бухару, Индию, о которых говорится в «Путешествиях Измаила»² на татарском языке. Мухамедзян Хусаинов, до назначения его первым муфтием, также ездил в Среднюю Азию и агитировал в пользу России, за что получил различные медали, чины, и поместья, о которых татарский историк Марджани³ восклицает: «эти пожалования, наверное, достались ему не даром»⁴. Так как высшее духовенство само было в татарском обществе привилегированным сословием, то о нем приходится говорить

¹ П. [полное] С. [обращение] З. [аконов Российской Империи]; т. XIX № 13, 996. (Прим. авт.)

² Измаил (Исмагил Бикмухаммадов (также Бекмухамедов; годы жизни неизвестны, XVIII век) – татарский купец, путешественник и писатель, прославившийся своим грандиозным путешествием в Индию и Аравию и созданием одного из первых образцов татарской светской прозы – «Книги о путешествии»

³ Шигабутдин Марджани (тат. Шинабетдин Мәрҗәни; 1818–1889) – великий татарский ученый-энциклопедист, историк, богослов, философ и просветитель, чья деятельность заложила основы для культурного и общественного обновления татарского народа во второй половине XIX века. Его часто называют «отцом татарской нации» и «татарским Геродотом» за его фундаментальный вклад в создание национальной историографии.

⁴ مرجانی مستفاد لا خبار، جلد، صحیفہ ۶۸۹ (Прим. авт.). Марджани. Мустафад ал-Ахбар. Том не указан автором. С.689.

вместе с мурзами и выделить от простого духовенства, положение которого было приниженным.

II

Далее мы перейдем к выяснению степени участия в пугачевщине каждого из татарских классов в отдельности.

Само правительство очень хорошо сознавало, что татарский не трудовой элемент не может быть всецело с Пугачевым. Поэтому ген. [ерал] Бибиков¹ во время разгара восстания пугачевцев в Башкирии отправил «восемь надежных татар», со ввшением, «чтобы они (т.е. восставшие), пришедшие в раскаяние, обратились и употребили себя при войсках правительства на истребление сего злодея», снабдив их переводом объявления Бибикова на татарский язык².

Не может быть сомнения в том, что под словом «надежных татар» подразумеваются мурзы, служилые, торговые татары и муллы находящиеся в Казани. О них Бибиков писал Екатерине, что они «еще вообще в верности своей Вашему Императорскому Величеству не поколебались».

Известно, что некоторые из мулл высшего ранга не только «не колебались», но и были добровольными агитаторами правительства. Например, тот же Муслюмов, по словам татарского историка Ризы Фахруддина, «проповедовал среди башкир и вообще среди мусульман действовать против Пугачева и вел открытую борьбу против него». Татарский ахунд³ Абдунасыр Абдусялямов за «верность и усердие к службе» в это время получил право торговать во всех областях империи⁴.

¹ Александр Ильич Бибиков (1729–1774) – видный русский государственный и военный деятель XVIII века, генерал-аншеф, сенатор. Он известен своей ролью в подавлении крупных народных волнений, в том числе восстания Емельяна Пугачева, а также как председатель (маршал) Уложенной комиссии.

² Гrot, «Mat.[ериалы] для Ист.[ории] Пут.[ачевского] бунта» (Зап.[иски] Им.[ператорской] Акад.[емии] Наук, том 1, стр.[аница] 51). (Прим. авт.)

³ Ахунд (от персидского *آخوند* – наставник, господин) – это высший мусульманский духовный титул в Российской империи, который присваивался наиболее авторитетным улемам (ученым-богословам). В иерархии мусульманского духовенства ахунд стоял выше имама и муллы.

⁴ Пол.[ное] Соб.[рание] Зак.[онов Российской Империи], № 14540. (Прим. авт.)

Однако, один сельский простой мулла из дер. Саба, быв. Мамадышского уезда, по имени Селим, сын простого крестьянина Абдрахима, действовал на стороне пугачевцев; когда последние около Казани были разбиты, то мулла убежал в Киргизию, откуда он перебрался в Бухару. Но мулла Селим был совершенно другой тип: во-первых, он был крестьянского происхождения; во-вторых он был не ахунд, а простой деревенский мулла; в-третьих, он даже не фанатик, ибо он, по словам Марджани, «не воздерживался от пробы опьяняющего питья», в то же время Селим – человек общественный, ибо он будучи в бегах, в Бухаре защищает татарских купцов в феодальном бухарском суде. Такое же явление мы наблюдаем у мулл казан.[ских] татар. Из протокола заседания военной коллегии от 1773 г. (14–II) мы знаем, что Абдряшид-мулла был «в мятежской шайке казаков»¹. Некоторые же из рядовых мулл даже командовали отдельными отрядами пугачевцев. К таковым относится, например, мулла Адигуш Тюмелев, который издавал указы, предстегавшие повстанцев от анархии и грабежа сельского населения. (См. статью о пугачевщине, М.Н. Покровского, в «Правде» за 1925 год, № 21, стр. 3). Кроме того, в недавно найденных материалах по истории пугачевщины мы находим объявление благодарности со стороны Пугачева «за ревностную службу» одному мулле (там же). Нет сомнения, что в числе причин этой «ревностной службы» со стороны мулл не малую роль играли те обращения Пугачева, в которых он «жаловал мусульман верою и законом»; и если бы на самом деле эти обещания были осуществлены, при благоприятном исходе движения, они сильно помогли бы развитию экономического положения этого сословия.

Но, с другой стороны, не следует упускать из виду, что простые деревенские муллы с экономической стороны ничем не отличались от простых ясачных татар. По этой причине такие муллы были так же угнетаемы своими мурзами, как и простые крестьяне. Вот почему один из таких мулл, по имени Аббас, написал письмо на имя Пугачева с жалобой на мурз дер. Буклаучи (в сов. Арском кантоне) и сына его Мустая «в причинении ему обид и в ежегодных самовольных поборах

¹ Железнов, «Подлинные бумаги о бунте Пугачева» (Чт.[ения] в Мос.[ковском] Общ.[естве] Ист.[ории] и Древн.[остей] Рос.[сийских], 1880 г., кн.[ига] 2, стр.[аница] 48). (Прим. авт.)

в размере 1 р. 50 коп.»¹. Вот почему недавно изданный Пугачевский архив сохранил нам целый ряд имен таких мулл-пугачевцев служивших в «Русско-азиатской армии». Например, к таковым относятся: «походный командир» Пугачева мулла Абдуллов Абдей², «главный командир» его Арсланов Кинзя³, «депутат» Бакий-мулла, Бигашев Адель, служивший «войсковым предводителем и переводчиком главным атаманом», работавший в этом народном движении весьма серьезно и сознательно⁴. Эти муллы, будучи единственными грамотной частью татаро-башкирского общества, большей частью служили переводчиками или «писарями». Например, тот же мулла Бигашев служил переводчиком, среди них же был «отставной писарь мулла Хабей Шарипов»⁵, мулла Махмут Муртазин также соглашался послать своего сына в пугачевскую армию в качестве писаря⁶.

Переходя к вопросу об отношении к пугачевщине класса мурз и богатых служилых татар, мы должны отметить, что они всецело участвуют на стороне правительства. Как и в предыдущие годы XVIII столетия, правительство Екатерины II воспользовалось мурзами по двум направлениям: во-первых, использовало их в качестве агитаторов, во-вторых, ставило их во главе карательных отрядов против пугачевцев.

Сын Алексея или Кутлуг-Мухамеда, секунд-майор Тевкелев был отправлен казанским губернатором к татарам и башкирам, «чтобы он трудился поощрять их к надлежащему исполнению верноподданнической должности обнадеживанием Всевысочайшего Ея Императорского Величества благоволения». Главнокомандующий войсками, действующими против повстанцев, ген. Кар, в своем рапорте Военной Коллегии,

¹ Центроархив. Пугачевщина, том 1, Госиздат, 1920, стр. 258. (Прим. авт.)

² Абдуллов Абдей (Абдуллов, также Абдуллин) – мулла, старшина, «пугачевский полковник» и «походный командир», один из предводителей Крестьянской войны 1773–1775 годов на северо-западе Башкортостана. Он был одним из ключевых организаторов восстания в районе Осинской дороги.

³ Арсланов Кинзя (также Арсланов; 1723–1774) – старшина, один из самых выдающихся предводителей Крестьянской войны 1773–1775 годов и ближайший сподвижник Емельяна Пугачева. В повстанческой армии он занимал пост главного полковника и был, по сути, начальником главного штаба и советником Пугачева по делам нерусских народов.

⁴ Там же стр. 99–100. (Прим. авт.)

⁵ Там же стр. 96. (Прим. авт.)

⁶ Там же стр. 253. (Прим. авт.)

в ноябре 1773 года, говорит о нем: «в чем надеюсь, что секунд-майор Тевкелев, подражая покойному отцу своему, не оставит опытом своей верности во всем том успеть». Каков был результат пропаганды этого мурзы, мы не знаем, но известно, что майор Тевкелев бился еще под командой Фреймана и участвовал в рискованных моментах. Например, когда в сражении при Бакалах казаки Фреймана перешли на сторону Пугачевцев, то против них был отправлен Тевкелев с 500 башкирами.

Но в деревне Ахбашевой и Крым Сароз на последнего напали взбунтовавшиеся башкиры и тотчас же увлекли с собой отряд Тевкелева, а самого мурзу взяли в плен¹. Кроме последнего мурзы, известен еще один татарин, капитан Башарин, который также попал в плен во время осады Пугачевым Илецкой крепости, но был отпущен, благодаря заступничеству своих солдат².

В документах сохранилось еще несколько имен мурз действовавших против Пугачева, которые отличили себя своею верностью, усердием к службе, будучи с похвалою употребляемы при защите городов и в других сражениях со «злодеями». К таким относится касимовский мурза Ибрагим Чанышев³, который в награду получил право торговать во всех городах империи⁴. За это «усердие и верность» татарские мурзы не замедлили получить после подавления бунта давно желанную мзду. В 1783 году императрица в своем указе, данном фельдмаршалу Потемкину, приказала татарским мурзам и «чиновным людям», если они поступят на военную службу, дать им обер-офицерские чины. Через четыре года после этого мурзы окончательно были уравнены в правах с русским дворянством⁵ и богатые служилые татары, стоя-

¹ Анучин, «Действия Бибикова» (Рус.[ский] Вестник за 1872 г., том 99, стр. [аницы] 474–475). (Прим. авт.)

² Дубровин, «Пугачев и его сообщники», том 2, стр.[аница] 193. (Прим. авт.)

³ Касимовский мурза Ибрагим Бектемиров сын Чанышев – представитель знатного татарского княжеского рода, ставший известным благодаря своей активной проправительственной позиции и храбрости, проявленной во время Крестьянской войны 1773–1775 годов. В отличие от многих своих соплеменников, присоединившихся к Емельяну Пугачеву, Чанышев остался верен присяге и возглавил оборону Оренбурга от повстанцев.

⁴ Полное собрание] Зак.[онов Российской Империи], № 145-40. (Прим. авт.)

⁵ Там же, № 25936. Тот же мурза в 1774 году действовал против повстанцев с 800 вооруженных татар и вояков (Центрархив, «Пугачевщина», том 1, стр.[аница] 242). Недалеко от этих мест у Тевкелевых были поместья. (Прим. авт.)

щие несколько ниже князей и мурз в сословной иерархии, также не отставали от своих старших братьев. Когда мы говорим о служилых татарах, необходимо принять во внимание, что служилые татары уже ко времени пугачевщины не представляли из себя одного класса, хотя все принадлежали к одному и тому же сословию, с определенными правами и обязанностями. Среди них были так называемые «служилые и торговые татары» и средние и мелкие землевладельцы, владеющие землей на основах вотчинного права; но и среди них были такие, которые работали на татарских заводах, на которых я подробно остановился в другом сочинении на татарском языке¹. Словом, уже в эпоху Пугачева сословие служилых татар успело само разложиться, большинство из них были те, которые жили «рукоделием своим».

Поэтому депутат от русских и татарских купцов Коченев о них на заседании Екатерининской комиссии в 1767 году заметил, что «служилые и ясачные татары суть те же крестьяне». Поэтому на стороне правительства из этого сословия участвовали те, которые были людьми торговыми, или «чиновными», или же промышленниками. Активным борцом против пугачевщины был отец первого европейски образованного писателя из татар, Ибрагима, Сагит Хальфин², депутат от казанских мурз и служилых татар в Комиссии 1767 года, переводчик Адмиралтейской конторы, впоследствии получивший чин бригадира. Хальфин во время осады Казани пугачевцами скрывался вместе с чиновниками, дворянами и православным высшим духовенством в Кремле, а после подавления бунта был ответственным переводчиком в следственной комиссии, которая была организована под руководством Панина³. По примеру прежних лет правительство пользовалось

¹ История татарских классов в 18 веке. (Прим. авт.)

² Хальфин Сагит (1732–1785) – татарский педагог-просветитель, переводчик и основоположник научного изучения татарского языка. С 1769 года он преподавал татарский язык в Первой Казанской мужской гимназии. Хальфин является автором первого в России печатного светского букваря татарского языка, «Азбука татарского языка с обстоятельным описанием букв и складов», изданного в Москве в 1778 году. Он также составил рукописные учебные пособия: «Татарский словарь и краткая татарская грамматика» (1785) и фундаментальный русско-татарский словарь. Помимо просветительской деятельности, Хальфин был депутатом Уложенной комиссии (1767–1769), созданной Екатериной II, где представлял интересы служилых татар казанских слобод.

³ Владимиров, «Историческая записка о 1-й Казанской гимназии», стр.[аница] 47. (Прим. авт.)

силой служилых татар с первых же дней восстания. Например, генерал Кар в своем донесении императрице 31 октября 1773 года пишет следующее: «я вчерашний день прискакал, и по учиненному госп. [одином] Казан.[ским] губернатором распоряжению нашел в сбое военных сил действительно уже следующих по новой Московской к Оренбурге дороги армейских по 600, а гарнизонных по 800, конных вооруженных служилых татар»¹. Кроме того, известно, что эти служилые татары участвовали во время атаки отряда Хлопуши около деревни Юзнева в Башкирии. Однако, эти служилые татары в своей массе были не совсем надежными воинами, ибо они состояли из людей различного экономического состояния. Поэтому мы имеем случай перехода некоторой части их на сторону пугачевцев. Ген.[ерал] Кар в том же донесении говорит, что когда началось сражение с отрядом Хлопуши «осемнадцать человек татар без малейшего сопротивления предались, по поводу которого кричали о таковой же сдаче с разными обещаниями»². Еще один факт указывает на то, что между пугачевцами татарами-мещеряками и служилыми татарами не было не только вражды, но существовали некоторые даже дружественные сношения, которые отчасти свидетельствуют о том, что последние участвовали поневоле. Писатель Насыров в одной из своих рукописей на татарском языке со слов Аитова передает следующее: «За год до прихода Пугачева в Казань из нашей Казани некоторое количество людей было отправлено на войну; между ними был некий мулла Юсуф, который был человеком весьма воинственным. В Бугульме муллу Юсуфа встретил один пугачевский полковник мещеряк Аит и спрашивал, знает ли он в слободе (в Казани) его друга Аита; Юсуф сказал: «знаю», тогда (полковник) ему отдал большую шапку для передачи Аиту, сказав что эту шапку он только что получил, застрелив одного русского полковника». «Я не знаю, замечает Насыров, каким образом могли, встречаться люди двух противоположных сторон?»³.

¹ Грот, «Матер.[иали] для истории Пуг.[ачевского] бунта» (Зап.[иски] Имп. [ераторской] Акад.[емии] Наук, том 1, стр.[аница] 21). В Пугачевском архиве встречаются бумаги, переведенные этим лицом. (Прим. авт.)

² Тоже, стр.[аница] 26. (Прим. авт.)

³ Рукопись Библ.[иотеки] Готвальда № 63. Возможно, что это был Аитов Абдул-Карим, мещеряк, активный пугачевец, «есауль». См.: Центроархив, «Пугачевщина», том 1, стр.[аницы] 65, 246. (Прим. авт.)

Все же документы сохранили нам довольно большое количество имен служилых татар, по преимуществу занимающихся торговлей и промышленностью, которые усердно служили крепостническому правительству Екатерины. В указе императрицы 1773 г. о вознаграждении сторонников правительства из башкир и татар, перечисляются имена следующих лиц с указанием их просьбы о предоставлении им преимуществ за заслуги:

1) Казан.[ского] уезда, дер.[евни] Уразлей, служилый татарин Алей Ибраев просит разрешить ему свободную торговлю.

2) О том же просят служ.[илье] татары Батырь Адельяшин, Каз. [анского] уезда, дер.[евни] Кушар; служ.[ильй] тат.[арин] Баязид Усманов; Каз.[анского] уезда служ.[ильй] тат.[арин] Усман Смаилов с братьями и Абрешит Ибраев.

3) Каз.[анский] служ.[ильй] татарин Утяган Уразметев просит «о позволении ему с тремя сыновьями производить в Казани купеческий торг».

4) Свияжского уезда, дер.[евни] Шардин, Эмар Ишмаев просит разрешения переселиться в Оренбург.

5) Каз.[анского] уезда Арского округа служ.[ильй] татарин Адиль Измаилов просит переселиться в Уфу.

6) Наконец, интереснее всего: Каз.[анский] служ.[ильй] татарин и «фабрикант» Ибрай Юсупов просит «о дозволении, как ему, так и братьям его Смойлу и Мухемету и потомкам его иметь по всей России торг и промыслы, также, чтобы беспрепятственно употреблять в разные продажи товар с его фабрики».

Правительство всем этим своим сообщникам дарует все просимое ими, кроме того, вознаграждает некоторых из них медалями, а некоторых саблями.

Между прочим, «именным указом от 18 мая 1775 года Казанского уезда Алацкой дороги служилому татарину-фабриканту Ибрею Юсупову, в вознаграждение приличных трудов и усердия во время в Башкирии смятении позволено с двумя родными братьями торговать во всем государстве без отправления по купечеству служб». Относительно упомянутого Абрешита Ибраева мы еще имеем документ с сургучной печатью Сената и за подписью секретаря, который был доставлен мне во время практических занятий учеником Татрабфака Казаковым. Из этого документа мы узнаем, что упомянутый служ.[ильй] татарин

был «из деревни Береске Каз.[анского] уезда и дороги». В нем мы, между прочим, читаем следующее:

«Помянутый Ибраев служил в Оренбурге, в чем свидетельство имеет от губернатора, что он Ибраев, чрез все время осады поступил усердно и храбро, потом во время, когда злодей был у Казани, о чем свидетельствует бывший в тамошнем kraе gen.[ерал]-майор Потемкин, за что и удостоили серебряною медалью, вследствие вышеуказанного именного Его Имп.[ераторского] Вел.[ичества] повеления от Прав.[ительствующего] Сената ему, Ибраеву, и пожаловали серебряную медаль, которую носить ему по примеру других на шее на голубой ленте ...¹».

Из вышеизложенного мы видим, что представители части служивого татарского сословия, которые были воинами по обязанности, а торговцами и промышленниками по занятию, были на стороне правительства.

Когда речь идет о служилых татарах, необходимо остановиться на так называемых служилых мещеряках. Как было сказано выше, мещеряками в Башкирии назывались татары, выселившиеся из других областей империи. Среди них преобладали именно люди из того племени, которое татары называют «Мишер» и которые отличаются своеобразным говором. Мещеряками правительства Елизаветы и Анны пользовались во время башкирских бунтов, натравливая их на башкир и обратно. Сначала они были в зависимости от башкир, платили им оброки за занятые ими земли, но потом были освобождены от них. Мещеряки, подобно башкирам, не несли рекрутской повинности, а включались в иррегулярные войска и несли службу отдельными конными отрядами, почему они и назывались служилыми. Управлялись мещеряки своими старшинами, которые выбирались или назначались из родовитых, богатых людей. Ко времени пугачевщины у мещеряков уже существовало классовое расслоение, были рядовые простые мещеряки, которые вели трудовую жизнь, но у них были богатые муллы, подобно известному Батырше, и были депутаты в Екатерининскую Комиссию, вроде Абдулл Желиля Максютова, который причислял себя к благородным, защищал свой класс и говорил, что «благород-

¹ «Этот документ перед отъездом в Баку я отправил Акад.[емическому] Центру Наркомпроса Т.[рудящихся] С.[оциалистической] Р.[еспублики]». (Прим. авт.)

ные не подвержены никакому телесному наказанию, кое извергает их из звания благородных»¹. Кроме того, были среди мещеряков «князья мечети» и земли, как вышеупомянутый Абдулла Мурза Муслюмов, основавший первую деревню в степи между Верхнеуральском и Троицком, названную по его прозванию «Ахундовой деревней», ибо он был «ахундом»; до основания магометанского духовного собрания фактически он исполнял должность муфтия². Между прочим, последний, как было сказано, вел пропаганду против Пугачева и открыто боролся против него. Но не один этот мурза и мулла из мещеряков боролся против Пугачева – были и другие борцы за свой класс. Например, тот же указ (П. [олное] С. [обрание] З. [аконов Российской Империи], том ХХ, № 14 540, стр. [аница] 455), о котором было сказано выше, сохранил два мещеряцких имени, а именно старшину Салтимурата и Бехтиара Янышева, которым было позволено «производить в России торговые промыслы, иметь заводы» за то, что они отличались в борьбе против врагов правительства.

Хотя и некоторые неродовитые и обыкновенные служилые мещеряки служили в правительственные отрядах, даже 150 улан и большой отряд, состоявший из мещеряков, участвовали при пленении самого Пугачева³, однако, правительство мало доверяло им, и они считались малонадежным элементом.

Поэтому генерал Кар в своем рапорте военной коллегии из деревни Кутлуметева от 15 ноября 1773 года писал следующее:

«Из сего государственная военная коллегия усмотреть соизволит, что как я представлял о ненадежности сих народов, так и пошло открываться, ибо 1000 человек конных, не видя себе никакого притеснения, поддались в открытой степи без всякого сопротивления... Почему я теперь собирающиеся ко мне достойные мещеряцкие и башкирские команды и принужден иметь за собой, а сам с пехотою их прикрываю». В самом деле, кроме этих случаев бегства татар-мещеряков, Пугачев имел близкого сообщника из мещеряков; это был сотник из мещеряков Уфимского уезда деревни Бузовязовой Усаев.

¹ Сб. [орник] Рус. [ского] ист. [орического] общ. [ества], том 32, стр. [аницы] 217–218. (Прим. авт.)

² رضا والدين فخر الدينوف «ثار» (Прим. авт.) Р. Фахретдин «Асар».

³ Гrott, «Зап. [иски] Ист. [орического] отд. [еления] Акад. [емии] Наук», том 25, стр. [аница] 41. (Прим. авт.)

Канзафар Усаев¹ или Усейнов был 37-летним мужчиной, когда он выступил на стороне Пугачева. Он был человеком умным и рассудительным, так что даже следственная комиссия дала ему характеристику: «не глуп, но легкомыслен»². Канзафар был не простым искателем приключений, а человеком грамотным, как на татарском, так и на русском языках, и вступил в ряды Пугачева после серьезной проверки личности вождя. Несмотря на то, что Канзафар не был известен в народе как мулла, но все же население называло его муллой, вероятно, потому, что он был человеком грамотным и для своего времени интеллигентным. Из материалов архива Пугачева мы видим, что одно членение было написано на имя «главного полковника муллы Канзафара Усаева всесердого и милосердного благодетеля всех подчиненных членов» (Центроархив, Пугачевщина, том I, стр. 232).

Подобно башкирскому герою Салавату Юлаеву, с которым он и работал вместе, он был активным борцом³. Сначала он служил в отряде старшины башкирского войска, князя Асланова, участвовал в походе Пугачева под Оренбургом, и, за храбрость во время борьбы с высланными из крепости войсками, пожалован был ему чин походного полковника.

Затем он был послан Пугачевым в Уфимский уезд для агитации, где ему удалось собрать 80 человек казаков, с которыми он самостоятельно выступал.

Перед отправлением Канзафара на это ответственное дело Пугачев издал специальный указ, в котором говорилось следующее: «Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского из Государственной Военной коллегии верноподданному рабу и сыну отечества Уфимского Уезда Ногайской дороги деревни Узовьязовой, главному полковнику Канзафару Усаеву. По прежде усмотренной

¹ Усаев Канзафар (1738–1804) – из татар-мишар, сотник, один из видных сподвижников Е. И. Пугачева и бригадир (генерал) его армии в Крестьянской войне 1773–1775 годов. Участвовал в осаде Оренбурга, Уфы и в боях под Кунгуром. После разгрома восстания был приговорен к кнуту, клеймению и вечной каторге, которую отбывал в Балтийском Порту (ныне Палдиски, Эстония), где и умер.

² Грот, [«Материалы для истории Пугачевского бунта»], том 1, стр.[аница] 74. (Прим. авт.)

³ В документах Пугачевского архива его имя часто упоминается вместе с именем Юлаева. (Прим. авт.)

в Вас к службе Его Величества усердной ревности и прилежности повелевается в ниже писанном обстоятельстве. Во-первых, получа тебе сей указ и приложенной при сей для объявления во всенародное известие имянной манифест несклонившемуся народу во всех жительствах, в которых ты склонение иметь идешь с таковым и притом объяснением, дабы они под скипетр Его Императорского Величества склонялись добропорядочно, которые по получении Всероссийского престола от всяких прежде находившихся (от бояр и заввистцев несътого богатства) податей и великих тягостей освобождены будут, и дана быть имеют всякому свободная вольность из приклонившегося народу набирать всячески стараясь достаточное число войска. И по набирании, употребляя все свои силы против злодейских напастей, иметь защиту и оборону, а верноподданных рабов не докаких обид и притеснение не допускать, злодеев же в том до удач и учения злодействия намерения отвращать, а единственно стараться ко искоренению онных.

«В случае же сего жалованного Вам рангу наивященные свои заслуги оказывать да и по усмотрению Вашему из находящихся команды свои имеешь жаловать от себя в сотники и есаулы достойных вероятию людей, в прочем поступать тебе во всем как верному добруму рабу принадлежит, за что по усмотрению Вас заслуги манаршию от его императорского Величества милостию награжденных удете на против же того и самим Вам верноподданным никаких напрасно обид не чинить под опасением от государя жестокого гнева: во верность чего за подписанием государственной военной коллегии присутствующих и за приложением печати сей указ дан Июня дня 1774 года.

Иван Творогов.

Секретарь Алексей Дубровский

Повытчик Герасим Степанов»¹.

Известно что Усаев в одном месте взял 25 человек пленных и 200 рублей денег и повесил капитана одной крепости, но этот поступок едва не стоил ему жизни. За это дело Канзафар был арестован полководцем Пугачева, но случайно избег казни и опять стал участвовать на стороне

---

¹ Красн.[ый] Архив, том 8 за 1925 г., «Указы Пугачева и его Коллегии» Голубцев. (Прим. авт.)

Пугачева под Уфой, где он попал вторично в плен Михельсону¹. Канзафар был освобожден последним по просьбе одного мещеряцкого старшины, бывшего в команде Михельсона. По дороге на свою родину Канзафар встретился с одним пугачевским агитатором и пошел с ним к вождю; после долгих поисков он нашел Пугачева и пристал к нему. Перед походом на Казань Пугачев с большими полномочиями отправил его в Уфимский уезд для агитации и набора войск, где ему удалось набрать 400 человек². Но этот неутомимый борец, по словам официального документа, был «куплен за сто рублей, через старшину башкирского Кидряси, ибо имя его весьма славно было между бунтующими башкирами». Канзафар был казнен в Уфе³. Мы видим отношение к пугачевщине татарской служилой, крупной буржуазии и простых служилых татар. Теперь мы переходим к уяснению вопроса об участии городской мелкой буржуазии.

Положение казанской городской буржуазии до прихода Пугачева было довольно стеснительное. Закон о дозволении вести торговлю только купцам исполнялся чрезвычайно усердно. Известно, что на этой почве в 1762 году было закрыто около 29 лавок у татарской мелкой буржуазии, где велась торговля специально татарскими товарами и мелкими монетами, которые шли на украшение татар и других туземцев края. Кроме того, запечатаны были лавочки татарских ямских людей. Даже запрещено было татарам вести торговлю старыми вещами и готовыми съестными продуктами⁴.

¹ Михельсон Иван Иванович (1740–1807) – военачальник, сыгравший решающую роль в подавлении Крестьянской войны 1773–1775 гг. Командуя корпусом правительственные войск, он нанес армии Е. И. Пугачева ряд сокрушительных поражений, что привело к окончательному разгрому восстания.

² Главные пособники Пугачева. сост.[авителе] И.П. («Русская старина», том 16 за 1876 г., стр.[аницы] 502–505). (Прим. авт.)

³ Грот, т. 1, стр. 12. Из письма мещерского главного старшины Аблай Смайлову (август 1774 г.), действовавшего в союзе с правительственные войсками, узнаем: «“Вор” Канзафа пойман «старанием» старшины Кудряча (Кидряса) Муллакакева. Сбежавшиеся от поимки товарищи Канзафара разглашали затем по дороге, что они отомстят, приедут сюда скоро с командой в 2000 чел., которую возьмут у своего «командира Селяусина» (сына «вора Кинзи Арасланова»). Аблай Смайлов заключает и письмо по начальству выражением своей тревоги ввиду этих угроз (Пугачевщина, Центроархив, том 1, стр. 232)». (Прим. авт.)

⁴ Щебамский, «Пугачевщина» («Вестник Европы», за 1866 г., том 1, стр.[аница] 313). (Прим. авт.)

Потом этот вопрос поднялся даже на заседаниях комиссии 1767 года. К этому экономическому удару по буржуазии ко времени пугачевщины еще существовали обиды, чисто религиозного характера, которые для мелкой буржуазии имели громадное значение; поэтому казанские мурзы от имени всего населения жалуются в своем наказе в следующих выражениях:

«Мы нижайшие уповаляем, что нет противнее человеку, какого он закона и звания не был, перетерпеть от посторонних поношения и ругания его закона, и через то происхождение входит в большой азарт, паче прочих не потребных и ругательных речей; а часто бывает, разных чинов люди крайние употребляют их о законе и о пророке нашем, также во время богохульства нашего ругательные слова, и тем причиняют им крайнюю обиду»¹.

Кроме того, еще не забыто было то жестокое отношение правительства, которое мотивировалось религиозными принципами и которое ударяло по экономическому благосостоянию казанского населения. Возьмем один яркий пример таких жестокостей. После большого обычного пожара в казанской татарской слободе известный церковный диктатор Лука Конашевич² решил воспользоваться этим случаем, чтобы изгнать татар из Татарской старой слободы и в 1749 году написал донос в Синод, где говорилось, между прочим, что «оных татар, яко христо-ненавистных недоброходов, для происходимых от них христианскому благочестию соблазнов, от общежительства с православными христианами удалить и на том месте, где оные прежде жили, строиться им не попускать (разве кто из них пожелал восприять святую православную христианскую веру и святое крещение)³».

¹ Сб.[орник] Рус.[ского] Ист.[орического] Общ.[ества], том 115, стр.[аница] 311. Эта мысль повторяется во всех наказах татаро-башкир. (Прим. авт.)

² Лука (Конашевич;?–1758) – архиепископ Казанский и Свияжский (1738–1755), проводивший политику насилиственной христианизации нерусских народов Поволжья. Его действия, которые включали принудительное крещение и другие жесткие меры, вызвали массовое недовольство среди татар и других народов региона, что стало одной из социально-политических предпосылок, способствовавших началу Крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачева.

³ «Описание документов и дел, находящихся в архиве Св.[ятейшего] Синода», № 212–131. (Прим. авт.)

Даже сам пожар был представлен Конашевичем, как «огненное знамение божие» за то, что правительство терпело «нечестивых» татар. Доклад этот был принят на объединенном собрании Синода и Сената, и татар стали переселять на болотистое место, откуда произошла Новая Татарская слобода, что стоило очень дорого мелкой буржуазии: во-первых, они отдалились от базара; во-вторых, потеряли ту землю, которой они владели как усадебной. На этой почве мы видим, что происходили даже частые столкновения с властями¹.

Вышеупомянутые причины не позволили татарской мелкой буржуазии активно выступить против Пугачева. Кроме того, самое уничтожение крепостного права не шло в разрез с интересами этого класса: ибо уничтожение сословных рамок, освобождение огромного количества крестьян, переход всей помещичьей земли к последним, все это уничтожило бы те преграды, которые задерживали развитие татарской торговли и ремесла; помимо того, в случае успеха пугачевщины, поднялась бы покупательная способность крестьян.

Сами пугачевцы также не отстранялись от купечества вообще и от татарских торговцев в частности. Рычков² в своих записках сохранил один весьма любопытный эпизод, на котором мы здесь думаем кратко остановиться:

«27 числа (т.е. января 1774 года), говорит Рычков, по резолюции ген.-губернатора выпущены за город Байрекинский торговый татарин Аит Усеев (провиантский и соляной подрядчик) с сыном его Абсоля-мом и с семейством, да и бывший переводчик Мансур и еще разные татары, всех до 40 человек, по их прошениям, чтобы как-нибудь им пробраться в их жительства через Бердскую слободу (где тогда находился Пугачев). Они под оной слободой встречены были злодеями... кои, окружив их, спустились с той слободы. 12 из оных злого-

¹ См.: Рукопись Насырова, Рук. [описный] отд. [ел] Библ. [иотеки] Каз. [анского] Унив. [ерситета], № 635 и б. [ольше]. (Прим. авт.)

² Рычков Петр Иванович (1712–1777) – русский историк, краевед, первый член-корреспондент Петербургской Академии наук. Будучи очевидцем Крестьянской войны 1773–1775 гг., он подробно задокументировал события в «Летописи, или Описании шестимесячной осады Оренбурга», которая стала ценным первоисточником по истории восстания. В своих записках Рычков скрупулезно фиксировал происходящее, основываясь на личных наблюдениях и официальных документах, а его труд был использован А.С. Пушкиным при написании «Истории Пугачевского бунта».

деев, поехав ближе к городу, кричали, чтоб выслать к ним из города торговых людей больше: они де нам надобны»¹.

Однако, это татарское третье сословие не выступило ни за, ни против Пугачева, оно действовало с таким расчетом, который полезен для него в данный момент, и старалось держаться пассивно. Для иллюстрации мы попробуем разобрать отношение городского населения в двух татарских центрах: в Каргалах (или в Сейтовской слободе торговых татар) и в Казанских татарских слободах.

Как указывает само название Сейтовской слободы, она была населена со дня ее возникновения торговыми татарами, переселившимися, главным образом, из Казанской губернии. Двадцать лет спустя после пугачевщины одних купцов и мещан из татар было там 1988 душ, а крестьян 686 душ².

В полдень 1-го октября 1773 года Пугачев со своим отрядом приехал в Сейтовскую слободу, где жители давно приготовились к встрече его: по площади растилали ковры и поставили парадный стол; как только Пугачев подъехал и стал слезать с лошади, двое татар, подхватили его под руки, а все остальные сняв шапки пали на землю и лежали до тех пор, пока Пугачев не сел на приставленный ему стул. Здесь же по поручению Пугачева был составлен манифест на татарском языке³. Эти царские почести были оказаны Пугачеву и его сообщникам, пока они были сильны. Но когда они ослабели, то купеческая слобода не замедлила изменить ему. Когда Пугачев отступил от Оренбурга, а его главный сообщник Хлопуша заехал захватить с собою жену и сына, которые остались в слободе, то сейтовцы схватили его и посадили под крепким караулом в погреб и послали уведомление Оренбургскому губернатору (он был казнен в Оренбурге)⁴.

Особенно ярко описывает это событие Рычков: «24 числа (24/I-1774 года) был привезен из Каргальской слободы объявленный злодей Хлопуша, и с ним сообщников из яицких казаков пять человек, да

¹ Пушкин, «Соб.[рание] соч.[инений]», Акад.[емическое] изд.[ание], том II, стр.[аницы] 397–398. (Прим. авт.)

² Ден, «Население России по 5-й ревизии», т.[ом] II, стр.[аница] 313. (Прим. авт.)

³ Дубровин, «Пугачев и его сообщники», том II, стр.[аницы] 38–39. (Прим. авт.)

⁴ Пушкин, приложение к «Истории Пугачевского бунта», стр.[аница] 412. (Прим. авт.)

каргалинский татарин (бывший) в упомянутой слободе от злодея Пугачева главным учредителем; тут же приехали оттуда несколько от тамошних лучших татар, чтобы тем доказать свою верность и усердие»¹. Однако, Сейтовская слобода была отомщена за эту измену. Пугачевцы «с хуторов Епанечкины вернулись в Каргалинскую слободу и начали по всем улицам разъезжать, и из лучших тамошних богатых татар закололи копьями четырех человек и других ранили... причинили там многим смертоубийства, а многих увезли с собой... и разграбили лучших людей»².

Перед началом осады Оренбурга в самой слободе осталось мало татар, ибо губернатор распорядился их «привести в город и поручить начальство над ними Колл.[ежскому] советнику Тимошеву»³. На вопрос Пугачева: «где у вас люди хорошие?», встречающие его в слободе татары ответили: «в Оренбург все они забраны»⁴. Оренбургский губернатор пользовался силой каргалинских татар и до осады Оренбурга. Например, когда оренбургский губернатор услышал о событиях в Яике, то в войсках, отправленных туда был отряд из сейтовских татар в 300 человек⁵. Перед началом осады был издан приказ: «сейтовских татар отвести в город»; таким образом они все были мобилизованы. Эти татары служили в кавалерии, работали в качестве разведчиков, их использовали для добывания фуражка, даже некоторые употреблялись в качестве шпионов⁶. Но эти сейтовские татары были элементом весьма ненадежным. Дезертирство и переход их на сторону повстанцев были делом не редким, и это дезертирство росло, прогрессировало. Возьмем несколько фактов. Рычков в своих записках сохранил много таких случаев. Например, из отправленных в начале осады фуражиров-татар «отлучилось к злодеям 44 человека»⁷. Точно также из 50 сейтовских татар, отправленных с той же целью 14/XI–1773 не возвратились и «призывали, что они в злодейский лагерь или в Карга-

¹ Там же, 412. (Прим. авт.)

² Там же, 415–416. (Прим. авт.)

³ Там же, стр.[аница] 29. (Прим. авт.)

⁴ Дубровин, II, 38–39. (Прим. авт.)

⁵ Собр.[ание] соч.[инеий] Пушкина, изд.[ание] Акад.[емии] Наук, том II, стр. [аница] 281. (Прим. авт.)

⁶ Там же, стр.[аница] 29. (Прим. авт.)

⁷ Там же, стр.[аницы] 335, 356. (Прим. авт.)

линскую свою слободу ушли»¹. В декабре же такие случаи еще более стали повторяться, почему Рычков замечает, что «оные колеблющиеся Каргалинские татары, по примеру прежних тамошних же татар, и сами передались к тем злодеям»². Наконец, в январе 1774 г. мы замечаем, что эти татары начинают дезертировать даже из постов, «по сей причине и выслано из тех же Каргалинских праздно шатающихся в городе татар с женами и детьми 61 человек, кои все пошли прямо в злодейский лагерь»³, однако, всех оставшихся не освободили, ибо это увеличило бы силу врага.

Должно быть, по вышесказанным причинам к весне 1774 года начальство Оренбурга перестало посыпать каргалинских татар, а вместо них отправляли по разным нуждам вместе с русскими других татар, например, касимовских⁴. Нужно заметить, что каргалинские татары иногда действуют на стороне повстанцев. Например, во время сражения около Оренбурга 6/XI–1773 года 38 сейтовских татар попало в плен правительенным войскам⁵. Кроме того, известно, что среди войск Пугачева было «татар и заводских крестьян около 3000 человек»⁶.

Из изложенного мы видим, что население Каргалинской купеческой слободы «колебается», играет пассивную роль, и, находясь между двух огней, сильней страдает.

Аналогичное же явление мы замечаем и в другом городском центре, а именно в Казани. Нужно сказать, что Казань в XVIII веке играла роль главного общественно-политического и культурного центра среди российских татар. Поэтому и Екатерина II придавала большое значение татарскому населению Казани; обращаясь к ним, она говорила в манифесте своем от 24/11–1774 года следующее:

«Равным образом служит к Высочайшему Нашему благоволению и оказываемая верность от казанских татар в сопротивлении и отражении разбойничьих набегов самозванца Пугачева. Мы ожидаем от них и впредь подобных к общей пользе услуг, всемилостивейше сим

¹ Там же, стр.[аница] 309. (Прим. авт.)

² Там же, стр.[аницы] 327–357. (Прим. авт.)

³ Там же, стр.[аницы] 384–385. (Прим. авт.)

⁴ Там же, стр.[аница] 403. (Прим. авт.)

⁵ Там же, стр.[аница] 316. (Прим. авт.)

⁶ Там же, стр.[аница] 327. (Прим. авт.)

же обнадеживаем их, яко дознанных в действительном усердии подданных, как достойным ныне воздаянием, так и впредь непременным нашим монаршим признанием и покровительством всех их настоящих законных свободах»¹.

Как видно из этого отрывка манифеста, правительство этим актом намекает на те требования, которые были предъявлены различными классами татарского общества правительству. Чтобы познакомиться с настроением и поведением мелкобуржуазного татарского населения казанских татарских слобод, мы здесь приводим отрывок из рукописи того же Насырова, которая составлена на основании рассказа Аитова:

«Покойный мой отец рассказывал, что во время прихода Пугачева мне должно быть было лет около десяти, – когда был распространен слух о приходе Пугачева, казанским губернатором тогда был... (неразборчиво). Была запрещена поездка на Макарьевскую ярмарку. Большим деятелем среди казанских татар тогда был упомянутый выше в рассказе об Аксак Кааратуне (т.е. Л. Канащевиче), старик Ибрагим.

Этот старик Ибрагим приказал населению Слободы, все то, что приготовлено из белого хлеба, сухарей, меду, масла, яиц, пива и из тому подобных припасов, для поездки на Макарьев, принести ко двору мечети. Перед мечетью поставили столы, и эти припасы положили на них. После этого начали подъезжать башкиры из войска Пугачева, среди них еще были чуваши, черемисы и тому подобная смесь, некоторые из них были в поповском, некоторые в штофных костюмах, а некоторые же в бабьих зилянах (в то время, оказывается, женщины носили зиляны – халаты), они были босые, многие одеты в бабьи сарафаны, шелковые женские и штофные костюмы. Оружие у них состояло из копья, ружей, у некоторых были железные вилы, косы, а иные имели в качестве оружия только заостренные огнем деревянные палки. Старики и вышеуказанный Ибрагим стояли перед мечетью. Пришедшие из Пугачевского войска башкиры спрашивали:

«Вы Иль или джау (друзья или враги)?».

Старики ответили: «Иль! Иль! (друзья, друзья)».

Башкиры говорили:

¹ И. Железнов, «Подлин.[ные] бум.[аги] о бунте Пугачева» (Чт.[ения] в Моск. [овском] Об-ве ист.[ории] и древ.[ностей] рос.[сийских], 1860, кн. I, стр.[аница] 48). (Прим. авт.)

«Если иль, то идите к батюшке, примите присягу на верность». Тогда старики просили их слезать с лошади, отпускали их, накормив и напоив. Таким образом, мучились три-четыре дня, но когда пугачевцы-башкиры стали настаивать, чтобы они присоединились к ним, то старик Ибрагим сказал народу:

«Теперь уже нечего делать» и, посадив 7 человек на коней, вооружив и привязав на правые руки их знак Пугачева – синего цвета тряпки, а сам пешком с дубинкой в руке направился во главе 7 человек из места называемого Ак-кум Асты и через Мокрую, желая попасть на Арское поле, но дорогой он заметил поднявшуюся пыль и сказал: «Ой, молодцы, слезайте с коней, прикрепите седла, перевяжите тряпку на левую руку». Затем он сказал:

– «Теперь сядьте на коней; эта пыль должно быть поднимается от войск генерала (Михельсона), присланного падишахом, (т.е. Екатериной) для города».

Тогда молодцы галопом поскакали и присоединились к войскам Михельсона. Когда Михельсон прибыл, Пугачев был разбит, рассеян и убежал. Находящийся в крепости народ ужасно голодал, ибо не было разрешения открыть ворота в течение нескольких дней. А старик Ибрагим собранное продовольствие приносил в крепость и раздавал его через пушечные отверстия солдатам. После этого в городе организовался суд: некоторых повесили, иным отрезали голову, (между прочим) оказывается был бедный солдат-татарин, который служил начальником артиллерии и вот его-то и повесили между двумя (татарскими слободами), еще одного повесили у начала озера (Кабана), затем в суде, организованном для наказания бунтовщиков, говорили, что мол, казанские татары были на стороне бунтовщиков, потому их нужно истребить, и все согласились с этим, но в войске Михельсона оказался генерал, крещеный татарин, вот он то не подписал (этого приговора), сказав, что татары помогали продовольствием нашим войскам. После этого те солдаты, которые сидели в крепости (т.е. во время осады) утверждали, что если бы татары нас не кормили, то мы погибли бы (с голода)¹.

---

¹ Это точный перевод рукописи Насырова. В 1886 году об этом было сделано сообщение А. Ильясовым в Общ.[естве] Арх.[еологии] при Казанском университете, и доклад был частично напечатан в 1886 году в «Волжском вестнике» № 2. Нужно сказать, что это сообщение несколько отличается от нашего

Но Аитов почему то не отметил об одном важном факте, который, если на самом деле был, мог дать правительству повод обвинять казанское население в «измене», а именно: как передает Пушкин, на Арском поле Пугачев, сидя в кресле, принял татарскую делегацию и принесенные ими подарки. Точно также не подтверждается, что будто бы, Пугачев обедал у торгового татарина (не крупного тогда) Мусы Апанаева¹, впоследствии ратмана Казанской татарской ратуши, о котором рассказывал покойный старик Юсуф Ананьев.

Вот эта двойственная политика отчасти и спасла татарские слободы от пожара, грабежа и правительственный репрессий.

Все же во время пугачевщины в татарских слободах города Казани господствующим элементом были служилые торговые татары, что видно из приведенного документа, где роль первой скрипки играли те, которые готовились ехать на ярмарку. Однако, татарская буржуазия не могла сочувствовать пугачевщине, ибо все же их ближайшие интересы пострадали от этого движения. На этот счет мы имеем чрезвычайно любопытный факт. Тот же Насыров в одной из своих рукописей пишет следующее:

«На полях Джамиа² написано:

«В 1773 году второго дня скорпиона Джамаль Джан (т.е. Емельян) Пугачев захватил город Каргалу; в 1774 году даты христианской июля

отрывка. Однако наш текст должен быть более правильным, ибо Насыров был другом рассказчика М. Аитова, он учил его детей и жил одно время у них. В русском тексте сообщения все-таки есть любопытные подробности, например, интересно следующее место: «Когда Пугачев ушел, то казанские дворяне собрались на совещание. Совет постановил истребить всех татар за то, что те будто бы поддались Пугачеву. В войске Михельсона находился генерал Муртаза, родом караим; он объявил, что татары помогли нашему войску». (Прим. авт.)

¹ Апанаев Муса Исмагилович (Измайлович) (1766–1827) – крупный казанский купец первой гильдии, ратман Казанской татарской ратуши и общественный деятель. Будучи представителем одной из богатейших татарских купеческих династий, он играл важную роль в органе самоуправления татарского населения Казани. В качестве одного из лидеров татарской общины, Апанаев был вовлечен в события, связанные со штурмом Казани войсками Е.И. Пугачева в июле 1774 года.

² Очень распространенное руководство по арабскому праву (Фикх). (Прим. авт.)

15 дня пришла команда (отряд) Джамаль-джана в деревню Кышкар¹ и ограбили Сагида сына Усмановых... днем».

Очевидно, таких фактов было очень много, почему торговые татары в роде Ибрая Юсупова боролись в рядах правительственныех войск.

Из всего изложенного мы видим, что татарский землевладельческий класс, чиновничье служилое сословие, крупные торговцы и про-мышленники всецело стояли на стороне правительства, мелкие служилые элементы частью были на стороне Пугачева, а мелкая буржуазия колебалась и вела чисто шкурническую и двойственную политику.

III

Теперь мы остановимся на отношении низших классов татарского общества к пугачевщине. Прежде всего остановимся на казаках.

Известно, что еще в XVI веке среди казаков были разные элементы, в том числе и татары. Поэтому Иван Грозный на жалобу ногаев ответил, что «казаки не одни русские». «На поле» писал он «ходят многие казаки, казанцы, азовцы, крымцы и иные баловни казаки, и из наших украинцев с ними же смешавшись ходят»². С XVII столетия среди казаков определенно были и татары.

Очевидно, среди казаков-пугачевцев также были татары, ибо Семенов в своем рапорте из Яика от 14/IX–1774 года упоминает об одном «казаке из татар», который сообщил ему о верности Яицких казаков правительству³. Возможно, что и татарин Идорка, который оказал Пугачеву услугу в сношениях его с киргизским ханом Нур-Али, также был казаком⁴. В протоколе заседания Военной Коллегии от 14/IX–1774 года в числе преданных смертной казни казаков упоминаются следующие имена: Абрешит Мулла, Калбуй Алкупов, Ашреб Муртазин⁵.

¹ В современном Арском кантоне, где в начале XVIII века и в XX веке было много татарских богачей, существовали принадлежащие им фабрики, развалины которых и по сей день можно видеть. (Прим. авт.)

² Фирсов Н.Н. Чтения по истории Поволжья, отд. II, стр. 122. (Прим. авт.)

³ Грот, «Мат.[ериалы] для истории Пугачевского бунта» (Зап.[иски] Акад. [емии] Наук, том 25, ст.[раница] 621). (Прим. авт.)

⁴ См. подробности о роли Идорки в «Народных движениях в России до XX века», Н.Н. Фирсов, стр. 146. (Прим. авт.)

⁵ Железнов И., «Подлин.[ные] бумаги» (Чт.[ения] в Моск.[овском] Общ. [естве] Ист.[ории] и Древ.[ностей] Рос.[сийских], 1860, кн.[ига] 2, стр.[ани-ца] 48). (Прим. авт.)

Если мы перейдем к вопросу об отношении татарского трудового элемента к пугачевщине, то мы смело можем сказать, что он был на стороне Пугачева.

Тут классовые интересы связали трудовые элементы всех народностей в борьбе их с крепостническим правительством. Вполне прав Игнатьев, автор исследования о Салавате Юлаеве, когда он со злобой говорит, что «теперь казалось забыта была старая племенная вражда, в видах поживы; христиане, магометане и язычники действовали вместе, братались друг с другом, русские подчинялись ловкому татарину или башкиру, татарин или башкир–ловкому русскому».

Это вполне понятно: Пугачев опирался не только на трудовые элементы русской народности, но и шел по линии трудовых элементов «угнетенных народов» Восточной России. «Мухамедоны и калмыки, – писал Пугачев в одном обращении, – будьте в готовности выезжать ко мне. Содержащиеся в тюрьмах и у хозяев жалующихся в недовольстве всех без остатку выпущайте, если будут оказываться противники, таковых головы рубите и кровь проливайте, чтобы были детям их в предосторожность. Вы должны служить мне до последней погибели». (см. газету «Известия», за 1925 г., 8/1, № 32, стр. 3. Ст. Томинского). Еще ярче была выражена воля вождя крестьянской революции в манифесте на татарском языке от 29 рамазана 1773 года. Пугачев жалует в этом манифесте трудящиеся угнетенные народы «землей, водой, рыбой, топливом, пашней, лесом, порохом, деньгами, свинцом, хлебом, солью и прочим».

بويورمن بارلوقاغوجى يېنگىزى سونگىزى و باقىنگىزى و اوطنكىزى و قرنگىزى وېغاچىڭىزى و پورخ
و اقچا و قورغاش و اينىك و طوزى و غيرىسى ايان!¹

Пугачев дает им право «рубить головы» и грабить имущество у угнетателей бояр, генералов и майоров, капитанов и других, если они будут противиться, ибо «в свое время, – говорится в манифесте, – они

¹ В транслитерации со старотатарской арабици: «Булурмын (правильное прочтение) ярлыкагучы йиригизне, суныгызын ва балыкыгызын ва утыңызын ва кырыңызын ва йегачиңезе вә пурух вә акча вә кургаш вә ит[к]мәк вә тозы вә гайрепесе илән». В общепринятом переводе звучит сл. образом: «Жалую вас землею, водой, рыбой, топливом, пашней, лесом, порохом, деньгами, свинцом, хлебом, солью и прочим». Дается по изданию: Указы Е. И. Пугачева и его коллекции / предисл. С. А. Голубцова // Красный архив. – 1925. – Т. 1(8). – С. 193–206.

vas ели: моих рабов они лишили воли и свободы, теперь посев их косите, если не подчиняются»¹. Свой манифест Пугачев заканчивает следующими словами: «Даю слово: кто раб помещика и (кто) попал в руки крестьянских тиранов, с сегодняшнего дня свободен»².

У нас под руками пока нет материала, чтобы выяснить вопрос об отношении к пугачевщине наемных рабочих из татар, но Рычков сохранил нам драгоценный материал, иллюстрирующий настроение последних. «Один татарин Казанского уезда, пишет Рычков, бывший (во время осады Оренбурга) в работниках у бухарцев, отважился было бежать из города к Егорьевской церкви, с намерением туда пробиться, пойман казаками, и по приводе в город отдан под караул»³.

¹ Полный татарский текст этого места.

کمدور باش تارتغوجى و قارشولق قىفوچى و بىبار و بىنارال و مائىر و كاپيتان و غير سە باشى كىسولى و مالى طالاولى الونكر و باشنى كىسمونكز خزىبىنه سى بولسە پادشاھ غۇر كېلتۈرۈ كە بىرۇقىنە سزلە رى انلار اشادى ايدى مىنەن قوللار منى ايركىزى و احتىارىسىز اىتىدى اكتۇن چابوللۇك اتىمك باش سالماساھ كمدور بىيار قولى و گرسىتىيان ئىللەم سىتىنە كەرقىار اوسلە بى كون مەدىن ازاد (Прим. авт.)

В транслитерации со старотатарской арабицы (с исправлением опечаток в арабографическом тексте): «Кемдүр баш тартгучы вә каршулык кыйлгучы, вә байар, вә йанарап, вә майур, вә капитан, вә гайрессе – башы кисүле, вә малы талаулы – алыңыз, вә башыны кисмۇнегез; хезинәсе булса, падиша-гъя килтүрергэ. Бер вакыт сүзлэрэнә анлар ашады, йидә, мәнem колларымны ирексез вә ихтиярсыз итde, икенчүн чабугыз, итдмәк баш салмаса. Кемдүр байар колы вә керэстиян залим дастында грифтар улса, бу көн миндән азат». В указах Емельяна Пугачева текст схожего содержания в различных вариациях повторяется несколько раз. См.: Алишев С. – Госманов М. Бөек крестьяннар сугышына 200 ел / С. Алишев, М. Госманов // Казан утлары. 1973. № 9. – Б. 134–160. В общепринятом (полном) переводе, на русский язык он звучит следующим образом: «Кто не подчинится и будет противиться: боярин, генерал, майор, капитан и другие, – голову того рубите и имущество его грабьте! Против [таких] стойте! Головы их рубите! Если окажется у них казна, она должна быть принесена царю! Их обоз и лошади и другое, что необходимо, должно быть доставлено царю! Прочее, в чем нет нужды, расходуйте на армию! В свое время они вас ели; [вас], моих рабов, они лишили воли и свободы; теперь посев их косите, если не подчиняются». Даётся по: Указы Е.И. Пугачева и его коллегии / предисл. С.А. Голубцова // Красный архив. 1925. Т. 1 (8). С.193–206.

² См.: «Указы Е.И. Пугачева и его коллегии». Голубцова, «Красный архив», т.[ом] I (IV) за 1925 г., стр.[аницы] 196–197. (Прим. авт.)

³ Собрание сочинений Пушкина, Приложение, т.[ом] II, стр.[аница] 374. (Прим. авт.)

Известно, что активными участниками в пугачевщине были заводские и приписанные к ним крестьяне, в том числе и татары, о которых было сказано несколько слов выше, когда шла речь о найме татар-ясачников на эти заводы в качестве рабочих. Но были и татары-крестьяне, прямо приписанные к горным заводам принудительным путем. Например, известно, что на заводе Семена Иноземцева в эпоху Елизаветы было приписано 126 душ татар¹.

Может быть, именно эти татары-рабочие и служили тем мостом, через который во время пугачевщины горнозаводские рабочие создали «смычку» с татарскими крестьянами и башкирами в борьбе с хозяевами горных заводов. В указе, присланном «Ее Императорскому Величеству из Пермской провинциальной канцелярии в Соликамскую воеводскую канцелярию» говорится, что «многие из заводских служителей жители из приписанных государственных крестьян, по обольщению злодейской партии воров башкирцев и татар склонились для грабежа и разорения заводов и жительств в их злодейской толпе ездят, от чего и думают, по легкомыслию и глупости своей получить себе прибыток и от толпы (т. е. от татар и башкир) оборону». Правительство боялось этой «смычки», пускало в ход провокацию, что «от реченной злодейской толпы последовать может крестьянам великое грабительство, а женам их блудное насилие» и этим хотело разделить эти два элемента². Однако, эта смычка не уничтожилась. Главные экономические корни действия татарских крестьян горнозаводских районов совместно с заводскими крестьянами и рабочими заключались в том, что эти заводчики отнимали у них земли, леса и сенные покосы, на что они жаловались еще в своих наказах на Екат. Комиссии 1767 года. Например, ясачные татары Кунгурского уезда пишут, что «Его Сиятельством госп.[одином] графом Ил.Гр. Чернышевым построен в 1763 году Ашинский медноплавильный завод, и которому

¹ П.[олное] с.[обрание] у.[законений], № 10, 131. Конечно, в это время у татар не было пролетариата в полном смысле этого слова. Однако, существовали наемные рабочие, не порвавшие связи с деревней, работающие на татарских промышленных предприятиях и у отдельных хозяев. См. нашу статью «К истории татарского торгового класса», («Известия Вост.[очного] ф-та» АГУ, № 1). (Прим. авт.)

² «Историч.[еские] документы и выписки о шайках Пугачевского бунта 1774 года». Рукопись Библ.[иотеки] Отечествоведения Каз.[анского] Унив. [ерситета], № 92, лист 1, 18. (Прим. авт.)

уже лесов, как на обзаведение того завода обывательских домов, так и на угольное сжение, знатное число вырублено и вырубается, также знатное число сенных покосов... да сверх того приписанные его Сиятельством к заводам крестьяне, по приказаниям от заводчиковых приказчиков селятся в наши татарские деревни, на наши земли, без всякого к тому нашего договора, также на лугах наших сено косят усилством своим. От каковых причиняемых нам притеснений претерпеваем самокрайнюю нужду и недостаточество»¹. Когда появилась пугачевщина, эти скромные жалобы превратились в открытое движение татар. «Злодейские татарские партии», вооруженные луками, стрелами, ружьями, конные и пешие во всем этом районе борются и самостоятельно или совместно с башкирами, русскими владельцескими и заводскими крестьянами с правительственные отрядами. Для того, чтобы читатель мог познакомиться с характером борьбы татарского крестьянства, мы приведем несколько примеров. В донесении «соляной продажи целовальника Свидрачева» в главную контору графа Воронцова от декабря 1773 г. мы читаем следующее: «Будучи я в том городе не выехав еще с тою казною, по поданной злодейской толпы приехав в тот город Осу ночным временем на 21-ое число сего декабря с луками, стрелами и саблями партия Гунвинских татар о 20 человеках, а по приезде тем своим злым намерением взяв и увезли неведомо куда того города воеводу Ф. Д. Пироговского, а потом увозе в день того же 21 числа пока приезжали таковые ли татары пять человек с луками, саблями и пистолетами, да один из русских с ружьем про которого мне сказывали Осинской мирской староста И. Дьяконов, что те-де русак села Крылова крестьянин по части его сиятельства князя М. М. Голицына... что та злодейская толпа намерена ехать в Анненский Казенный завод, а оттуда намерена де пока ехать через Яхощинский завод до города Соликамска и Чердыни»².

Служитель Ив.[ан] Вологдин в своем рапорте от 11 марта 1774 года в Ильинское Водчинноеправление пишет следующее:

«Сего числа после полудня злодейская партия, Тульенские и про- чие татары во многолюдстве, с ружьями и луками на лыжах выступили из лесов к селу Белявскому, упорно наступали на оное, но Верхне-Му-

¹ Там же, стр.[аница] 90. (Прим. авт.)

² Там же, стр.[аница] 53. (Прим. авт.)

линский Управитель Ив.[ан] Варихин с командою вступил с ними в сражение¹. В этом же сражении, кроме татар и русских, участвовали на стороне пугачевцев и калмыки, таким образом, это было своего рода сражение всех угнетенных элементов Пермского края². В некоторых местах башкиры и татары являются не только простыми бойцами на сражениях, но и берут почин в деле пропаганды и агитации. Например, в указе из Пермского горного начальства Добрянской заводской конторе от 3—I-1774 года мы читаем следующее: «что в Кунгурском уезде по разным заводам, острожкам, селам и деревням разъезжают воры—башкирцы и с ними кунгурские татары разными партиями, во многолюдстве и разглашают простому народу известное высокое имя Императора Петра Третьего, причем чинят многие грабежи и разорения. По какому разглашению некоторые поселяне, по легкомыслию и простоте своей, преклонились и дают им провиант и фураж, другие же с теми ворами—башкирцами и татарами в их злодейской толпе находятся...»³. Кроме того, по доносу бывшего старосты дворцовых сел Елабужской волости от 29 января 1774 года, Еф.[има] Беспалова, мы знаем, что, 29 декабря 1773 года священник села Круглого Поля Илья Дмитриев и ясашный татарин из деревни Бирюгану Муса Бикменев, по приезде к ним из злодейской толпы, собирали сходы, принуждали называть «злодея» именем имп. Петра III, угрожая смертью и разорением всем, кто станет именовать его Пугачевым, насильственно заставляли жителей итти в казаки и при этом и денежные взятки брали, и смертные побои наносили (Пугачевщина, том I из архива Пугачева, стр. 285).

Известно, что еще во время прежних движений в Башкирии одной из серьезнейших причин бунтов была установленная правительством соляная монополия, которая лежала тяжелым бременем на всем населении России. Но это было особенно заметно в Башкирии, где соль самими добывалась, а пользоваться ею не разрешалось, и насе-

¹ Там же, лист 90 (2), лист 94. (*Прим. авт.*)

² Там же, лист 80. (*Прим. авт.*)

³ Там же, лист 80. Таким образом, на основании известных материалов совершенно нельзя сделать вывод, что пугачевщина провалилась благодаря антагонизму между русскими рабочими и туземцами Башкирии, как это пытались некоторые утверждать. Очевидно, свалить вину в этом провале на одни «национальные» элементы нельзя; существовали другие, более глубокие, причины провала пугачевщины. (*Прим. авт.*)

лению приходилось покупать ее за весьма дорогую цену. Во время пугачевщины эта злоба проявилась с новой силой, поэтому и татары-крестьяне наряду с другими принялись за расхищение казенной соли. Сведение об одном из таких эпизодов сохранило нам донесение из одной промысловой конторы в Кунгурский промысловый Магистрат от 29 марта 1774 года. В этом донесении говорится, что «злодейскою толпою, татарином Верх-Пренской Четверти Темиром с товарищами 20 чел. из соляного амбара усильным образом увезено соли 40 пудов»¹. Полковнику Михельсону приходилось иметь дело с этими восставшими татарами. Известно, что он при взятии обратно Осы имел сражение с татарами и башкирами².

Трудовые элементы татарского народа приняли крупное участие на стороне Пугачева и при приближении его к Казани и в боях около нее. Казанский купец М.А. Сухоруков³ рассказывал известному Фуксу⁴, что «отряды Пугачевской сволочи состояли по большей части из татар, башкирцев и многих калмыков и крестьян». Отсюда он делает вывод, что в плену были одни русские, а казанских татар не было: «также не видал я пленными и сукончиков»⁵.

¹ Там же, лист 145. (Прим. авт.)

² Пушкин, стр.[аница] 89. (Прим. авт.)

³ Сухоруков Иван Афанасьевич – казанский купец, очевидец штурма Казани войсками Е.И. Пугачева в июле 1774 года. Его воспоминания о событиях, связанных с осадой Казанского кремля, были записаны ученым и этнографом Карлом Фуксом. Впоследствии эти свидетельства использовал А.С. Пушкин при работе над «Историей Пугачева».

⁴ Фукс Карл Федорович (1776–1846) – немецкий и российский ученый-энциклопедист, медик, этнограф, историк и краевед. Он был профессором (с 1805) и ректором (1823–1827) Казанского университета. Фукс считается одним из первых исследователей истории, быта и культуры казанских татар, автором фундаментальных трудов, таких как «Краткая история города Казани» и «Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях». Пользуясь большим уважением в татарской общине, он получил уникальный доступ к изучению их семейной жизни и обычаяев. Фукс записывал воспоминания очевидцев штурма Казани войсками Пугачева, которые впоследствии были использованы А.С. Пушкиным при работе над «Историей Пугачева».

⁵ «Каз.[анские] губ.[ернские] ведом.[ости]» за 1843 год, № 44, Фукс, «Сказан. [ия] каз.[анского] купца Н.А. Сухорукова о пребывании Пугачева в Казани». (Прим. авт.)

И архимандрит Платон Любарский¹ в письме к своему другу от 24 августа 1774 года из Казани, описывая нападения Пугачева на этот город, также отмечает присутствие в его войске татар². Также известно, что после первого сражения под Казанью для второго нападения на Михельсона Пугачев «разослал от себя сообщников своих в близь города лежащие села и деревни и обещая великое награждение, собрал разных сволочи, а больше татар и новокрещенных чуваш, столь много, что людство его составило более 25 тысяч»...³ Также известно, что после окончательного поражения Пугачева под Казанью, по словам Пушкина, из 2000 убитых оказались большей частью татары и башкирцы⁴.

Должно быть Пугачев сам сознавал значение татар-крестьян и башкирцев для успеха его дела, и их места жительства он считал своим последним убежищем. Поэтому Глахов в своем рапорте от 12 сентября 1774 года, объясняя, почему Пугачев переправился через Волгу около Царицына, пишет: «Пугачев единственно для того уклонился Узеням и Яику, чтобы отвести наши войска в право. Дабы между тем очистить себе путь влево к башкирцам и татарам, где его с вернейшими его сообщниками и весьма малою толпою порознь по защищение примут и скрываться дозволят до времени, в которое он усмотрит удобный случай в тех краях опять разбросать злодейский пожар»⁵.

Вот почему совершенно не справедливы те замечания некоторых исследователей, которые говорят, что и большая башкирская армия, покинула Пугачева под Казанью, что она отказалась от дальнейшей борьбы, когда выходила за пределы своей территории.

¹ Платон (в миру Любарский Петр Иванович; 1738–1811) – церковный деятель, духовный писатель, архимандрит. С 1772 года он занимал должность ректора Казанской духовной семинарии и настоятеля Спасо-Преображенского монастыря в Казани. Являлся очевидцем событий Крестьянской войны 1773–1775 годов в Казани, в том числе штурма города войсками Е.И. Пугачева в июле 1774 года. Позже стал автором очерков о казанских архиереях.

² Пушкин, «Ист.[ория] Пугачевского бунта», прибавление, стр.[аница] 440. (Прим. авт.)

³ Там же, стр.[аница] 455. (Прим. авт.)

⁴ Пушкин, стр.[аница] 91. (Прим. авт.)

⁵ Акад.[емик] Гrot, «Мат.[ериалы] (для истории Пугачевского бунта)» (Зап. [иски] Ак.[адемии] Наук, том 25, стр.[аница] 30). (Прим. авт.)

Таким образом, татарское крестьянство было одним из важнейших элементов пугачевщины.

Поэтому при подавлении этого движения правительственные отряды обращались с татарами чрезвычайно жестоко, они не только истребляли самих татар, но и уничтожали их имущество, выжигали целые татарские деревни. Не лишне будет здесь привести одну характерную выдержку из рапорта А. Подвинцева в вотчинное правление, находящееся в пригороде Осе, от 19 сентября 1774 года. Подвинцев в 4-м пункте своего рапорта пишет следующее: «10 числа по утру армия наша пришла в татарские деревни Блогарину и Елпачиху, где из жителей ни одного человека не было. Первую Блогарину выжгли, а на другой день, пройдя 40 верст, вступили в деревню Борду. В ней нашли только двух татар, глухого и слепого. Сего последнего спрашивали о жителях, но как ничего допытаться не могли, то отсекли ему голову и деревню выжгли. Далее по случаю наступившей распуты вверх по Тулье не пошли и возвращаясь к Осе татарскими деревнями предавали их огню. В одной из них Антоновой двое или трое татар заперлись в юрту, из окон стреляли по нас и ранили... На другой день в 11 татарских деревнях опять выжгли до 800 дворов»¹.

---

¹ «Ист. [оригинальные] докум. [енты] и выписки о шайках Пугачевского бунта 1774 года». Рук. [опись] Библ. [иотеки] Отечествоведения Каз. [анского] Унив. [ерситета], № 92, лист 99. (Прим. авт.)

ЗАМЕТКИ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ХАЗАР

В начале XIX столетия, когда история Поволжья начала только что изучаться на основании восточных источников, вопрос о происхождении булгар и хазар был вопросом актуальным. Недостаток изданных и, главным образом, недостаточное изучение рукописей, находящихся в хранилищах Запада и России, привели к тем поспешным выводам, которые делались по отношению к вопросу о происхождении этих народов. Даже в половине XX столетия по тем же основным причинам по этим вопросам появилось огромное количество не совсем проверенных выводов и гипотез, которые вошли даже в учебники, как неоспоримые факты и истины. Примером могут служить выводы Клапрота, русского ориенталиста Григорьева, Неймана, Сума и Германа Вамбери, которые, правда, и внесли много интересного, но в то же время их догадки продолжают служить причиной тех нерешительных мнений, которые высказываются до сих пор некоторыми новейшими авторами, писавшими о хазарах и об их культуре. Например, в статье Готье: «О хазарской культуре», вышедшей в прошлом году, перечисляются те гипотезы относительно происхождения хазар, которые были высказаны в прошлом столетии, и автор придерживается того мнения, что хазары «вероятно тюрки»².

Хотя о происхождении хазар в последнее время были высказаны более определенные мысли со стороны русских и западно-европейских

¹ Впервые опубликовано: Губайдуллин А. Заметки о происхождении хазар / А. Губайдуллин // Известия Общества обследования и изучения Азербайджана. Баку, 1927. №4. – С. 165–173. Текст дается по данной публикации.

² В «Новом Востоке» № 8–9. (Прим. авт.)

ученых ориенталистов, но все же мы в этой заметке хотим поднять еще раз этот вопрос. Мы считаем своевременным поднять этот вопрос еще потому, что в последнее время интерес к изучению хазарской культуры путем археологических раскопок значительно поднялся, а изучить материальную культуру какого-нибудь древнего народа совершенно невозможно, не зная, к какой расе изучаемый народ принадлежал.

Известно, что многие тюрко-татарские государственные объединения происходили на основании завоеваний других нетюркских стран. Вот почему тюрки в этих государствах были большей частью меньшинством и представляли из себя организаторов и военный класс. Так было, например, в империи Газневидов, Сельджукидов, в татарских ханствах, появившихся после разложения Великой Монгольской империи, в империи Великих Моголов в Индии и в Османской империи. Очевидно, также обстояло дело в государстве Волжско-Камских болгар, ибо Ибн Фадлан говорит о существовании там «меликов» – царьков. Нам кажется, что методологически будет правильно, если мы подойдем к вопросу о происхождении хазар с той же точки зрения. На основании данных письма хазарского хакана Юсифа Хасади ибн Шабруту и на основании известий арабских писателей мы можем легко заметить, что хазарское каганство представляло из себя многонациональное государство. В состав этого государства во время расцвета входило огромное количество мелких народов и государств. Вот почему Ибн Фадлан говорит, что у хазарского царя было 25 законных жен, каждая из них «дочь царя», взятая «добровольно или насилино» (*طُوْغَا اُنْ كَرْهَا*)¹. Это подтверждается сообщением еврейского писателя Эльдади Годдани, который говорит, что количество подчиненных хазарскому царю царьков бесчисленно, «он берет дань от 25 государств» (Гаркави, Сказания еврейских писателей о хазарах, стр. 21). Если дело обстояло таким образом и, когда речь идет о происхождении хазар, то следует поставить вопрос только о происхождении того организующего ядра, которое являлось господствующим элементом в Хазарии. Такую постановку вопроса мы считаем единственно правильной, потому что под словом «хазары» источники понимают всю Хазарию в совокупности. Если подойти к вопросу так, то необходимо будет произвести анализ для того, чтобы выяснить вопрос, какие элементы именно существовали у хазар.

---

¹ «Tay‘an ау кархан» (с араб. «добровольно или насилино»).

Иbn Фадлан говорит, что «их (т.е. хазар) два класса; класс, который называется кара хазар (черный хазар), кои отличаются сильной смуглостью, как индусы, и класс белый, красивый¹». Иbn Хаукаль также говорит, что хазары бывают различные, что среди них существуют «кара хазар». Отсюда мы можем заключить, что в X столетии среди хазар существовало, по крайней мере, два антропологических типа: белые и черные. Кроме того, тот же Иbn Фадлан, а за ним и другие, говорят о существовании среди хазарского населения еще одной категории людей, которых они называют «الخزر الخالص» (истинные хазары)². Вероятно, что эти были господствующим элементом в этом государственном союзе. Может быть, это ничто иное, как «Кабары» Константина Порфирородного, которые вследствие воинственности и проворности стояли во главе восьми хазарских родов и отличались в сражениях, и из этого же рода были «principles».

Из этого можно сделать заключение, что такого целого и неделимого народа хазар не существовало. Во-первых, тот государственный союз, который средневековые западные и восточные авторы называют хазарами, состоял из конгломерата различных элементов: одни отличались от других своими антропологическими чертами, другие своими собственными государственными объединениями и входили в состав хазарского союза, как подчиненные политические автономные единицы, сохраняя свои политические особенности, наконец, сам хазарский народ, подобно узбекам, монголам или современным казакам (кайсакам), разделялся на несколько родов, о чем свидетельствует нам Константин Порфирородный³.

¹ و هم صنف صنف يسمون قرا خزر هم سمر يضربون لشتد السمرت الى السواد ار هاتم صنف من الهندو صنف بيبيض و ظاهر الجمال والحسن. يقول الحموي، معجم البلدان، طبع بمصر، جلد ٣، ص. ٣٣٤. (Прим. авт.).

В пер. с араб. «И они делятся на два разряда: один разряд называют „кара-хазарами“; они смуглые, по причине сильной смуглости переходящие почти в черный цвет, и, по их мнению, один из этих разрядов происходит от индийцев; другой разряд – белые, с чистой красотой и хорошей наружностью. Об этом говорит ал-Хамави в „Му‘джам ал-булдан“, египетское издание, том 3, стр. 334».

² Вероятно, опечатка. Правильное написание «الخزر الخالص» («ал-хазар ал-халис»).

³ Corpus scriptorum historiae Byzantinae, vol.[umen] III, p.[agina] 172. (Прим. авт.)

Раз вопрос идет о расовой принадлежности какого-нибудь средневекового восточного народа, то приходится говорить об основном ядре или о господствующем элементе целого государственного объединения. Например, когда нам зададут вопрос, кто такие были сельджуки, то мы должны будем ответить на этот вопрос, обращая главное свое внимание на огузско-турецкие роды (اوغوز بويلارى¹), которые являются господствующим элементом в столь обширной и поглотившей различные народы империи.

По вопросу о расовой принадлежности основного ядра населения хазарского государственного союза наши источники высказывают два противоположных мнения: одни называют их тюрками, а другие отрицают их принадлежность к этой расе.

Прежде, чем прийти к изложению этих мнений, нам приходится сделать одно методологическое замечание: нельзя представлять себе средневековых западных и восточных авторов современными антропологами или этнографами. Как византийские, так и мусульманские, авторы иногда путали термин «тюрк». Например, такой знаток различных народов, обитавших на местах пограничных Византии, каковым является Константин Порфирородный, слово «тюрк» употребляет не совсем точно. Масуди называет тюрками тибетцев, бургасов и других². Эти авторы, при определении принадлежности какого-нибудь народа к тюркам, часто основываются на сходстве образа жизни, а не языка, который является почти основным признаком. «Тюрки» для них ничто иное, как скифы для античных авторов. Однако, при чтении этих текстов приходится удивляться тому, что, несмотря на некоторые допускаемые ими ошибки, эти авторы большей частью умеют точно определить происхождение описываемых ими народов. В этом отношении византийские и мусульманские авторы пошли довольно далеко от Геродота, Страбона и даже Птоломея, хотя у византийцев часто встречается обычай всякого степняка называть или скифом, или сарматом, подражая древним авторам.

---

¹ Oğuz boyları (в пер. со старо-осман. «Огузские племена»).

² См. напр., «Bib. و برباس امة عظيمة من الترك بين بلاد الخوارزم و مملكة الخزر Arab.» [Bibliotheca Geographorum Arabicorum], ed.[itio] de Goeje, pars octava, p.[agina] 60 и др.[угие] (Прим. авт.) В пер. с араб. «А бургасы – великий народ из тюрков между землями Хорезма и царством хазар».

Иbn Фадлан, который является самым важным источником по интересующему нас вопросу, как-будто отрицает принадлежность хазар к тюркам. Он говорит, что хазары не похожи на тюрок, ибо они черноволосые (وَالْحَزَرُ لَا يَشْبَهُونَ الْأَتْرَاكَ وَ هُمْ سَوَادُ الشَّعُورِ)¹. Иbn Хаукаль заявляет, что «у истинных хазар язык тюркский, а не персидский»². Абу Исхак Истахари говорит, что «язык болгар, как язык хазар»³ (لِسَانُ الْبَلْغَارِ مِثْلُ لِسَانِ الْحَزَرِ). То же самое отмечает и Абу Абдаллах Гарнати. Хотя некоторые авторы являются позднейшими и в своих сообщениях значительно зависели от ранних, но все же отсюда мы можем сделать следующий вывод: если язык хазар похож на язык болгар, а так как мы знаем, что язык болгарский был тюркским или чувашским, то отсюда выходит, что язык хазар все же является тюркским. Но почему же тогда Иbn Хаукаль мог сказать, что язык хазар не тюркский? На это может быть такой ответ: если мы предположим, что язык болгарский был похож на язык современных чуваш, то вполне возможно, что мусульманские путешественники, более или менее знакомые с тюркскими наречиями среднеазиатских тюрков, услышав хазарское наречие, не могли его отнести к тюркскому, ибо оно весьма далеко было по произношению от обычного тюркского наречия, им более или менее знакомого. Это, конечно, догадка и наука ни в коем случае из-за каких-нибудь предвзятых мыслей не может базироваться на догадках. Однако, подтверждение той же мысли мы находим у одного византийского писателя Jos. Genesios'a, который говорит, что болгары произошли от авар и хазар⁴. Но такой знаток тюркских языков, как автор XI века, Махмуд Кашгарски, про болгар ясно говорит, что «Булгар – название известного города из тюркских»⁵ (بُلْغَارٌ – اسْمَ بَلْدَةٍ مَعْرُوفَةٍ مِنَ الْتُرْكِ), а затем в другом месте говорит следующее: «но язык Булгар, Сувар и Баджнак (печенегов), находящихся около Рума – тюркский» (فَامَا لِسْلَنْ بُلْغَارٍ وَسُوْوارٍ وَبَذْنَكَ إِلَى قَرْبِ الرُّومِ تُرْكِيَّهُ مَخْنُوفَهُ الْأَطْرَفُ عَلَى خَطَّ وَاحِدٍ) (там же стр. 30). Если дело обстоит так, то выходит, что хазары также

¹ В пер. с араб. «А хазары не похожи на тюрок, и у них черные волосы».

² Академик Н. Я. Марр утвердительно говорит, что чувашский язык остаток болгаро-хазарской группы. См. «По этапам развития яфетической теории». Мос.-Лен. 1926, стр. 271. (Прим. авт.)

³ Здесь и далее разрядка и курсив автора.

⁴ Dietrich, Byzantinische Quellen zur Länder und Völkerkunde, Teil II, s. 10, n. 2. (Прим. авт.)

⁵ 380. (Прим. авт.). Диван лугат ат-турк. 1 том. С. 380.

говорили на одном из тюркских наречий. Но противоположное мнение высказывает Константин Порфирородный¹. Он говорит о том, что в части одного из родов Хазар-Кабар, который был самым главным, случилась междуусобная война; часть их, убежав к тюркам, сбралась на печенежской земле и там обосновалась. Эти кобары «затем самих тюрков учили хазарскому языку и также до сего дня имеют тот диалект. Некоторые же пользуются тюркским языком»²). Однако, сообщение императора Константина совершенно не исключает наше первое предположение. Из этого сообщения видно, что здесь вопрос не об отдельном чуждом языке, а речь идет только о тюркском наречии. Если бы тюркский печенежский язык был совершенно другим языком, то не так легко можно было бы Кабарам научиться этому языку. Это явление, как кажется, можно сравнить вот с чем: отправляется казанский татарин к казакам³, но несмотря на то, что их наречие другое, однако татарин, пожив некоторое время среди казаков, быстро овладевает их наречием.

Но другие византийские писатели, как напр. Феофан, открыто называют хазар восточными тюрками. Писатель же XI века Кедрин⁴, излагая события 626 года, употребляет следующее выражение: «*Turcarumque orientalium quas et chazaras appellamus*»⁵. Таким образом, многие византийские авторы называют хазар «восточными тюрками».

¹ Константин VII Багрянородный (Порфирородный; 905–959) – византийский император из Македонской династии, номинально правивший с 913 года, но самостоятельно лишь с 945 года. Прозвище «Багрянородный» (Πορφυρογέννητος) он получил, так как родился в Порфирионской палате императорского дворца, что подчеркивало его легитимность как наследника престола, рожденного у правящего императора. Большую часть своего правления он был отстранен от реальной власти соправителями, в частности своим тестем Романом I Лакапином, и посвятил это время активным ученым занятиям

² Corp. script. hist. Byzantinae. Const. Porphyrogenitus, vol. III, p. 171–172. (Прим. авт.)

³ Речь идет о казахах.

⁴ Кедрин Георгий (вторая половина XI – начало XII века) – византийский историк-хронист, автор всемирной хроники «Обозрение истории» (Σύνοψις ḵistoriῶν). Его труд охватывает период от сотворения мира до 1057 года. Работа Кедрина не является самостоятельным исследованием, а представляет собой компиляцию из произведений более ранних авторов, в значительной степени заимствованную из хроники Иоанна Скилицы.

⁵ «И восточные тюрки, которых мы также называем хазарами» (пер с лат. яз.).

Китайские же авторы, хотя и мало знали хазар, когда случайно приходится им говорить о них, причисляют их к тюркам¹. Напр., у Т'янь-Чоу, когда речь идет о странах Персии, мы читаем следующее: «Позе (Персия) расположена к западу от реки То-хо (Тигра). Она находится на расстоянии более 15 ли от столицы, с Востока она прилегает к Ту-хо-ло (Тохористану) и к Канг (Согдиане); с севера она соседка Ту-кию К'оза (тюркам хазарам)»². Нам кажется, что известия китайских авторов для нас ценные потому, что, вследствие тесных сношений с тюрками, китайцы могли их отличать от других народов.

Что касается арабских источников, то и среди них мы находим считающих хазар «тюрками». Самый достоверный автор Масуди говорит следующее: «Пятая раса вмещает в себе различные ветви тюрков Хурлахие خرلخیه (Карлуки), Гузов, Кимаков, Тугуз-гузов и Хазар. Эти последние по-туркски называются Сибир и по-персидски Хазарон. Они одного рода с современными тюрками. У них название было арабизировано, и стали именовать их «хазар»³.

Таким образом, многие средневековые авторы называют хазар тюрками. Но, основываясь на этом, мы не можем считать вопрос разрешенным, ибо, как было сказано выше, эти авторы иногда не совсем точно употребляют термин «турк» اتراك, ترک toўркоı⁴. Например, мы узнаем, что византийские хроники 9-го столетия венгров также называли «тоўркоı».

Поэтому, если мы хотим определить, к какому именно племени принадлежали хазары, нам приходится обратиться к другой категории фактов. Такими фактами могут служить остатки языка. В этой области мы имеем чрезвычайно скучный материал. Дело в том, что от хазар до

¹ Ed. Chawannes, *Documents sur les Tou – Kiue (Turcs) occidentaux*, p. 256. (*Прим. авт.*)

² Ild.[ем], p.[агина] 170. (*Прим. авт.*)

³ والأما الخامسة اجناس الترك من انخرلخية والغزوو كيماك والطغز عز والخزر ويدعون بالتركية سير وبالفارسية خزان، وهم جنس من الترك حاضرة مغرب قبلي الخزر وغيرهم لغتهم واحدة، ومكلهم واحدة، (ملكتم واحدة)

Bibl. Geog. arab., ed.[itio] de Goeje, pars VIII, p.[агина] 83 (*Прим. авт.*). Перевод на русский см. у автора в тексте.

Marquart, *Streifzüge*, s. 47 (*Прим. авт.*). Поскольку в оригинальной публикации Г. Губайдуллина этот источник идет после предыдущей ссылки под одним номером, но без указания страницы в тексте, мы приводим его здесь без нумерации.

⁴ Тюрки (в пер. с греч. яз.).

наших дней, кроме, так называемых, «Хазарских писем» на еврейском языке, никаких письменных документов не сохранилось. Вот почему нам приходится обращаться к тем остаткам языка, которые сохранились в качестве названий местностей, городов и имен частных лиц из хазар. Но и эти слова сохранились в чрезвычайно искаженном виде или потому, что их не точно передавали сами авторы, писавшие о хазарах, или же их искажали переписчики.

К таким словам относится слово «каган» или «хакан». Этим именем называли хазары своего царя, как и все тюрко-татарские народы. Это название употребляется и в орхонских надписях, хотя в IX и X веках многие народы, в том числе и русские, называли своих князей «каганами» (например, св. Илларион в своем поучении), но это, очевидно, было под влиянием хазар. Затем, мы знаем, что у хазар, как и у других тюрков, существовал институт бекства и слово «бек». Ибн Фадлан говорит, что у хазар «мелик» – царь называется «бак» или «бек». Константин Порфирородный также говорит о существовании «Хазарского пеха (бека)»¹.

Арабские источники и армянский историк Моисей Хоренский сообщают нам, что жену хазарского хакана называли «хатун», как это было и у других тюркских народов. В империи монголов этим же именем назывались принцессы².

Существование у хазар еще одного общетюркского титула также указывает на тюркское происхождение основного ядра хазар, а именно, титула «Ябгу-Jabgou». Ябгу у древних тюрков была самой высокой должностью после тегина. В орхонских надписях в одном месте мы читаем: «Я убил тогда хана и его ябгу и шада»³. Вот этот же титул и должность существовали у хазар. У византийского писателя Феофана мы находим следующее известие: «В 627 году, во время войны императора Гераклия с Сасанидами, первый заключил союз с «восточными тюрками», которых называют хазарами. Они, под предводительством

¹ Chaganus enim iste et Chazarae pechus mistis ad eundem imperatorem legati construi sibi oppidum Sarce petierunt. (Corp.[us] scr.[iptorum] Historiae Byzantinae, vol.[umen] III, p.[agina] 177–178). Здесь речь идет не о тюркском происхождении этих слов, а только о том, что все тюрки употребляли эти названия. (Прим. авт.)

² E. Blochet, Introduction à l'histoire des Mongols de Fadl Allah Rashid ed-Din, p. 235. (Прим. авт.)

³ Опыт словаря тюркских наречий, том 3, стр. 286. (Прим. авт.)

их главаря Zièbel'a, который считался самым большим лицом после кагана, наводнили провинции Азербайджана¹. Тот же Zièbel у Моисея Хоренского называется Djeban каган и Djibgou в грузинских анналах. Шаван утверждает, что это ничто иное, как jabgou. Отсюда мы можем легко сделать вывод, что в социальном строе как у хазар, так и у тюрков орхонских, было еще одно сходство.

Среди крупных должностных лиц у хазар, Ибн Фадлан упоминает об одном вельможе, который носил титул «چاویشیغیر»², который, может быть, имеет связь со словом «جوش»³ у османов или с «جاش»⁴ на джатайском языке.

Ибн Роста упоминает еще об одном лице, облеченному высшей властью, которое называлось «Иша»⁵. Армянский историк Моисей Хоренский также свидетельствует о существовании такого лица. Но он называет его иначе, а именно, Chath⁶ Подобный вельможа существовал и у тугийцев. Китайские летописи называют его, по словам Klaproth'a «шэ».⁷ В орхонских надписях мы также находим, лицо, первое после хана, которого называли «шад», имеющего те же функции, как и у хазар⁸. Очевидно «ایشا» у Ибн: Роста и «шат» у Моисея Хорен-

¹ Ed. Chuvannes, p.[agina] 252. У Анастасия Siebel см.[отри] Streitter, Mem. popular., vol.[umen] III, 22, p.[agina] 550. (Прим. авт.)

² Чавушигир.

³ Джуш.

⁴ Джаш.

⁵ ولهم ملك يقال له ايشا و الملك الاعظم اغا هو خزرو خاقان و ليس له من طاعة الخزر الا الاسم و مقدرة الامر على ايشاد كان في العبادة و الجيوش بالموقع الذي لا يقابل معه ب احد فوقه

«Царь у них называется Иша; верховный же государь у них – хазар – хакан. Но этот последний только по имени государь. Действительная же власть принадлежит Иша, т.к. он относительно же управления и распоряжения войсками, занимает положение такого рода, что не дает отчета никому, кто бы стоял около него». Хвольсон. Известия о хазарах, 1869. стр. 16. (Прим. авт.)

⁶ En la 37 èe année de Khosrov (672), Djèloukba (хазарский каган) envoya Chahn, fils de son frère, qui fit le ranvoi dans l'Aghovanie (Албания на Кавказе) et dans l'Atropatacan «Chavannes». Documents p. 253 – 254. Другой армянский историк XIII века Kiracos de Gondzak называет «Шара Хазарским» ibid. p. 253 и 7 (Прим. авт.)

⁷ Mèmoire sur l'identite de Tou- Khiu et de Hionnou avec les Turcs (Journal Asiatique t.VII, p.265. (Прим. авт.)

⁸ «Я сделался шадом над городом тардуш». «Он дал им тогда ябгу и шада». (Прим. авт.)

ского одна и та же должность и титул. Такие слова мы встречаем у позднейших тюрков. Напр., по словам Радлова, «شادی» по османско-туркски имело значение «судебные служители»¹. Что касается «ایش», то у Махмуда Кашгарского мы находим следующее объяснение: «Ish – это хозяин, (друг) الصاحب »².

Не входя в детали филологического разбора этих слов, мы можем заметить, что существование в социальном составе хазар «ایش» или «шад», также указывает на то, что хазары имели одинаковые институты с тюрками. На это указывает еще одно обстоятельство: у хазар, как у многих тюрков, существовали «тарханы», о которых арабские авторы пишут различное *طربخان*, *ترخان*, *طرقدان*³. Напр., мы знаем, что выданную замуж за Бармакида ал-Фадл бен Ях'я в 182 г. (798/99) дочь хазарского хакана сопровождали тарханы⁴.

Обычаи и обряды, при возведении хана у тугийцев и у хазар также были одинаковы.

По словам Ибн Хаукаля, после смерти хакана хакан-бек приходил к наследнику престола, давал ему некоторые, советы, объяснял ему права царя, рассказывал ему о том, за какие преступления следует подвергать виновника смертной казни. После этого завязывал ему на шею шелковый шнурок, начинал его душить и спрашивал у будущего хакана о том, сколько лет он предполагает царствовать и какое число наследник произнесет, это число записывалось. Если же впоследствии хакан станет царствовать больше обещанного числа лет, то его убивали. Китайские летописи сообщают нам

¹ Опыт словаля, том IV, стр. 972. (*Прим. авт.*)

² «دیوال اللغات الترك» دیوال اللغات الترك, جلد اول, 48 у сев. турков. (*Прим. авт.*) «Диван ал-лугат ат-турк». Том первый, [стр.] 48. В слове «диван» – опечатка. Автор находит созвучные параллели с тюрко-татарским словом «дуст-иши» /дус-иши – «друзья-приятели, свои люди».

³ Например, Табари говорит, что когда хазары воевали с Мусалиме, то военачальником у хазар был «هزار طرخان». Вообще этот автор много упоминает о тарханах у хазар. См. Дорн, «Известия о хазарах», стр. 75, 83, 87; Dorn, Nachrichten über die Chazaren, S. 77 и др. Ибн Хордадбех в своем «كتاب المسالك و الممالك» пишет следующее: «كتاب المسالك و الممالك» تأليف لاتاكيان شاه الى طرخان ملك الخزر شاه». Здесь автор, вероятно, несколько путает, принимая военачальника хазар из тарханов за имя царя. См. Bibl. Geog. Arab. Edit de Goeje, pars sexte, p.163 (араб. текст) (*Прим. авт.*). В пер. с араб. (цитата из книги «Китаб ал-масалик ва мамалик»): «Написал шах Латакиан Тархану – царю хазар».

⁴ Marquart, Streifzüge, s. 5. (*Прим. авт.*)

о существовании подобного же обычая и у тугийцев таким образом: «Во время возведения на трон, кагана носят на войлоке и врашают по направлению к Востоку три раза. Весь народ его приветствует. После этого сажают его на лошадь, завязывают на шее шелковый шнурок и начинают душить до издохания. Затем петлю ослабляют и спрашивают, сколько лет он должен царствовать. Боязнь смерти не дает ему ответить обдуманно. На его ответ они смотрят, как на предзнаменование»¹.

Иbn Роста, описывая полукочевую жизнь хазар, упоминает об одном городе хазар, носящем двойное название, около «Сарашен» (по чтению Хвольсона, а по Маркварту – «Сарыг Шар».) Так как название первого города в рукописи не разборчиво, то по этому поводу существовало различное чтение. Другой арабский автор Альбекри также приводит то место Иbn Роста, где он пишет в форме بار غيس «Баргис» и حشلخ «Хшлг». Ориенталист Дефремери читал эти неразборчивые места «Ar'aich» и «Hatslag». Профессор В. В. Григорьев читал то место Иbn Роста «يقال لها خان بلغ او خنبلغ»², что значит «Ханский город». Маркварт принимает это в виде هب بلغ³ и هبلغ⁴. В другом, более позднем своем исследовании тот же ученый, по поводу этого места Иbn Роста пишет следующее: «Из Иbn Роста и Гурдези мы знаем, что состоящий из деревянных домов двойной город Сарыг-Шар-Капубалыг у хазар служил лишь зимним местом жительства – кишлагом, а с наступлением весны, они выходили на равнины»⁵. Чтение одного из названий городов в виде «Кишлаг», соответствует тексту, ибо тотчас после этих названий Иbn Роста начинает говорить следующее: «Зимою местное население живет в этих двух городах, с наступлением же весны выходит из них в степь, где и остается до приближения

¹ Klaproth, Tableaux historiques de l'Asie, p. 272–273. (Прим. авт.)

² В пер. с араб. – «И называют ее Хан Балагъ или Ханбалыг».

³ «Хаблаг» и «Хаб Балаг».

⁴ Die Chronologie der alttürkschen Inschriften, Leipzig, 1898, s. 89–90. Этот же ученый в своем последнем труде решительно восстает против чтения этого слова Гартманом в виде «Chan-balyg», см. Über das Volkstum der Komanen, S. 71, n. 1. (Прим. авт.)

⁵ Osteuropaische und Ostasiatische Streifzuge. Leipzig. 1903. S.18–19. (Прим. авт.)

зимы». Это явление также напоминает нам жизнь тюркских обществ, находящихся на ступени полукочевого состояния¹.

Если можно довериться письму Хагана Юсифа Хасади Ибн Шабруту, то и там мы можем найти некоторый намек на тюркское происхождение хазар. В этом еврейском источнике мы находим генеалогию царствующего дома в Хазарии, которая в значительной степени проникнута библейской традицией. Хаган сообщает, что от сына Яфета родился Тогарма, у коего было 10 сыновей, от одного из них происходили хазары, от второго печенеги, от третьего мадьяры, от четвертого болгары. Здесь, несомненно, передается хазарская мифология, завернутая в библейскую традицию, но все же видно, что хазарские правящие круги чувствовали себя родственниками тюрков или народов близких к последним.

Заканчивая эту небольшую заметку, мы считаем долгом сказать, что мы не беремся разрешить этот вопрос полностью, как это делали Клапрот, Григорьев, Ховарс и другие. Мы вполне сознаем, что, для окончательного разрешения вопроса о происхождении хазар, эти материалы, приведенные нами, недостаточны. Тем более трудно разрешить этот вопрос, когда мы не находим имени хазар ни у Рашида, ни у Махмуда Кашигарского, когда эти авторы перечисляют названия всех тех тюркских племен, которые были известны в древности, хотя Н. Аристову удалось найти имя хазар в одной кайсакской родословной, составленной Дикамбай Батыром в 1876 г. По этому документу до Абульхайр-хана было 54 колена, в 19-ом поколении было лицо по имени Аргын, а 24-ое носило имя хазар². Конечно, мы не придаем этой родословной большого значения, но все же она дает повод думать, что название хазар все же полезно было бы для проверки поискать среди племен и родов среднеазиатских тюрков.

---

¹ О полукочевом характере жизни у хазар более ясно говорит хаган Юсиф см. Kassel. Die Chazarische Königsbriefe S. 80. (Прим. авт.)

² Опыт выяснения этнического состава Киргиз-кайсаков. Живая старина, 1894 г., вып. [уски] 3–4, стр. [аницы] 394–395. (Прим. авт.)

ФЕОДАЛЬНЫЕ КЛАССЫ И КРЕСТЬЯНСТВО В АЗЕРБАЙДЖАНЕ В XIX ВЕКЕ

I

Заглавие нашей статьи звучит весьма громко. На эту тему когда-нибудь специалистами будет посвящены целые тома. Но, не дожидаясь этих будущих историков, мы думаем здесь дать небольшой очерк из истории феодальных классов, т.е. бекства и духовенства, и некоторые сведения из прошлого подчиненных им крестьян.

Следует отметить, что вопрос о феодализме у народов, вошедших в орбиту так называемой арабской или мусульманской культуры, почти не изучен. Те труды, которые были сделаны некоторыми европейскими учеными, как Тишендорф, отчасти уже устарели, а новые работы являются как бы первыми ласточками в этой области². В последнее время замечается некоторое оживление в области изучения феодальных порядков мусульманского Востока. К таким трудам мы можем отнести талантливо написанную статью «*Steuerrecht und Lehnwesen*» С.Н. Becker, вышедшую в 1924 году³. На русском же языке также немного статей и научных работ в области истории феодализма на мусульманском Востоке. Если исключить несколько страниц, посвященных покойным профессором Н. Рожковым в его «Русской истории в сравнительном исто-

¹ Впервые опубликовано: Губайдуллин А. Феодальные классы и крестьянство в Азербайджане в XIX веке / А. Губайдуллин // Известия Восточного факультета / Азербайджанский государственный университет. Баку, 1928. Вып. 3: Востоковедение. С. 15–56. Текст дается по данной публикации.

² Das *Lehnswesen* in den muslimischen Staaten. (Прим. авт.)

³ Помещ. [ено] в его сборнике «*Islamstudien*», erster Band [первый том], 1924. (Прим. авт.)

рическом освещении» арабскому и турецкому феодализмам, некоторые мысли, брошенные тов. Сафаровым в его «Проблемах Востока», некоторые ценные замечания академика В.В. Бартольда по поводу феодальных порядков в средней Азии, проф. Гурко-Кряжина, тов. Павловича и П. Кушнера, то можно сказать, что пока не появился Павлов-Сильванский по истории феодализма на Среднем и Ближнем Востоках.

Не лучше обстоит дело и с изучением феодализма у тюрков-азери. До сих пор ни русские, ни иностранные авторы почему то не обращали внимания на этот вопрос, хотя как в речах своих, так и в газетных статьях на тюркском и русском языках, очень часто слышится употребление терминов: феодальная эпоха, феодальная идеология, феодальные пережитки и т. д.

Интересно отметить, что русские чиновники, живя в Азербайджане или же путешествуя в первой половине XIX столетия по Армянской области, ясно уяснили себе, что те порядки, которые существовали в этих областях, весьма близки к порядкам, которые существовали в Западной Европе и на Руси в средних веках. Например, барон Николай¹, писавший «Записки» о крестьянской реформе в Закавказье, говоря о земельных отношениях в бывших ханствах Азербайджана, замечает, что таковые «напоминают в некоторой степени и феодализм и, быть может более, существовавшее в древней Руси поместное положение». Но больше всего чувствовал наличие феодальных порядков в мусульманских областях Закавказья: известный автор «Исторических памятников Армянской области» Шопен. Вот этот автор, говоря о земельных отношениях в Эриванском ханстве, говорит следующее: «Происхождение их совершено однообразно происхождению феодальных владельцев в Европе (стр. 926). Другой же деятель и ученый, работавший по экономическим вопросам в Закавказье, М. Кучаев написал свою основную работу «Феодализм и закрепощение в Закавказье», половину которой он посвятил феодальным отношениям в тюркских областях Закавказья².

¹ Николай А.П. (1821–1899) – барон, кавказский администратор, председатель Закавказского центрального комитета по устройству помещичьих крестьян (1863–1864); автор воспоминаний «Крестьянская реформа в Закавказье» (опубл. в «Русском архиве», 1892).

² См. «Рус.[ский] Архив» за 1892 г., кн.[ига] II, стр. 448. (Прим. авт.)

«Рус.[ские] Вест.[и]» 1893, том I. (Прим. авт.) В тексте не указано, к какому фрагменту относится эта сноска.

Основными причинами происхождения феодальных порядков в тюркских областях современного Азербайджана мы можем считать влияние двух родов: во-первых, внутренне-азербайджанское, во-вторых, влияние соседей. Дело в том, что значительная часть Азербайджана находилась с древнейших времен на великом торговом пути из Передней Азии в Восточную Европу. Дербент с древнейших времен считался то «Железными воротами», то «Воротами врат», то есть воротами торговых путей. Этот торговый путь способствовал тому, что на территории современного Азербайджана в древнейшие времена образовались такие торговые города, как Шемаха, Шека, Гянджа и Баку, с большими торговыми оборотами, с большим количеством местного и пришлого купеческого населения, о чем говорят итальянские и немецкие путешественники позднего Средневековья и начала Новых веков. Таким образом, Азербайджан занимал весьма благоприятное место для развития транзитной торговли. В то же время на этой же территории со времен седой старины возникла земледельческая культура и, в особенности, шелководства. Последнее давно массу материала для развития шелководство. Последнее давало массу массу материала для вывоза не только в соседние, но и в такие далекие страны, как северо-итальянские республики, как венецианская и генуэзская¹. Из описаний иностранных европейских путешественников мы ясно можем видеть, насколько велика была торговля Азербайджана с соседними странами, как товарами своего отечественного происхождения (шелк и шелковые изделия, оружие, шафран, марена и др.), так и транзитными азиатскими товарами. Таким образом, была большая возможность для развития в этой стране торгово-капиталистических отношений. Если бы Азербайджан находился в спокойных условиях, если бы эта страна была представлена самой себе, как Московская Русь после падения Золотой Орды и после покорения приволжских ханств, то Азербайджан мог бы в экономическом отношении быстро опрокинуть старые устои жизни и прейти к более высокой хозяйственной формации, а именно к торговому капитализму в целом. Но истории было угодно, чтобы Азербайджан с древнейших времен подвергался неоднократным, в одном и том же столетии, нашествиям чужестранцев, иногда с довольно низкой культурой, благодаря чему часто изменялся

¹ См. нашу статью «К ист.[ории] шелководства в Азерб.[айджане]». Извест. Общ.[ества] изуч.[ения] Азерб.[айджеана], № 5. (Прим. авт.)

не только хозяйственно-экономический уклад жизни, но изменялся и этнический состав населения в связи с переселением новых народов. Этим нашествиям отчасти способствовало географическое положение, ибо передвижения и нашествия народов почти исключительно производились по торговым путям. Вот это явление и препятствовало тому, чтобы Азербайджан в целом мог перейти к более высокой форме жизни. Благодаря этим явлениям Азербайджан должен был остаться местным замкнутым рынком, и переход от натурного хозяйства к денежному задерживался. Очень часто европейские путешественники, купцы или посланники, проезжавшие через территорию Азербайджана рассказывают о таких трагических событиях, как нападение диких племен, отрядов грабителей, о пленении их самих, ясно указывая на те тормазы¹ для развития торговли, которые существовали в Средние и в начале Новых веков. В этом отношении, кроме нашествия пришлых орд, немало препятствий для развития учинили и дагестанские племена – соседи азербайджанцев – дагестанцы, тогда находившиеся на довольно примитивной стадии развития.

Начиная с эпохи существования и господства ахеменидской династии в Иране, Азербайджан находился в орбите экономического и политического влияния Персии. Больше того, с этой эпохи – до падения сасанидской Персии под ударами меча арабов, Азербайджан считался одной из провинций Персии. Конечно, за этот долгий период времени бывали моменты, когда на территории Азербайджана возникали те или другие государственные объединения, но во всяком случае вассальная зависимость его от персидских монархий не прекращалась. Если мы обратимся к источникам по истории Ирана эпохи Ахеменидов, Селевкидов, Аршакидов и Сасанидов, то увидим, что после падения Сасанидской империи в VII веке на территории современного Азербайджана начинается арабское нашествие и, в результате долгой и упорной борьбы с местными народами и, в особенности, с хазарами, победа достается арабам. С этого времени Азербайджан включается в орбиту влияния экономики и политики халифата и тех мусульманских государств, которые появились впоследствии на руинах этого политического колосса. Те феодальные порядки, которые стали развиваться в Аббасидском халифате, быстро стали проникать в Азербайджан. Та скрытая ленная система – скрытые земельно-собственнические

¹ Тормозы.

отношения, которые стали развиваться в халифате, стали внедряться и в эту страну.

II

Когда мы начинаем говорить о феодализме на мусульманском Востоке вообще и феодальных порядках в Азербайджане в частности, то невольно приходит в голову мысль о том, может ли быть феодализм в той стране, где господствующей религией являлся ислам с его шариатом и правом, который с одной стороны как будто не знает земельной собственности, а с другой не признает ограничения прав гражданина-мусульманина. На самом деле, по «духу» мусульманского шариата, по мнению европейских юристов, изучавших эту область права, вся покоренная неприятельская земля, за исключением земель необработанных, пустопорожних, делается вакф, неприкосновенною и обращается в пользу всего мусульманского общества¹. С обращением предмета в вакф уничтожается действительное право собственности над оным, и предмет возвращается, как говорят мусульманские законоведы, к Богу, людям же предоставляется право пользования. Один Аравийский полуостров считается землей десятинною – *de dîme*, т.е. платящею ашер (десятину), как собственно мусульманская страна. Все прочие страны, подчинявшиеся владычеству ислама, или вследствие завоевания, или вследствие добровольного согласия, хотя и населенные мусульманами, суть земли податные – *tributains* – и потому по точному смыслу указаний ислама, должны считаться вакф. На этом основании в странах этих может существовать одно право пользования, а не собственности над землями². «Всюду, где господствует мусульманское законодательство, нет и не может быть другой личной собственности, как только в виде известного постоянного и непрерывного происхождения ее от верховной власти; от нее зависит продлить или прекратить по своему произволу свое изволение, которое устанавливает право собственности и составляет единственную причину самого его существования»³. Так говорили

¹ Perron, *Législation musulmane*, т. II, p. 269, 648. (*Прим. авт.*)

² Worms, *Recherches sur la constitution de la propriété dans les pays musulmans*, p.[agina] 122, 123. (*Прим. авт.*)

³ И. Кефаль, Курс мусульманского права, вып.[уск] 1: О собственности, стр. [аница] 15. (*Прим. авт.*)

и продолжают говорить те юристы, которые исследуют и исследовали арабское право. Они большей частью, опираясь на хадис Мухаммеда, гласящий «человек имеет то право, которое имаму угодно ему даровать» *وليس للمرء إلا ما طابت به نفسه أمامه*¹ приходят к тому убеждению, что вся земля в мусульманских государствах принадлежит казне *«بيت المال»*², и ею может распоряжаться только правитель верующих. Однако, этот подход специалистов-юристов является подходом к вопросу с чисто формальной точки зрения. Мы, историки-социологи, не можем так подходить к вопросу, ибо не законодательные кодексы и акты движут жизнь народов, сами объективные материальные условия создают право, законы и кодексы. Мы знаем, что первоначально ислам появился среди того арабского общества Геджаса, большая часть населения которого состояла изnomадов, почему и Мухаммед не был заинтересован в создании и укреплении института земельной собственности. В те времена, когда еще арабы не вышли из своей родины – Аравийского полуострова, они большей частью, кроме живущих в таких городских центрах-оазисах, какими является Таиф и др., были носителями совершенно иных форм собственности, а именно племенной, близко стоящей к первобытному коммунизму. Для большинства арабов непонятна была та форма землевладения, которая существовала у их соседей византийцев и в сасанидской Персии. Даже, когда арабы вышли из своих пределов и стали завоевывать новые культурные земли, в которых господствовали феодальные отношения, это отрицание и непризнание собственности на землю и на живущих на ней крестьян, сильно способствовало ходу завоеваний этих стран. «Землевладельцам, лишенным своей законной части возделываемой земли, задавленным крупными феодалами, угнетаемым казнью, они давали право свободно обрабатывать земли и пользоваться жатвой. Всякие границы исчезли, с приходом арабов: земля становилась общим

¹ В пер. с араб. «Человеку дозволено только то, на что его руководитель (имам) согласен душой» или «У (простого) человека нет права на что-либо, кроме того, на что согласен его имам». Употребляется этот хадис обычно для обсуждения вопросов разрешенности каких-то поступков или распоряжения землей и собственностью с согласия власти.

² Байт ал-мал – в пер. с араб. «дом имущества», «казна», классический термин исламского права и административной практики, обозначающий государственную казну/финансовое ведомство, куда поступают налоги, закят, военная добыча и откуда расходуются средства на общественные нужды.

достоянием всей народности, члены которой являлись с того времени братьями, связанными между собою одною верою», – так объясняет с некоторой лишней идеализацией, свойственной всякому анархисту, Элизе Реклю¹. Однако, не только представитель всеобщей истории и географии, но и исследователи-специалисты придавали этому же вопросу большое значение. Например, новый исследователь Бекер объясняет процесс столь быстрого распространения ислама среди различных народов теми же экономическими и социальными моментами². Известный ориенталист А. Мюллер, описывая быструю победу в Испании Тарика бен Зиада, которому, при помощи небольшого отряда удалось сокрушить феодальную монархию, говорит следующее: «Кто же из князей готских мог предполагать, что набег африканской сволочи в состоянии повернуть в прах гордое их царство. Последствия этого близорукого, антипатриотического расчета были поистине ужасны. Битва була проиграна. А затем оказалось, что никто в Испании, за исключением дворянства и духовенства, не был заинтересован в судьбе готского владычества. Крепостные и мещанство, в которых благодаря беспощадному гнету привилегированных классов давно уже подавлено было всякое национальное чувство, приглядывались безучастно к гибели своих жестокосердных господ»³.

Несмотря на все это, в самом начале ислама были зачатки развития феодальных отношений. Да и сам процесс создания Мухаммедом арабского государства, начиная с мединского периода, мы не можем рассматривать иначе, как быстрой феодализацию арабского общества; может быть, этот процесс задержался бы и остался бы в зачаточном состоянии, если бы не было арабского завоевания и переселение их в земледельческие страны. Мухаммед, отрицающий земельную собственность, не мог запретить своим сподвижникам, когда на то появились объективные условия, закрепить за собою землю, которую они захватили во время войны⁴. Кроме того известно, что многие домены

¹ Человек и земля. Рус.[ский] перев.[од] И. Ю. Шмидта, том III, стр.[аница] 426, изд.[ание] 1906 г. (Прим. авт.)

² С. Н. Becker, Islamstudien (der Islam als Problem), Leipz.[ig] 1924, стр. 11–12. (Прим. авт.)

³ История Ислама, рус.[ский] пер.[евод], СПб., 1895, том II, стр.[аницы] 105, 106. (Прим. авт.)

⁴ Huart, Hist. des Arabes, t. I. (Прим. авт.)

хозроев¹ в византийских или убитых персидских или греческих помещиков, были захвачены с санкции государства арабскими деятелями, и, таким образом, появились самые ранние землевладельцы у арабов².

На этот счет выработаны были целые правовые нормы. Например, Баладзори в своем произведении «Книга завоевания стран» говорит следующее: «Сказал Бишр Ибн Гаяс, сказал абу-Йусуф: «всякая земля, занятая силой (с оружием в руках), как Савад (южная часть Месопотамии), Сирия и другие, считается десятинной землей, а ее жители рабами, если только имам разделил ее между захватившими ее...»³.

Изучение процесса развития феодализма на мусульманском Востоке необходимо для тех, которые желают исследовать вопрос о феодализме и о феодальных классах у тюрков азери. Азербайджан, начиная с эпохи вторжения омейядских войск и до русского завоевания, входил в состав той, то другой державы, возникшей на развалинах Аббасидского халифата. Теократические основы в них были крепки и всякое общественное и государственное явление господствующее мусульманское духовенство старалось объяснить, исходя из принципов арабского права. Вот почему во внешней форме азербайджанского феодализма мы найдем много черт мусульманского феодализма с примесью феодальных порядков соседей армян и грузин.

В нашу задачу не входит изложение процесса развития феодализма в халифате, желающие могут обратиться к нашему другому сочинению, написанному на тюркском языке в качестве учебника для педагога на дому. Поэтому мы лишь кратко коснемся этого вопроса.

Те земли, которые вошли в состав халифата, отличались развитием феодальных порядков. В Сирии, Месопотамии и Египте, которые

¹ Выражение «домены хозроев» – это образное обозначение владений и земельных богатств персидских царей (Хосровов/Кесровов), то есть царский домен в классическом средневековом смысле. В европейской историографии «домен» означает часть земель, лесов и городов, доходы с которых шли непосредственно в пользу правящей династии или государя; по аналогии «домены хозроев» – это царские земли и ресурсы державы Сасанидов, противопоставленные остальной территории и подчеркивающие величие и роскошь их власти.

² Becker, Steurpacht und Lehnwesen (Islamstudien), s. 237. (Прим. авт.)

³ Баладзори, перев. [од] и текст, изд. [ание] Общ. [ества] Изуч. [ения] Азерб. [айджана], 1927 г., стр. [аница] 31. – ٢٤ (فی احکام اراضی الخراج) (Прим. авт.). В пер. с араб. «фи-ахкам аради ал-харадж» («о нормах/правилах относительно земель хараджа/ налоговых земель»).

находились в течение целых столетий под властью феодальной Византии, имели распространены феодальные порядки византийского типа. В сасанидском Иране, который рано вошел в состав халифата, тоже существовали феодальные порядки, с типичными для этой стадии развития поместьями и порабощенным декханством, господством землевладельческой светской и заратустрийской духовной аристократии. Арабы же, захватив эти страны, не много изменили в них старые устои: они приняли готовую форму хозяйственных, социальных и политических отношений. Даже, по словам Бекера, часть доменов хорроев и аристократии, которые называли арабы *фай'а*¹, просто перешли к арабским предводителям и халифам. Конечно, принявшие мусульманство декхане в правовом отношении были раскрепощены, земли, на которых они ранее сидели, перешли в их пользование на основании шариата, они же обязывались платить государству «харадж за землю и закят за посев после хараджа». Много ли изменилась жизнь после захвата арабами сасанидских и византийских земель мы в настоящее время сказать определенно не можем. Однако, арабы, вышедшие из безводных степей, не могли создать нечто новое в экономической и политической жизни, они ограничивались лишь приспособлением старых форм жизни, господствовавших на этих новых землях веками, к шариату. Да и сам шариат, фикх и различные правовые школы в халифате появились и развивались после создания арабской империи, а не в то время, когда арабы еще жили в самой Аравии. Кроме того, захват власти из рук омайядов аббасидами и даже началом господства потомков старой иранской аристократии в начале этой династии – также нам дает возможность утверждать, что таких больших изменений арабами не было совершено. Однако, несмотря на то, что в покоренных арабами странах остались старые социальные устои, несмотря на то, что наряду с прежней туземной аристократией появились новые арабские аристократы, в халифате, начиная с эпохи омайядов, замечается быстрый рост торгово-капиталистических отношений, рост городов, открытие новых оросительных систем, появление и рост ремесел и т. д. Даже арабская торговля при Омайядах распространялась далеко на север – до Скандинавии, а на Восток – до Китая. Эти факты уже всем известны и немало трудов посвящено западными учеными

¹ В пер. с араб. *фай'а* (мн. *الضياع* *fiyā'*) – имение, поместье, усадьба, сельскохозяйственный участок.

истории арабской торговли в различных странах, почему мы на этом вопросе не будем останавливаться. Уже в начале царствования Аббасидов в халифате стал сильно развиваться торговый капитализм. Дело даже дошло до того, что в центрах халифата натуральное хозяйство стало быстро падать и на его смену стало приходить денежное хозяйство. Мы имеем сведения, что уже при Гарун-ар-Рашиде из западных областей (из Аравии, Сирии, Египта, за исключением провинций Африки) налоги стали поступать в казну халифа золотом, а из восточных провинций (Персия, Бактрия, Туркестан и Синд) серебром. Во время правления халифа ал-Муктадира (906–918) внутренний бюджет составлялся на золото, для удобства счета и в особенности потому, что хождение серебряных монет становилось все менее и менее¹. Для иллюстрации того, как была развита торговля при Аббасидах в восточной части халифата и его автономных частях, мы здесь приведем сообщение Макдиси (985), пользуясь переводом академика В. В. Бартольда.

«Что касается товаров, то вывозятся следующие: из Тармиза мыло и *asa foetida*²; из Бухары – мягкие ткани, молитвенные коврики, ковры, ткани для настилки полов в гостиницах, медные фонари, табаристанские материи, лошадиные подпружи, выделываемые в местах заключения, ушмунские ткани, жир, овечья шерсть, масло, которым мажут голову. Из Кермении – салфетки, из Дебусии и Ведара – видарийские ткани, сделанные как бы из одного куска. Я слышал, как один из султанов называл их хорасанской парчей. Из Ребинджана – зимние плащи из красной шерсти, молитвенные коврики, оловянная посуда, кожи, крепкая конопля и сера. Из Хорезма – меха соболей, горностаев, хорьков, ласок, куниц, лисиц, бобров, зайцев и коз, также свечи, стрелы, кора белого тополя, высокие шапки, рыбий клей, рыбий зубы, касторовое масло, амбра, выделанные лошадиные кожи, мед, лещинные орехи³, соколы, мечи, панцири, березовая кора, славянские рабы, бараны и коровы – все это (получалось) от булгар; кроме того,

¹ Huart, Hist. des Arabes I, 372–373. Не имея под руками Alfred Kremer'a, эти сведения мы принуждены взять из вторых рук. (Прим. авт.)

² Ферула вонючая (*Ferula assa-foetida*) – многолетнее растение, из корней которого получают асафетиду, используемую как пряность и в традиционной медицине.

³ Лещинные орехи – это цельные, зрелые орехи лещины/лесного ореха (*Corylus avellana*), очищенные от оболочки, соответствующие установленным стандартам

виноград, много изюма, миндальное пирожное, сезам, ткани из полосатого сукна, ковры, большие куски сукна, парча для подношений, покрывала из ткани мульхам¹, замки, ткань арандж²». Нет необходимости перечислять все то, о чем говорит нам Макдиси, но нам кажется, что и этого достаточно для того, что бы получить представление о товарообмене на территории халифата, который в это время уже стал разлагаться и терять старое экономическое и политическое могущество.

Уже в самом экономическом и политическом росте халифата были зачатки разложения. Сколько бы халифское правительство, начиная с Омайядов, ни старалось уничтожить сепаратизм и стремление к обособлению, децентрализация различных окраин, имеющих разнообразнейшие свойства как в географо-этнографическом, так и в хозяйственно-экономическом отношениях, сколько бы халифат не старался связать эти области и провинции между собою путем введения почтовой системы, все же очень скоро можно было наблюдать, что центробежные силы берут верх над центростремительными. Началось разложение большого организма на составные части, началась конкуренция между «магрибом» и «машриком». Каждая страна имела свои экономические центры и задачи. Например, арабский писатель половины X века ал-Истахри заметил, что жители Мавераннагра имели у себя все в изобилии и не нуждались ни в каких произведениях других стран³. Это стремление различных областей привело к тому, что появились различные идеологические течения в виде сект, новых учений, совершенно противоположных официальному исламу, центром которого остался Багдад. Мы не будем повторять все то относительно разложения халифата, что уже известно по образцовым исследованиям специалистов по истории халифата. Мы здесь только дадим два-три цифровых данных относительно падения бюджета халифата, которые помогут нам разобраться в этом процессе разложения мирового государственного организма на Востоке в Средние века. На основании исследования Альфреда Кремера нам известно, что в течение указанных времен ежегодно в казну халифов вносилось:

¹ Мульхам – это сочетание шелковой и хлопковой нитей. В словаре Махмуда Кашигарского упоминается как комбинированная ткань из хлопка и шерсти.

² Туркестан в эпоху монгольского завоевания, ч.[асть] вторая, стр. 245. (Прим. авт.)

³ ibid.[em] стр. 246. (Прим. авт.)

От 775 по 786 годы 411,000,000 диргемов

От 819 по 836 годы 371,000,000   »

От 836 по 851 годы 293,000,000   »

Эти приблизительные цифры ясно указывают на начало процесса разложения даже до отделения многих областей.

Сепаратизм областей, гражданская война внутри халифата, впоследствии – вторжение и начало господства тюркских народов, пришедших в районы халифата кочевниками или полукочевниками – все это привело к тому, что в халифате начался экономический регресс. Это же явление привело к тому, что началось возвращение к феодализму, как это было с Западной Римской империей.

Во времена расцвета халифата политическое и финансовое управление областями халифата находились не в одних и тех же руках. Первым управляли назначаемые из центра лица, которых называли эмирами, а финансовыми делами руководили так называемые «амили». Последние, в сущности образ, были никем иным, как откупщиками «хараджа», поземельного налога в провинции или области. Однако, так как амили, имея в своих руках финансовую власть, были весьма важными лицами в области, то постепенно эмиры стали домогаться того, чтобы и финансовое ведомство было передано в их же руки. Но пока центральная власть была сильна и богата, халифы не давали возможности объединения обеих функций в одном и том же лице ибо такое объединение обозначало бы фактическое отделение областей и создание новой государственной власти. Ведь таким же путем произошло государство тулунидов в Египте. Когда тулунид Ахмед получил право финансового управления страной, то Египет окончательно отделился от Багдада. Многие другие области халифата отделились от центра таким же способом.

Арабское право даже выработало для таких пожалований кому-либо из эмиров или другим лицам в пользование разных провинций или доходов с каких-либо земель (харадж или ошра¹) особый термин

¹ Харадж – поземельный налог, связанный прежде всего с землями, завоеванными мусульманами и закрепленными за немусульманами (зимми); его размер устанавливался как плата за пользование землей и поступал в государственную казну.; Ушр/ошр – «десятина», льготный налог с урожая с земель мусульман, которые не считались хараджными (завоеванными или специальными государственными фондами), и в теории понимался как форма закята на сельскохозяйственную продукцию.

«иктаа»¹. Эти провинции или крупные территории, отданые эмирам или другим лицам за их услуги, в свою очередь отдавались получавшими «катиа»² другим лицам по частям на том же основании. Таким путем в мусульманском мире произошли своего рода вассалитет и сеньорат. Однако, эти земли, как было только что сказано, не были отдаваемы в собственность, а сама земли считалась собственностью имама или государства и население считалось не крепостными, а свободными людьми с юридической стороны. Поэтому арабское «катиа» имело некоторые отличительные черты в сравнении с бенефициями Запада. Форма владения землей здесь скорее походила на аренду. Однако «катиа», отданная наследственно, переходящая от отца к сыну, ничем не отличалась от земельной собственности.

Как русские поместья постепенно превращались в вотчины и не оставалось никаких различий между этими двумя типами землевладения, точно также трудно становилось с течением времени отличать земли, полученные в виде «катиа», от земель, находившихся в собственности. Такие земли даже на практике продавались и покупались. Кроме того, нельзя окончательно думать, что в халифате и в оторвавшихся от него областях не было зависимости сельских людей, хотя эти люди с юридической стороны и считалось свободными. Дело в том, что, когда в Западной Европе в эпоху феодализма «жаловались» крестьяне вместе с землей, то для помещика-феодала совершенно не важны были люди, как таковые, а та материальная выгода, которую феодал от них получал, в виде ли труда или оброка (конечно в эпоху классического феодализма). Если вникнуть в сущность дела, то и здесь мы не найдем с этой точки зрения никакой разницы. По-

¹ См. *Encyclopédie de l'Islam*, 23 Lfaernerg (Прим. авт.). (Икта – термин средневекового исламского права и землевладения, обозначающий условное пожалование государством земельного надела или права сбора налогов с него конкретному лицу за службу. Земля при этом оставалась в собственности казны, а держатель икты (мукта) получал доход (прежде всего харадж) и был обязан обеспечивать обработку земли, поддержание порядка и, как правило, выставление военного отряда в пользу правителя).

² Катиа (иногда: катия, араб. *qaṭ'a*) – ранняя форма условного земельного пожалования в Арабском халифате: военным давали небольшие наделы с уже сидящими на них крестьянами в пожизненное владение за военную службу. Такие наделы не облагались обычным налогом и были предшественниками более развитой системы икта, то есть стали одной из ранних форм военно-служилого землевладения в исламском мире.

этому мы думаем, что с этой стороны не существует таких больших различий между западной и восточной феодальными системами. Но большая разница заключалась в другом отношении. Как мы говорили выше, во время расцвета халифата господствовало в важных областях его денежное хозяйство; вот почему, по словам историка Рожкова, рост торговли, даже промышленности давал возможность «построить государство на денежных податях»¹.

Поэтому лица, получившие «катия», сначала получали харадж или ошр не натурой, а деньгами, тогда как на Западе в эпоху феодализма доходы поступали большей частью натурой. Кроме того, на Западе лены выдавались большей частью за службу, даже военную, а на Востоке в начале военного лена не было, ибо халифы от части воинам платили жалованье продовольствием и деньгами, от части воины обеспечивались частью добычи. Главной целью отдачи катия было стремление обеспечить поступление податей без особых затрат энергии центральным правительством. Однако, сразу же можно заметить, что эти условия могли существовать до начала экономического падения халифата. Да и сама отдача провинций и земель в качестве катия привела к обнищанию казны, ибо эмиры, получив такие доходы, стали богатеть и это содействовало тому, что они стали стремиться к сепаратизму и к отделению от Багдада. В свою очередь, раздробление страны привело к обнищанию казны центрального правительства, в результате чего халифы стали царствовать, а не управлять страной.

Известно, что аббасидские халифы весьма рано стали управлять страной, не опираясь исключительно на арабские элементы, ибо это государство стало выходить из состояния быть принадлежностью арабских бедуинов, оно превратилось в империю, под властью которой правили все те народы, которые приняли ислам. Вот почему анархические настроенияnomады сами стали элементом опасным для существования этой мировой державы.

Вследствие этого аббасидские халифы весьма рано стали привлекать в качестве преторианцев персидские и берберские войска. Затем

¹ История России в сравнит.[ельном] историч.[еском] освещении, том II, стр. 248. Мы цитируем Рожкова не как специалиста по истории мус.[ульманского] востока, а как марксиста, удачно уловившего, даже в весьма поверхностном изучении литературы, эти черты, высказанные нами выше, еще сильнее подчеркнутые Бекером. (Прим. авт.)

массами стали приобретать тюркских рабов, из которых составлялись сначала гвардейские полки, а «беки» или «эмиры» тюркских солдат стали приобретать высокие должности как при дворе, так и в других областях государственного управления. Этим тюркским полководцам и эмирам халифы за службу стали жаловать «иктая», отдавая целые провинции и области для управления и «кормления» с условием, чтобы излишки доходов они отдавали правительству. Но нередко бывали случаи отказа отдавать часть доходов с провинций правительству, а халифы, не имея на то реальной силы, не в состоянии были принудить их к отдаче. Из среды этих же тюркских эмиров появились впоследствии султаны, каковым был Махмуд Газнавидский¹, а потом и сельджукский султан Эртогрыл². Таким образом, появилась в мусульманском мире наряду с халифом другая светская власть – султаны. Это самые высокие вассалы «тени бога на земле» – мусульманского папы, как назвал Ибн Хальдун в своем «Введении» халифов. Так произошли в мусульманском мире, как на Западе, военные лены. Эмиры постепенно не только стали пользоваться частью доходов на основании иктаа, но и, пользуясь слабостью халифов, сами стали собирать харадж и ошр с подчиненных им людей и фактически сделались землевладельцами. Даже в 1087 году, во время существования единой Сельджукской империи, фактически на некоторый промежуток времени объединившей всю территорию халифата, визирем Меликшаха Ни-

¹ Газнавидский Махмуд (Махмуд Газневи, Махмуд ибн Сабуктегин; ок. 970–1030) – султан Газнавидского государства (998–1030), крупнейший правитель династии Газнавидов и один из самых активных завоевателей раннесредневековой Южной и Средней Азии. При нем держава с центром в Газни включала Афганистан, Хорасан, Хорезм, части Ирана, Средней Азии и Северной Индии, а сам он стал известен 17 походами в Северную Индию под религиозным лозунгом джихада, сопровождавшимся разгромом богатейших городов и храмов (включая Сомнатх) и вывозом огромной добычи.

² Эртогрул (Эртогрул Гази; ум. ок. 1280–1282) был беем (уджбеем) – правителем приграничного округа и главой огузско-туркменского племени кайы, отец основателя Османской династии Османа I. В середине XIII века он получил от сельджукского султана Рума в управление пограничный удж с центром в Сегюте, успешно воевал против Византии и заложил территориальный и политический фундамент будущего Османского бейлика, но титула султана при жизни никогда не носил.

зам-уль-Мульком¹ эта система военных ленов была узаконена. С этого времени солдаты и командиры сделались обладателями бенефициев, и с этого времени не только фактически, но и по праву сделались не только посредниками между центральным правительством и налогоплательщиками, но и сами стали собирателями налогов в свою пользу.

Этот процесс окончательной феодализации мусульманского мира в эпоху могущества Сельджукской державы в основном источнике истории этой эпохи «تاریخ آل سلجوچ»² Имад-уд-дина Исфагани³, дождешем до нас в сокращении ал-Бундари, описывается таким образом: «Города обеднели, и усилилась рука несправедливости, и вот стали области против областей, тогда султан приказал восстановить справедливость и улучшить жизнь провинций, учреждений Низам-уль-Мулька. Был обычай собирать с провинций деньги и употреблять их для платежа воинам, и не было обычая до того времени отдавать ленов, и увидел Низам-уль-Мульк, что деньги⁴ (الموال) из провинций не собираются вследствие существования беспорядков⁵ (الخلالها), и, что доход с них был необеспечен, ибо они в дурном состоянии были. По

¹ Низам ал-Мульк (Абу Али ал-Хасан ибн Али ат-Туси; ок. 1018–1092) был великим визирем сельджукских султанов Алп-Арслана и особенно Меликшаха I, фактически главным архитектором их централизованной государственной системы. При Меликшахе он оставался не только первым министром, но и наставником молодого султана, контролируя административный аппарат, финансовую систему и военную политику и во многом определяя внешнеполитические успехи державы, включая закрепление победы при Манцикерте и союз с аббасидским халифом против Фатимидов.

² «Таварих ал-Сельджук» («Хроника Сельджуков», «История дома Сельджуков») – исторический труд придворного писца и историографа Имад ад-Дина ал-Исфахани (ум. 1201), посвященный событиям и политической истории государства Сельджуков преимущественно второй половины XII века.

³ Имад-уд-дин ал-Исфахани (Имад ад-Дин Мухаммад ибн Мухаммад ал-Исфахани, прозвище ал-Катиб; 1125, Исфахан – 1201, Дамаск) – арабский писатель, историк, филолог и государственный секретарь, один из главных придворных литераторов эпохи Нурэддина и Салах ад-Дина. Служил канцлером и ближайшим секретарем Салах ад-Дина Айюби, сопровождал его в походах и оставил ярко стилизованные по риторическим канонам описания крестовых походов и завоеваний Айюбидов.

⁴ В пер. с араб. *اموال* – «имущества, капиталы, богатства; деньги».

⁵ В пер. с араб. *ихтиляляخا* – «ее нарушения, ее расстройства, ее расхождения» (контекстно: «ее несоответствия / сбои / нестабильность»).

этому он разделил их (т.е. области) между воинами в качестве ленов (قطاعاً¹ отдал им доходы, полученные с них)².

Такие порядки отдачи ленов (не земли, не населения, а доходов) впоследствии были распространены на все те земли, которые когда то были включены в состав сельджукского султанства. Так как Азербайджан когда то входил в состав этой империи, а потом в нем господствовали и атабеги³, то эта система была распространена и в нашей стране. Во время господства ильханидов также не могли быть изменены эти порядки ибо, с одной стороны, ильханидская держава, появившаяся на развалинах сельджукской, во многих отношениях копировала те порядки, которые были установлены во время сельджуков. С другой стороны, монголы сами знали ленные порядки, хотя у них они не были в развитом состоянии, на что указывают тарханные грамоты⁴, ярлыки, выданные ханами монгольских улусов.

Известно, что как в сефевидской Персии, так и в турецкой империи, долгое время существовали те феодальные порядки, которые были выработаны в халифате и сельджукском султанстве и в его частях, оторванных от последнего. Когда же Азербайджан находился то под властью сефевидов, то у турецкой империи не было никаких причин для изменения феодальных порядков. Вот почему после и до русского завоевания мусульманско-феодальные порядки существовали в Азербайджане.

III

В Азербайджане в эпоху ханств и после уничтожения их русским завоеванием вся земля считалась государственной с юридической точки зрения. Ханы отдавали земли для управления султанам, бекам и агам, точно так же, как шахи отдавали их для управления на лен-

¹ В пер. с араб. икта 'ан – «как икта», «в форме икта» (передача земельного или налогового округа в условное держание «икта»).

² Recueil de textes relatifs à l'histoire des Seldjoucides ed.[ition] par Houtsma, vol. [ume] II, p.[age] 57–58. (Прим. авт.)

³ Атабег – титул в тюркских и иранских странах Средневековья, означавший воспитателя или наставника принца, а также высокопоставленного военного или государственного деятеля.

⁴ Тарханные грамоты – это особые документы, которые в древнерусской и монгольской истории представляли их владельцам освобождение или определенные привилегии от налогов, судов и повинностей.

ных правах азербайджанским ханам. Подобно тому, как ханы, после ослабления центральной власти шахов персидских, становились фактически самостоятельными владельцами своей страны, точно так же получившие отдельные земли для управления на основании «иктая» всячески старались закрепить их за собой. Таким образом, существовала тенденция сделать эти пожалованные деревни, яйлаги¹ и кишлаги² собственностью, а живущих в этих землях раятов³ или ренджбаров⁴ закрепостить. Вот почему даже в сороковых годах XIX столетия барон Розен⁵ в своем обширном докладе мог говорить, что «есть беки, которые владеют землей на правах полной и наследственной собственности, приобретенной ими или их предками пожалованием или покупкой»⁶.

В азербайджанских ханствах существовала трех категорий земля: 1) ненаселенная земля, 2) населенная общинная, 3) населенная земля

¹ Яйлаг – тюркское слово, обозначающее летнее горное или высокогорное пастбище, куда традиционно перегоняли скот во время сезона кочевки. Это плато или плоскогорье с плодородной почвой и влагой, используемое для выпаса скота с весны до осени.

² Кишлаг – тюркское слово, обозначающее поселение, деревню или зимовье, обычно используемое для проживания в зимний период кочевыми и полукочевыми народами Средней Азии, Афганистана, Кавказа и Ирана. Первоначально термин употреблялся для наименования места зимовки кочевников, но со временем превратился в общее название сельского поселения для земледельцев и оседлых жителей этого региона.

³ Раят – термин арабского происхождения, обозначающий зависимого земледельца, крестьянина или подданного в мусульманских странах, особенно в Османской империи, Иране и на Кавказе.

⁴ Ренджбар – термин персидского происхождения, буквально означающий «труженик», «пахарь» или батрак. Исторически в Азербайджане, Иране и Восточной Армении XVI–XIX веков ренджбарами называли особую категорию феодально-зависимых крестьян. Они получали от феодала землю, воду, семена, рабочий скот и взамен отдавали от 2/3 до 4/5 урожая владельцу земли.

⁵ Барон Розен Виктор Романович (1849–1908) – русский востоковед-арабист, академик Петербургской Академии наук, один из основоположников российской школы академического востоковедения. Профессор и декан факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета, вице-президент Академии наук, директор Азиатского музея, он ввел строгие филологические и текстологические методы в работу с арабскими и персидскими рукописями.

⁶ Иваненко Б.Н. Гражданское управление Закавказьем, Тифлис, 1901, стр. 339. (Прим. авт.)

халисе¹. Последний вид земли и в правовом отношении ближе всего стоял к частной собственности. «Земли халисовые образовались из пустопорожних земель, на которых ханы позволяли некоторым бекам водворять выходцев и разного рода бесприютных и бродяг, а равно своих военноопленных, расчистив земли предварительно от леса и кустарников. Населенные халисовые земли обыкновенно переходили от отца к сыну. При каждой перемене властителя, обладание халисовыми землями считалось действительным только тогда, когда новый хан утверждал распоряжение своего предместника»².

Населенные земли также отдавались высшим сословиям или простым любимцам ханов, после чего, как будет сказано ниже, они делались так же беками, на основании арабского права «اقطاع غش»³ в следующих целях: 1) за службу, как военную, так и гражданскую, хотя провести грань между этими службами трудно было провести в феодальном Азербайджане. В ответ на запрос графа Паскевича окружный начальник Миклашевский говорит, что «по призыву ханов должны были участвовать беки со своей прислугой и тем количеством подвластных, которые каждый из них мог вооружить»⁴. Следовательно, это были, в сущности говоря, военные лены, которые существовали во время сельджуков. Однако это обязательство явиться «конны, ратны и оружны» было повсеместно в Азербайджане. Например, в ширванском ханстве для борьбы со вторжением лезгин хан приглашал только ауловников, за эту службу беки даже получали особые вознаграждения (там же 211). Кроме того, в азербайджанских ханствах правительства не в состоянии были назначать особых лиц для управления областями, вот почему для этой цели целые магалы⁵ отдавались для

¹ Халисе означала «чистая», свободная и неприкосновенная земля в смысле полной государственной собственности. Собственники земель халисе сдали их в аренду, имели право управлять ими и использовать доходы, при этом крестьяне на таких землях не платили налоги государству, а служили исключительно своему феодальному владельцу.

² М. Кучаев. Феодализм и закрепощение Закавказья («Русский Вестник» за 1893 г., т. I, стр. 317. (Прим. авт.)

³ В пер. с араб. ‘икта гушр – «десятина», «земельный удел (икта), обложенный десятиной».

⁴ Акты Кавказской Археографической Ком. [иссии], VII, 372. (Прим. авт.)

⁵ Магал – мелкая административная единица в странах мусульманского Востока (в т. ч. в Закавказье), обычно объединявшая несколько территориально или исторически связанных селений и нередко передававшаяся правителем в наследственное или ленное владение мелким феодалам.

управления бекам или армянским меликам¹, которые часть доходов отдавали казне. 2) Земли отдавались (формально доходы с деревень) для спасения души ханов разным духовным лицам или учреждениям в виде вакф², 3) точно также существовала отдача деревень в качестве подарков различным фаворитам. Лица, получившие такие деревни, освобождались от платежа податей и обыкновенных повинностей, за исключением добровольного приношения ханам подарков³ (پیشکش), «ценность которых значительно превышала иногда податной оклад»⁴.

Так как с правовой точки зрения все земли считались государственными, то ханы имели право в случае преступлений или немилости отнимать отданые для управления и сбириания подати деревни. Например, мы знаем, что однажды так поступил последний эриванский сардар⁵. Но это право осуществлялось только тогда, когда у сеньора существовала на это реальная сила.

Жалование земель в ханскую эпоху производилось особыми фирмами, которые назывались «تعليق»⁶ (талика). Эта «талага», как писали их русские чиновники, напоминают «тарханные ярлыки» золотоордынских, ильханидских правителей и тех ханов, которые правили оторвавшимися от этих улусов территориями. Талика обычно писались на персидском языке, т.е. на языке официальных грамот феодального Азербайджана, к концу прилагались печати

¹ Мелик – восточный дворянский титул и титул владетельного феодала, происходящий от арабского слова *malik* (царь, правитель). В государствах Закавказья и Ирана мелики представляли собой наследственную знать, владеющую мелкими округами – меликствами.

² Вакф (араб. وقف) – в мусульманском праве неотчуждаемое имущество, навечно переданное на религиозные или благотворительные цели; учредитель утрачивает права на это имущество, а доходы от него поступают назначенным бенефициарам.

³ В пер. с перс. *пишкиш* – *pishkesh*, «подношение, подарок (вышестоящему лицу)», в исторических текстах часто: дар – дань, обязательный «подарок» правителю, чиновнику, эмиру.

⁴ Акты VIII, № 354. (Прим. авт.)

⁵ Комитет об устройстве мус. провинций 15/1–1831 года в своем докладе генад. Стрекалову между прочим писал, что в Эриванском ханстве во время правления последнего хана не существовало своей собственности, «ибо сардар под каким-нибудь предлогом мог отобрать имение у беков, купцов и поселянина». Акты VII, стр. 430. (Прим. авт.)

⁶ В пер. с араб. *т’алика* – «грамота о пожаловании; указ (фирман) хана / владельца».

царствующих ханов. В них наряду с мусульманским летосчислением употреблялось и монгольско-тюркское, связанное с названием 12-ти животных. В Азогсархиве сохранилось несколько таких фирманов, в которых употребляются: ¹ لوی بیل، توشقان بیل، رتکوز بیل، بیچن بیل.

Жалуемые бекам доходы с деревень в различных ханствах Закавказья с юридической стороны выдавались бекам, султанам, агам большей частью на двух основаниях. Шопен в своем труде «Исторические памятники Армянской области» говорит, что в эреванском, нахичеванском и ордухладском ханствах и областях право владения населенными имениями раздавалось на двух основаниях: мюлк и тиол (стр. 926). Мюлк, по словам того же автора, был не что иное, как один из способов вознаграждения чиновников за службу государству. Мюльк не был собственностью мюлькадара. «Всякое непосредственное влияние его на поселян строго воспрещалось, а все права ограничивались тем, что после уборки земельных произведений, он мог требовать от сельского серкаря ³ следуемую ему часть из сельского амбара, из общего податного, собранного из мюлькадарских имений». Мюлькадар ⁴ мог пользоваться сбирианием только десятины, ибо вообще по арабскому праву земли, называемые мюльк, платили только ошр ⁵. Тиолы имели более широкие права, ибо самое наименование этого вида владения

¹ Год дракона, год мыши (вар. зайца), год козы, год обезьяны.

² См. подробности в моей брошюре на тюркском языке «Азерб. беки и подвластные им крестьяне» (материалы), Баку, 1927 г., стр. 16. Напр., в одной талаге, выданной в 1221 гиджры употребляется выражение: «وَوَجْهِهِ مِنَ الْوَجْهِ تُعْرَضُ فَلَيْمَاسُونَلَرُ»، которое в ярлыке казанского хана Сахиб Гирея мы находим в след. словах: ««بَيْهِجْ وَجْهِهِ مِنَ الْوَجْهِ تُعْرَضُ فَلَيْمَاسُونَلَرُ»» см. «Вестник об-ва татароведения», вып. 1, стр. 1–2 (Прим. авт.). Первое выражение «Би хич ваджх мин ал-вуджух мүми илайх руджу' нанамуда» – смесь араб. и перс. «Ни в каком отношении к нему (к упомянутому) не обращался / не прибегал»; Второй пример (араб./татар.): «Ва ваджх мин ал-вуджух та'аруз кылмасунлар» – «И ни в каком отношении пусть не притесняют их».

³ Серкарь – исторический термин, использовавшийся в некоторых странах Востока для обозначения управляющего или доверенного лица, часто слуги, представляющего интересы своего господина в различных делах.

⁴ Мюлькадар – термин, обозначающий лицо, имеющее недвижимое имущество на правах частной собственности. По мюлькадарскому праву крестьяне пользовались землей в вечной аренде с обязанностью отдавать известную долю урожая владельцу земли – мюлькадару.

⁵ Ошр, ашр (عشر) означает «десятая часть», часто в контексте десятины – налога в размере десяти процентов от дохода или урожая.

показывает, что тиюлы произошли еще во время завоевания. Слово тиюл, очевидно, происходит от слова «тиймек», т.е. достаться. Можно предположить, что эти земли достались первоначально во время завоевания страны. Тот же Шопен справедливо замечает, что «тиюлы основаны на общей феодальной основе, и, вероятно, имеют с ленами (*fiefs*) одно и то же происхождение» (стр. 928). Тиульство представляло владельцу право непосредственно распоряжаться в пожалованной деревне; с таких деревень ханское правительство вообще не брало никаких налогов и податей, и они были исключены из податных листов. Все сборы, все повинности деревень обращались в пользу владельца» (стр. 928). Несмотря на это существовали и некоторые ограничения, ибо по закону эти деревни все же не считались собственностью владельцев. Например, владельцы тиульдары не имели права взимать сверх положенных, установленных норм. Здесь, кроме того, существовала особая политика последних сардаров, состоящая в том, что если бы тиульдары стали получать больше, чем взыскивалось с земель, отданных на основе мюлькадарского права, то «жители, будучи не крепки к земле, бросали бы слишком жадных владельцев и переселились бы в другое какое-либо место» (стр. 920). Нам кажется, что наряду с этой причиной могла существовать другая, более глубокая причина.

Дело в том, что в начале XIX столетия, перед присоединением эриванского сардарства к России, там замечалось какое-то оживление в экономической жизни страны. Развивалась торговля, кустарного и ремесленного типа промышленность, даже сами сардары были вовлечены в этот торговокапиталистический водоворот, сами торговали и участвовали своими капиталами в торговле других «савдегиров» – крупных торговцев, взяли в свои руки добывание соли и т.д. Очень возможно, что сардары старались ограничить права феодальных владельцев. Вот почему нам кажется, что они старались ограничивать права помещиков-тиульдаров. Об этом говорит тот же Шопен: «Сардарь, при вступлении в управление эриванскою провинциею, старался всеми силами уменьшить влияние главных, коренных мюлькадаров на народ вверенного ему ханства, в особенности тех, которые пользовались мюльком из деревень, расположенных в разных магалах. Для достижения этой цели он сделал расчет: сколько они получают доходов вообще со всех их селений...».

Хотя все формы землевладения с юридической точки зрения представляли из себя не владение землею, людьми на правах собственности, а пользование лишь доходами с крестьян, но все же постепенно эти земли и их население превращались в собственность беков, султанов, агаларов¹. В этих пожалованных беках землях полицейские функции несли те же беки. Суд и расправа по мелким преступлениям также находились в их руках. Даже в тех деревнях, в которых доходы с населения не были пожалованы бекам или агам, все же ханы управляли ими посредством так называемых магальных беков, сельских старшин, которых называли юзбашами², кетходами³ и кевхами⁴. Власть этих должностных лиц мало отличалась от власти мюлькадаров. Эти лица также были освобождены от налогов и повинностей, пользовались частью доходов с деревень; кроме того, часто имели и свое собственное хозяйство, которое вели подвластные им крестьяне. Следует заметить, что эти правители, назначаемые ханами, большей частью происходили из привилегированных классов и их власть часто переходила от отца к сыну. Таким образом, высшие классы, как и в феодальной Европе, пользовались государственной властью и мелкое поместье, отданное ханами, или как катиа, или для управления, в сущности говоря, было маленьким ханством, находящимся в вассальной зависимости от ханов.

¹ Агалар – это представители местной знати и управляющие, наследственные администраторы, обладавшие властью и правами налоговой эксплуатации подчиненного населения. В Закавказье под агаларами понимались лица, управлявшие административными единицами от имени хана, и которые имели право получать часть податей, собираемых с крестьян. Это право постепенно переходило по наследству от отца к сыну и было узаконено Российской империей в середине XIX века.

² Юзбаш – это военный или административный начальник среднего уровня, руководитель сотни, который имел под своим командованием определенное число людей и обладал соответствующей властью в военной и административной иерархии.

³ Кетход (или кетхуда) – титул персидского происхождения, обозначающий главу сельской или городской общин. Термин происходит от персидского слова, означающего «властелин дома» или «хозяин дома».

⁴ Кевхи – титул и должность старшины или влиятельного представителя знатного рода в историческом социальном устройстве Дагестана и некоторых частей Закавказья.

Кроме того, в Азербайджане в руках самих ханов или его крупных или мелких вассалов имелись земли, которые приобретались путем покупки. Кроме светских феодалов-помещиков, в ханском Азербайджане существовали и духовные; дети таких лиц в случае, если они не делались сами духовными, приобретали право бекства. Эти духовные лица также получали от хана талагу или жалованную грамоту, на основании которой они вступали в право управления крестьянами и в распоряжение частью их доходов и их трудом. Для иллюстрации мы приводим здесь одну из таких грамот, сохранившуюся в плохом русском переводе с персидского на русский язык, выданную Фатали-ханом, относящуюся к 1207 году гиджры:

«Господину почтенному лучшему ахунду доброму человеку, которого считаю в месте своего отца Гаджи Челеби Эфендию. Да будет ваше начальство над всеми ахундами письмо я выше получил то что вы всегда молитесь богу, я это знаю и чувствую. Мы с вами в дружестве. Вы верный богомолец и да бог вознаградить за ваше усердие. Ваше по нас почтение. Вы мой отец и я за него вас считаю – ибо род ваш почтенный я всегда то буду иметь в памяти, в вашем письме вы пишите о кышлаге Тахата Керпе все мои талаги есть ваши все мои имущества также и для вас ничего не жалею, Вы хотите Тахта Керпе Кишлаг и вам оной жалую *вечное владение* (курсив наш) никто не смеет до него касаться. Особенной заслуги требуйте и я готов. Шах Али печать»¹. Между прочим, у этого «святого эфенди» имелось в распоряжении довольно большое количество ренджбаров².

IV

В тридцатых годах XIX столетия завоевание Закавказья Российской империей было окончательно закончено. Вопрос о том, завоевано ли было до Закавказья российским торговым капитализмом, или толчком к этому послужили начало и рост промышленного капитализма,

¹ С. Азгосархив, «фонд кубинского коменданта, св. 1, дело № 10, лист 3. (Прим. авт.)

² Ренджбар (или ранджбар) – термин персидского происхождения, буквально означающий «трудящийся» или «пахарь». Исторически в Иране, Азербайджане и Восточной Армении в XVI–XIX вв. ранджбары представляли собой особую категорию феодально-зависимых крестьян, которые получали от феодала землю, воду для орошения, семена и рабочий скот, а взамен отдавали большую часть урожая (от 2/3 до 4/5) владельцу земли.

достаточно не изучен. По некоторым данным можно предположить, что роль промышленного капитализма в этом деле была не мала¹. Однако самый процесс завоевания был совершен российским дворянским правительством. Вот почему, с одной стороны, после завоевания начался быстрый приток российского торгового капитала, и Закавказье стало ареной борьбы между товарами российского и английского происхождения, ибо долгое время в этой стране общая покровительственная система не была распространена; поэтому можно было бы предполагать, что после русского завоевания старые устои жизни быстро будут изменяться, феодализм вскоре рухнет и на смену ему в этом крае придет эпоха капитализма. Однако этого не случилось. Несмотря на то, что Российское правительство старалось распространять торговлю, развивать шелководство, все же оно являлось выразителем воли российского дворянства, служило тормозом для изменения феодальных основ, существовавших до завоевания. Об этом свидетельствует то, что долгое время после российского завоевания старые натуральные подати продолжают существовать и старые ханские лены продолжали ходить харадж с «аскинас» (ассигнации), старые хозяева-беки, султаны, аги продолжают господствовать, переодевшись в русские офицерские мундиры.

На места ханов приходят коменданты, на место сюзерена – персидского шаха приходит «русский сардар» или российский император. Вообще российские чиновники держались тех принципов, что «чернью» следуют управлять «по прежним обычаям» (см. фонд бакинской бекской комиссии, св. 2, дело № 19). К господствующему тюркскому феодальному классу Российское правительство относилось не только термином: он был взят под покровительство своего братского класса – русского дворянства. Мусульманские и армянские феодальные классы, потеряв старых ханов-сюзеренов, приобрели новых покровителей в лице русской местной администрации. Для иллюстрации мы приведем следующий факт.

¹ С. Пионтковский в своих «Очерк[ах] истории России» говорит следующее: «журнал «Мануфактура и торговля» в 1830 году указывал на то, что увеличение наших мануфактурных произведений требует открытия пространнейших путей сбыта», и высказал надежду, что правительство, постоянно пекущееся о благосостоянии России, доставит нам сие облегчение в закавказских провинциях» (стр. 59). (Прим. авт.)

В 1816 году после подавления восстания в кубинском ханстве российская власть пришла к убеждению, что до прибытия русского генерала в этом непокоренном ханстве необходимо создать коалиционное временное правительство, состоящее из трех беков под председательством подполковника Тихановского. «Для лучшего разбирательства дел их, впредь до повеления вашего высокопревосходительства, учредить в Кубе род времененного правительства под председательством его же, подполковника Тихановского из трех беков: Хасан-эфенди, Мамед Бека Будугского и Муса Бека Алибекова» (Акты IV, стр. 666). Да и самое подчинение страны русской власти правительство рассматривало, как подчинение высших классов. Вот почему, когда та или другая часть Азербайджана входила в состав Российской империи, то правительства брало «клятвенное обещание» у феодальных классов. Особенно ярко высказано это отношение Российского дворянского правительства в обширном докладе, правда позднего времени, но весьма характерном, составленном ген. Ладинским в 1845 году. Ген. [ерал] Ладинский писал: «Так как вековой опыт доказал нам удобство управлять мусульманской чернью через их же господ, то я полагал бы: все населенные земли, которые при начале русского управления состояли по какому бы то ни было основанию в фактическом владении беков мусульманских провинций, признать их полной и наследственной собственностью¹. Как было замечено, Российское правительство для того, чтобы создать сторонников и оплот в новозавоеванной стране, производило этих беков в офицерские чины, хотя большая часть этой «мусульманской знати» и была совершенно неграмотна и невежественна, почему в нашем архиве можно часто прочитать такие подписи их:

«چونکه پر اپور چیک پادشاه اعظم قربان بک
بن زینال بک سواد خط نداشت حسن ملا با رجاء او دست کذاشتم»²

¹ Иваненко, стр. 353. (Прим. авт.)

² Транслитерация: «Чунке прабурчик падишах-е а'зам Курбан-бек бин Зейнал-бек савод-е хат надошт, Хасан-мулла ба ража-и ў даст гузаштам». В пер. с перс. «Поскольку прaporщик, великий падишах Курбан-бек, сын Зейнал-бека, не умел писать, я, мулла Хасан, по его просьбе поставил (этую подпись) своей рукой».

Эти беки султаны, агалары все оставались своими, ибо правительство управляло долгое время завоеванной страной при их помощи. Не только в судах продолжали сидеть и судить народ «диван беги», но и магальных беков правительства старалось заменить исключительно «коренными беками». Даже бекам-мюлькадарам передана была административная власть, как было большей частью в эпоху ханств, и они, таким образом, стали теперь чиновниками «великого падишаха» (см. Акты IV, часть II, № 240). Таким образом, как в эпоху существования ханств, так и после захвата края русским капитализмом, во главе азербайджанского тюркского общества стали феодальные классы, которые и имели, как это было в феодальных обществах у других народов, свою установленную иерархию. Как известно, Азербайджан в целом имел общую экономику и социальный строй, однако вследствие природных, географических и иных условий в этих отношениях каждая область страны имела свои специфические черты.

Вот почему в названиях различных классов и групп общества, в отношении их хозяйства и обязанностей были некоторые специфические черты. Например, одни области больше всего в экономическом отношении зависели от Персии, почему в них господствовали персидские порядки; другие зависели и тяготели к Дагестану и в таких областях развивались порядки, сходственные с северной частью Кавказа (пример – кубинское ханство, потом провинция), третьи области, как, например, Казах, Борчалы, Шамшадиль, находились под сильным влиянием Грузии, и в таких областях господствовали порядки грузинского феодализма. Несмотря на это, отвлекаясь от частных отклонений и специфических черт, эту иерархию основных феодалов в грубых чертах мы можем представить так:

Ханы
Султаны
Беки
Бекзаде
Маафы или тарханы

Считаю необходимым еще раз отметить, что иногда одно и то же звание в разных областях Закавказья обозначало различные категории людей. Напр., султаны в карабахском ханстве (потом провинция)

большею частью были у кочевых тюрок, как это мы находим у казаков в XVIII веке, и имели «под управлением своим по несколько десятков и сотен семейств и права их были ровны с бекскими» (Акты VIII, стр. 470). В шекинском же ханстве султаны были весьма крупными феодалами, под вассальной зависимостью их находились беки и армянские мелики. Султаны шекинские в своих владениях, полученных в качестве ленов от ханов, обладали почти всей полнотой государственной власти и в том редко отдавали отчет своему сюзерену – шекинскому хану. Для них существовало только одно ограничение, а именно: они не имели права казнить, без разрешения на то ханов, смертью (там же, стр. 371). Большой частью в этом ханстве султаны были людьми, происходящими от особых древних фамилий, подобно казацким султанам, ведущим свое происхождение от Чингиз-хана. Однако, у ханов было обыкновение любимых беков возводить в султанское достоинство (стр. 431).

Как было отмечено выше, наряду со светскими феодалами существовали и духовные. Следует отметить, что хотя светские господствующие феодальные классы находились под идейным воздействием духовных, но экономически они были зависимы от ханов и беков. По сведениям, собранным Комитетом об устройстве мусульманских провинций, относящимся к 1831 году, мы знаем, «что муллами делали беки» (Акты VII, стр. 373). Всех духовных лиц в феодальном Азербайджане нельзя причислить к феодальному классу. В только что приведенном документе мы читаем следующее: «есть и такие муллы, которые обществом присуждаются к платежу податей и платят». Бывали и такие случаи, когда муллы, связанные в экономическом отношении с крестьянами, выступали во время борьбы рапата¹ со своими беками на стороне своих односельчан². Но ахунды и эфендии, стоящие во главе мусульманского духовенства были зажиточны, влиятельны, вмешивались в эпоху ханства в государственные дела, владели большим количеством деревень, вот почему мы их можем вполне причислить

¹ Борьба рапата – это движения и восстания зависимых крестьян (рапатов) в мусульманских странах, османских и персидских ханствах, а также в закавказских регионах, направленные против феодального гнета, эксплуатации и налогового бремени.

² Губайдуллин. Беки и подвластные им крестьяне (на тюркском языке) стр. 51. (Прим. авт.)

к феодальным классам. Этот класс большей частью был освобожден от налогов, податей и повинностей. Вот почему некоторые отрасли хозяйства, как шелководство, были в их руках. Например, советник казенной экспедиции, обследовавший шелководство в шекинской провинции в 1830 году, в своем докладе писал: «В числе помянутых 493-х садов, 25 пользуются по ханскому положению узбashi¹ и муллы тех деревень, где находятся сады без платежа установленной в казну доли»².

V

Несколько выходя из рамок задуманного нами этого очерка, мы хотим остановиться немного подробнее на одной группе, находившейся на низкой ступени феодальной иерархии, которая называется обыкновенно в источниках «маафами» и, реже, «тарханами»³. На основании надписей мы знаем, что «у гюк тюрков» существовало тарханы. По мнению акад. В.В. Бартольда, у орхонских тюрков существовало три разряда высших сословий: тархаты, щадапты⁴

¹ Узбashi (часто: узбashi, в османской традиции *üzbaşı*) – тюркский воинский чин, буквально «начальник ста» (сотник), командир подразделения примерно в сто человек. В ряде восточных и кавказских армейских систем нового времени это звание сопоставляли с низшим офицерским чином (младший офицер, капитан роты), а в описаниях восточных войск русскими источниками XIX века «узбashi» последовательно переводили как «сотник».

² Фонд Груз.[инского] Верх.[овного] Правительства св.[язь] 21, дело № 62, лист 150–169. (Прим. авт.)

³ О том, что такая группа называлась тарханами, мы находим следующее выражение в отношении маркиза Паулучи к мин. полиции от 7/1–1812: «Освобожденных от всех податей крестьян, называемых тарханами, кой были при царе на службе...» (Акты V, стр. 426). В другом месте мы читаем: «Свободные, известные под названием тарханов, отныне навсегда уничтожаются» (там же VII, стр. 426). (Прим. авт.)

⁴ Шадапты – термин из сoggийской надписи Бутутской стелы, которым обозначена одна из высших категорий тюркской знати и правящей элиты раннегоТюркского каганата. В перечне социальных слоев стелы шадапты стоят сразу после кагана и его сородичей и перед тарханами, тудунами и «кконными воинами», что показывает их очень высокое положение в иерархии; большинство исследователей связывает этот термин с древнетюркским *šad* (шад) – княжеским титулом, то есть «шад-люди», «князья-шады».

и буй-руки¹. Что касается тархата, то это ничто иное, как множественное число от слова тархан². По мнению Ф. В. Радлова Schadaput суть определенные дворяне, которые свое выдающееся положение получают своим происхождением, Tarchat'ами же были люди из народа, которые, благодаря заслугам, это положение получили по жалованиям ханов³. Тарханы у ту-гюл достигали высших должностей. Например, во главе одного колена угузов Töles'ов стоял Apa-Tarkan. Некий Tömen Tarkan был буйруком. При дворе хаканов тарханы занимали второе почетное место. Во время торжеств Schadaput'ы занимали место справа от трона, а с левой стороны стояли tarchat'ы или буйруки. Очень возможно, что эта группа тюркского общества была перенесена в Закавказье еще угузами. Если мы обратим внимание на хазар, сношение и переселение которых на современную территорию Азербайджана началось очень рано, то у них также существовали тарханы⁴. Очень возможно, что тарханство – маафство получило свое начало также и от хазар. Тем более эта возможность увеличивается, если мы прием во внимание сообщение персидского писателя XIII века Ауфи, что племя Толос существовало на той части Кавказа, которая входила в состав Хазарии (بلاد خزر)⁵, а мы только что видели, что у этого тюркского племени, входившего в состав угузов, тарханы существовали⁶. Но большая возможность распространения института

¹ Буйрук (в русской передаче часто: буюрук, мн. ч. «буйруки») – древне-тюркский титул, восходящий к слову buyugъ «повеление, приказ», и означающий сановника, «получившего повеление» и наделенного властью по поручению кагана. В Тюркском и Западнотюркском каганатах буйруки входили в высшую знать, выполняли судебные функции, возглавляли племена или аймаки каганских тюрков и выступали как придворные и областные военачальники.

² Bartold, Die historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften, с. 17. (Прим. авт.)

³ Там же, с. 17. (Прим. авт.)

⁴ См. наши «Заметки о происхождении хазар» (Изв. [естия] Об. [щества] Изуч. [ения] Азерб. [айджана], № 4). (Прим. авт.)

⁵ В пер. с араб. «бильад хазар» – «страны хазар», «хазарские земли».

⁶ بلاد خزر ولايت طوبيل و عريض است و بر يك طرف او كوه هيئت بزرگ و از هر پيان کوه نوع

ترک فرد ايند که يك قوچرا طولانی خواند و دیکری را کوه (لرگر) و اين بزمیان تقییس پیوسته است

Bartold, Die hist. Bedeutung с. 9 и 5. (Прим. авт.)

В пер. с перс./турк. «Страна хазар – это длинная и широкая область, и с одной ее стороны есть большая, впечатльная гора. С каждого конца [этой горы] приходят два отдельных вида тюрок: один народ называют Тулас, а другой – Кух (Ларгхар), и эта гора примыкает к земле Тифлиса».

тарханства или маафства была и в монгольскую эпоху. Может быть самое слово мааф распространено в эту эпоху, ибо персидские писатели монгольское слово «тархан» просто переводили арабским словом – «моаф»¹.

Вообще этот институт существовал и у монголов. Китайские источники говорят, что императоры посредством особой грамоты некоторых людей возводили в тархансое достоинство, которое китайцы писали «та ла-кюл-хан»². В XIX веке даже, после русского завоевания, этот термин в Азербайджане до уничтожения его употреблялся, но более всего в употреблении было название «моав». Принадлежавших к этой категории людей в Азербайджане было довольно много. В годы окончательного уничтожения ханств, исключая территории кубинского и бакинского ханств, было по одним сведениям около 2000 семей или 12000 душ. В талышской провинции было 900 сем.[ей] (Иваненко, стр. 253). В шекинском ханстве существовало 700 сем.[ей] или 3400 душ (Акты VII № 1157 и 372). В 1844 году в ширванской, талышской, карабахской пров.[инциях] было 8888 душ обоего пола маафов (там же IX № 534). Эти маафы отличались от других простых сословий тем, что освобождались от податей и повинностей, но за то они служили ханам в качестве воинов. Если мы переведем на язык феодальной Европы, то нам кажется, что азербайджанских маафов придется называть простыми рыцарями или же служилыми людьми; они

¹ «В «جهانگوشای» («Джуveйни» мы читаем:

تارخان آن بود که از همه مؤنات معاف بود و در هر لشکری که باشد، هر غنیمتی که یابند ایشان را مسلم باشد و هرگاه که خواهند در بارگاه بیان در آیند الخ

В.В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского зав.[оевания], ч.[асть] I, тексты, стр.[аница] 104 (Прим. авт.). Речь идет о труде персидского государственного деятеля и историка Ала ад-Дина Ата-Мелика Джувейни (1226–1283) «Тарих-и джахангушай» (تاریخ جهانگوشای; Tārīkh-i Jahāngushāy), что переводится как «История завоевателя мира», является одним из важнейших источников по истории Монгольской империи. В пер. с перс. «Тарханом был тот, кто был «моаф»/освобожден от всех повинностей, и в каком бы войске он ни находился, всякая добыча, которую захватят, считается принадлежащей ему; и когда он захочет, он может входить в ханский дворец (ставку) без какого-либо разрешения и допуска и т. д.». То есть тархан и моаф сближались по значению и статусу и привелегиям в персидской традиции.

² E. Blochet, Introduction à l'histoire des Mongols, Leiden, p.[agina] 293. (Прим. авт.)

должны были по призыву ханов явиться «конны, ратны и оружны». Некоторые из мафов во время ханства служили в качестве телохранителей ханов, посыльных и даже в качестве личной прислуги ханов.

Большой частью мафское право было наследственным (Иваненко, стр. 13–14). Бывали также случаи, когда сын бека женится на дочери простых людей, беки выпрашивали у ханов, чтобы он сделал этих новых родственников мафами. Т.о. [таким образом] мафство было как бы переходной ступенью к бекству. Подобно тому, как в Золотой Орде и, под влиянием последней, в России тарханство было не только личным, но и коллективным. Мы знаем, что ордынские ханы жаловали тарханство церквям, монастырям и целым сословиям совокупно. Известно, что в этих целях золотоордынские ханы выдавали тарханные ярлыки. Азербайджанские ханы выдавали такие же грамоты, которыми они освобождали целые коллективы от налогов, податей и повинностей. В сохранившемся в Азгосархиве и относящемся к началу XIX века фирмане мы читаем следующее: «Чиновники, белобородые, охранники иль (или обществ) Кубы и Кулган признали, что общество Худад объявляется мафом и исключается из окладного списка» (*مرفع القلم*¹, трогающий (унижающий) их да будет подвергнут проклятию божью и презрению (или проклятию) пророка, каким бы то не было образом да не будет до них никакого дела, никаких податей и повинностей с них да не будут с них требовать. Написано месяц Зул-хиджжа, 1117 года. Далее идут подписи означенных чиновников и старшин².

В конце следует отметить, что русские чиновники иногда называли мафов просто освобожденными от податей и повинностей крестьянами. Это неверно, ибо мафы имели право владеть крестьянами, плащающими им десятину и служащими в их пользу. Например, в талышском ханстве в 1-й четверти XIX столетия существовало в одном месте 6 акеров, принадлежащих мафам³.

¹ В пер. с араб. марфу ал-калям – «с которого снято перо (учета)», «не подлежащий записи / исключенный из окладного списка».

² С персидского мы старались перевести дословно, почему по-русски выходит негладко (*Прим. авт.*)

³ Фонд Талыш. уезд. управл. за 1842 г. дело № 30 лист. 9. (*Прим. авт.*)

VI

Подвластное высшим сословиям сельское население Азербайджана во время самостоятельных ханств и после русского завоевания до 1847 года состояло из следующих категорий: рабы, которых в местных документах, называли «**غلام و کنیز**»¹, раяты и ренджбера.

Перейдем сначала к раятам. Этим именем называли крестьян, живущих на казенных, большей частью находящихся в управлении султанов, беков и агаларов, землях, лично считавшихся свободными, но фактически находившихся в экономической и административной зависимости мюлькадаров. Но среди раятов были и такие, которые жили и работали на государственных землях, приобретенных их предками на правах «первых владельцев». Эта категория крестьян также несла все государственные повинности и $\frac{1}{10}$ часть урожая отдавала казне. Раяты, находившиеся под управлением высших сословий страны, кроме государственных налогов и податей своим мюлькадарами, отдавали $\frac{1}{10}$ часть собираемого, хлеба, которая называлась «**پلک ده**»² или «малджигат». Кроме того, они отдавали бекам $\frac{1}{5}$ часть добываемого шелка, доставляли для бека дрова, мякину и пр.³ Хотя с правовой точки зрения эти раяты и не были крепостными, ибо право передвижения существовало, однако экономическое принуждение было в полном смысле этого слова.

Кроме того, эти раяты, находясь под административным управлением мюлькадаров, с юридической точки зрения также были зависимы от беков. По этой причине мнение, что в закавказских «мусульманских провинциях не существовало крепостного права», нам приходится совершенно отвергнуть, как подход формальный и не социологический. Кроме того, существовали и кочевые раяты. Они занимались скотоводством, имели яйлаги и кишлаги, с юридической точки зрения считавшиеся государственными. Такие раяты платили ханам, а потом Российскому правительству, определенный налог с ка-

¹ В пер. с араб. гулям ва каниз – «раб и наложница (служанка)».

² С перс. яз. дах-йак – досл. «десятая (часть)», «десятина»; судя по русскому контексту рядом с «малджигат», это термин для натурального сбора/дани в размере одной десятой части дохода или поголовья.

³ Эти сведения взяты из материалов, собранных комитетом об устройстве мус[ульманских]. пров.[инций], относящихся к 1831 году. Акты VII. (Прим. авт.)

ждой головы скота. Такие раяты часто отдавались высшим сословиям в виде пожалования или для управления. Такие кочевники платили часть продукта и бекам, султанам. В общем, раяты были большинством населения Азербайджана¹.

Крестьяне, не имевшие собственных хозяйств, работавшие на хозяйства беков или ханов, назывались рачбарами. В материалах, собранных Комитетом по устройству мусульманских провинций, мы читаем следующее, по поводу этой категории крестьян: «Это были выходцы и беглецы во времена ханов из других ханств. Они прибегали тогда под покровительство беков, духовных, юзбашей или других лиц, кои устроили для них дома, женили их, наделяли всем нужным для хозяйства, и за все такие выходцы оставались навсегда обязанными обрабатывать в установленной доле земли и сады тех, у кого они находились, и быть готовыми на всякую службу по их востребованию. Но рабства в шекинской провинции вовсе не существует, и люди сии не могли быть лично никому проданы или переданы другим образом. Напротив, если они не были довольны своим господином, то бежали от него и приставали к другим, и тот не имел права требовать их к себе обратно. Право продажи давалось только на сделанные рачбарам² или хозяевами их недвижимые обзаведения, с коими переходили в другие руки и сами рачбари. Иногда ханы дарили любимцам своим в больших казенных деревнях по несколько семей, не имевших собственной оседлости для поселения на их землях. Таковые семейства получали от новых своих владельцев то, что и выходцы из других

¹ Подати, кот.[орые] платили крестьяне бекам за управление деревнями, часто назывались «داروغکی» т.е. «дорогские», что лишний раз свидетельствует о влиянии монгольских порядков.

عشر و دارو غکی خوشان را از قرار و سستور العملکه از دیوانخانه مقرر و صادر گرددیده است بمایلیق مرسلاننده (Прим. авт.). В пер. с перс. «Десятину ('ушр) и налог в пользу даруги пусть они доставляют вышеупомянутому лицу в соответствии с постановлением и инструкцией, которые были установлены и изданы канцелярией (диван-хане)».

² Рачбар/ранджбар (перс. رنجبر) – социальный термин восточно-иранской и закавказской практики, обозначающий крестьянина-земледельца, находящегося в личной зависимости от феодала. В документах по истории Грузии и Ирана этим словом называли тяглого зависимого крестьянина, обязанного выполнять барщину и другие повинности в пользу владельца земли, то есть ближайший аналог русских терминов «крепостной» или «подданный крестьянин» в феодальных отношениях региона.

ханств, и оставались уже в одинаковом с ними положении. Все вообще рачбары не платили никаких податей, а только отбывают повинности». Как видно из этого отрывка, автор материалов отрицает существование «рабства», но, если мы глубже вникнем в содержание этого отрывка, то увидим, что рачбары находились не только в экономической, но и во внеэкономической зависимости от владельцев. Другая «Записка о правах беков», составленная в 30 годах XIX столетия открыто говорит, что когда вся земля заселена с древнейших времен выходцами и беглецами или рачбарами, исключенными из общественных поселенческих податей, то таковых людей можно продавать, отдавать в другие руки и закладывать. Эти явления, конечно, весьма существенны и характерны для крепостнических отношений. Кроме того, из того же источника мы знаем, что переселение крестьян из одной местности в другую было возможно лишь в тех случаях, когда беки притесняли и угнетали их, «без сего же ханы и ханам бекским, издревле на их землях поселенным, не дозволяли оставлять своих владельцев» (Акты VII, 473). Хотя шариат, как было отмечено выше, не разрешает порабощение мусульманина, но все же обход шариата был не так труден.

Духовенство, которое было союзником высших мусульманских сословий, при необходимости всегда могло найти реваят¹ и совершить «обман шариата» – حيله شر عية². Несмотря на существование явных признаков рабства и крепостничества, русские чиновники упорно отрицали существование крепостного права в мусульманских областях Закавказья. Еще ген. Ермолов говорил, что «между армянами и мусульманами нет крепостных людей»³. Это отрицание крепостного права у мусульман впоследствии способствовало тому, что, когда в 1864 году грузинское крестьянство было юридически освобождено, тюркское крестьянство не могло быть освобождено, ибо правительство не признавало существования крепостного права у мусульман.

Разбор ханских грамот дает возможность получить некоторые сведения по интересующему нас вопросу. Ханы, отдавая бекам деревни,

¹ В пер. с араб. ривайат – «повествование, рассказ, предание; версия». В исламском контексте – хадис, то есть предание о словах и действиях пророка Мухаммада.

² В пер. с араб. хила-йи шари'a – «законная уловка, юридическая хитрость».

³ Чтения в имп.[ераторском] Общ.[естве] ист.[ории] и древ.[ностей] российских за 1867 г., кн.[ига] III, стр.[аница] 141. (Прим. авт.)

в некоторых своих фирманах ставят условием, что «даругские доходы» и «دھیک عشر¹» или десятина не превышали «из буквы ее счета его (т. е. дестура-уложения)» и установленных законом и обычаем относительно других деревень². Однако, по некоторым фирмам видно, что ханы жалуют деревенские общества бекам без всяких условий и ограничений. Напр., Фатали хан (فتحعلی خان) в своей «تعليق»³ от мухаррема 1175 года пишет:

«Высочайше повеление о том, что пусть знает всякий из чиновников и рятов, что с обнародования сей высочайшей талаги приказываю, чтобы по прежнему обществу Деделу (جماعت ده لو)⁴ должно исполнять все службы (همه باب خدمتکاری بجا اورند)⁵ отличному среди своих Муртаза Алибеку. Подобно всем предкам во всех отношениях выявляли службу вышеупомянутому и с этой стороны знайте каждый и берите на свою ответственность».

Особенно часто встречается пожалование отдельных крестьян бекам и духовным лицам. Для иллюстрации мы приведем одну весьма характерную в этом отношении талагу, относящуюся к 1218 году: «Высочайший приказ о том, что Сахиблю, по прозвищу Куджа, освободив от всех податей и повинностей государственных, жаловали его для исполнения служб верноподданному Ака-беку, как только будет понято содержание сего (фирмана), никто из подданных каким бы то ни было образом не имеет права касаться сего⁶ (служителя), пусть его освобождают от всего, чтобы он спокойно был занят службой вышеупомянутому, не выходя за пределы писанного...». Подобные же жалованные грамоты получали не только беки, но и мусульманские духовные чины. Например, тот же Фатали в 1221 году в одном фирм-

¹ В пер. с перс. и араб. дих-йек ‘ушр – «десятина, одна десятая часть».

² В одном фирманде 1227 года говорится:

«از حرف حسابی او بیرون و تجاوز نکشته حنانچه قانون و عادت قرایای سایر دهات است...»
(Прим. авт.). В пер. с перс. – «и не выходя за рамки его финансовых предписаний и не нарушая их, как это является законом и обычаем для жителей других деревень».

³ Пояснительная заметка (перс. яз.).

⁴ В пер. с араб. и тюрк. джама'ат-и дада-лу – «община Дадалу».

⁵ В пер. с перс. – «все должны исполнять свои служебные обязанности».

⁶ Здесь употребляется характерное выражение «بیچ و جه من الوجه رجوع نمود»
(Прим. авт.). В пер. с перс. «никоим образом не возвращаясь / не обращаясь (к чему-либо)».

мане пишет: «высочайшее повеление о том, что жалуется великодушному, высокоименному, священному и высокому, лучшему из улемов, нашедшему убежище в святой земле (Хадже), хаджи Ибрагим эфендию Сухте Келе по имени Маасум. Как только будет получена сия высочайшая талага, пусть никто его не трогает (не обижает) и не ка-сается, представив его самому себе, пусть содействуют тому, чтобы он спокойно выполнял службу его славного. Этот высокодушный имеет право его посадить туда, куда пожелает. Пусть руководствуются сим»¹.

Пока мы не имеем подробных данных об отдаче ханами каким-либо лицам крестьян по несколько человек. Однако в «Записке» К.А. Зубарева, представленной гр. Паскевичу от 20 апреля 1830 г., говорится, что последний карабахский хана подарил Мадатову и его родственникам «12000 душ татар и армян» (Акты VII № 411).

Из всего сказанного ясно, что прав полковник фон-Ашеберг, который в 1831 году писал, что «здесь поселяне ничем не разнятся от наших мужиков»². Нет сомнения, что, несмотря на некоторые правового характера препятствия, как в последние годы ханства, так и после русского завоевания существовали крепостнические отношения.

Хозяйства азербайджанских помещиков были типичным крепостным хозяйством. Из недавно вышедших наших двух статей³ видно, что в сущности говоря, малые ханства представляли из себя ничто иное, как поместья ханов. Все крестьянское население шекинского ханства было закрепощено. Оно принуждено было работать в ханских имениях. Всякий полусвободный райт не был огражден, от того что в один прекрасный день не придет ханский нукер и не прикажет ему бросить все свое хозяйство и не заставит работать в ханских шелковичных садах. Что касается хозяйства мелких феодалов, то они также ничем не отличались от ханского, более крупного. После русского за-

¹ Талага начинается так: «حکم عالی شد آنکه چون معصوم نام سو خته را کله». Это место не совсем понятно, может быть второе прозвище отданного в распоряжение эфенди крестьянина (Прим. авт.). В пер. с перс. «Высочайшим повелением было приказано, что поскольку [некто] по имени Ма‘сум из, [по прозвищу] Сожженная голова (или: в сожженной шапке)...».

² Фонд Верх.[овного] груз.[инского] прав.[ительства], св.[язка] 27, д.[ело] № 301, листы 7–22. (Прим. авт.)

³ «Ханское и казенное хлебопашество» («Экон.[омический] Вестник Аз.[ербайджана]», № 1); «Из истории шелководства в Азербайджане» («Известия общ.[ества] изуч.[ения] Азерб.[айджана]», № 5). (Прим. авт.)

воевания сущность дела не изменилась. Вместо хозяйства ханов появились так называемые «Казенное сельское хозяйство» и «Казенное шелководство». Что касается мелких хозяйств беков, султанов и агаптаров, то они остались нетронутыми и продолжали существовать «по старине, как это было при ханах».

В начале русского управления была попытка урегулировать отношения мюлькадаров и крестьян, но, по существу, эта попытка была ничем иным, как узаконением уже существующих порядков, может быть, с некоторым облегчением положения крестьян подвластных мюлькадарам. Например, такая попытка была во время управления ген. Ермолова¹. В 1824 г. им² была издана для кубинской провинции следующая инструкция на двух языках. Более подробная инструкция нами была обнародована в нашей брошюре на тюркском языке. Для иллюстрации мы здесь приводим русский сокращенный текст:

1. Беки имеют право с каждого их посева взыскать десятую часть для себя.
2. Сверх того с каждого двора по одной рубе³ ячменя.
3. Ежели кто из них имеет хлебопашество, с каждого двора по шесть калей пшеницы.
4. С каждого двора по две арбы дров.
5. На два двора возложено в год доставить беку мякины или сена.
6. Десять дворов должны отдать по требованию бека в случае нужды одного работника.
7. Ежели беку нужно будет построить для себя дом, то в таком случае жители деревень вообще должны прийти работать для бека шесть дней.
8. Ежели случится беку когда-нибудь ехать в поход, то в таком случае жители должны отдать беку своему одну выючную ло-

¹ Ермолов Алексей Петрович (1777–1861) – российский генерал, герой Отечественной войны 1812 года, главнокомандующий Кавказским корпусом и управляющий гражданской частью на Кавказе в 1817–1827 гг.; отличился в войнах против Польши, Персии и Наполеона, проводил административные реформы и способствовал присоединению Закавказья к России.

² Фонд куб. коменданта, св. 1, д. № 2, лист 4. (Прим. авт.)

³ Возможно, речь идет $\frac{1}{4}$ доли урожая – «руб» («четверть»).

шадь, который по возвращении своем должен опять возвратить жителям.

9. Жители должны для обрабатывания хлеба одну лошадь отдать беку, который по окончании оного должен возвратить жителям.
10. Если бек задумает авраз, т.е. добровольное приглашение на работу, тогда позволяет жителям итти, но с тем, чтобы бек кормил их на свой счет.
11. Ежели бек пошлет кого-нибудь из своей стороны в свою деревню собирать принадлежащее ему по силе постановления погдать, то жители должны его кормить.
12. Каждый двор должен своему беку обработать три рубы чалтыка¹ в чистое сорочинское зерно².
13. Каждый двор должен доставить в год пять рубов хлеба для своего бека из деревни в крепость Кубу.
14. Бек имеет право взять к себе из своей деревни одного конюха, одного земледельца и одного прислужника. Впрочем приказывается всем здешним бекам сделать вышеизложенный сбор в вверенных деревнях не иначе, как по сему постановлению, но отнюдь не делать лишних требований.

VII

Выше было сказано, что Российское правительство после завоевания и уничтожения ханств не изменило старых устоев и продолжало жаловать деревни и кочевья то под видом управления, то под видом вознаграждения за особые заслуги разным лицам. Теперь мы желаем несколько подробнее остановиться на этом вопросе.

Нам думается, что Российское правительство едва ли нуждалось в беках и султанах для управления в завоеванном крае, ибо оно великолепно могло бы назначать на различные административные должностности наемных чиновников, совершенно не обеспечивая их поместьями

¹ Чалтык – восточное слово, используемое в Закавказье, Средней Азии и Дагестане для обозначения риса, а также отрасли сельского хозяйства, связанной с выращиванием риса на орошаемых полях.

² Сорочинское зерно (или сорочинское пшено) – это устаревшее русское название риса, использовавшееся до конца XIX века.

и деревнями. Но здесь очевидно существовали политические расчёты, что бы «мусульманская чернь» находилась в руках своих национальных поработителей, и в случае народных восстаний первый удар крестьянской дубины пал бы не на правительство, а на своих беков. Кроме того, Российское правительство верило в силу и влияние беков на народ, пока оно не убедилось на деле, что эти «аристократы» такого большого влияния не имели. Вот почему Российское правительство после завоевания края всячески старалось притянуть на свою сторону высшее сословие, и, отняв самостоятельность у карабахского Мехти-Кули-хана, подарило ему 10.000 крестьян, «имея ввиду доставление ему пожизненного содержания» (Акты VII № 413), что составляло почти 5/12 часть всего населения ханства.

После завоевания края Российское правительство, с одной стороны, или своим молчанием стало утверждать те старые талаги, которые были даны бекам старыми ханами, или же новыми талагами утверждало их прежние права, с другой же стороны, оно раздавало новые деревни, доходы крестьян. Даже талага сначала выдавалась так же, как и при ханах, на персидском языке, соблюдая стиль ханских грамот. В нашем Госархиве сохранилось несколько таких фирмансов, выданных некоторыми комендантами провинций. Вот одна из таких пожалованных грамот, сохранившаяся в русском переводе: «Жалуется мирзе Агмед-беку в халисы кочевые Мугани с их эйлагом и кишлагом, на которые он в прежние времена жил летом и зимою; вместе с тем также жалуется несколько дымов¹, именно: сыновья Абдуллы Шахман, Нури и Гусейн с его братьями в речбары, всего три души. Вследствие чего предписываю, что бы означенные жители во всех отношениях, признавая его своим беком, повиновались бы правильным требованиям и таковые исполняли всегда и никто не смел бы ему в том препятствовать, ибо он на это имеет право, дано сие от ширванского

¹ Дым – в историческом значении термин, обозначающий отдельный крестьянский дом, двор или хозяйство, а также налоговую единицу в Русском государстве, Великом княжестве Литовском, Закавказье и на Балканах.

коменданта князя Мадатова месяца магаррама¹ 1236/1820 магометанского летосчисления. Перевел Енов²».

Таким образом, автор вышеупомянутых «записок» чиновник Зубарев был прав, когда говорил, что «военно-окружные чиновники Карабаха и коменданты, почитая себя полновластными владельцами, раздавали селения, оставшиеся за казною, своим любимцам, не только бекам, но даже переводчикам, есаулам, купцам и другим простолюдинам, находившим средства приобретать благосклонность» (Акты № 411) Бывали такие случаи, когда крупная тюркская аристократия, получив от Российского правительства деревни и людей, под видом управления или награды за службу, раздавала их в свою очередь своим подчиненным и создавала тем самым новые вассальные отношения. Например, так поступил ген.-майор Мехти-Кули-хан карабахский. Тот же Зубарев по этому поводу писал, что «я уже прежде доносил, что хан намеревается раздать сии семейства (т.е. 10 000 душ) преданным бекам и намерение свое он уже приводит в исполнение» (Акты VII № 413). Обязанность этих вассалов у этого экс-хана заключалась в том, что «они были обязаны давать хану хлебные и денежные подати для собственного его содержания и для платежа дани России» (Акты VII № 411).

Как было замечено выше, раздача Российским правительством деревень бекам и мусульманскому духовенству производилась в политических целях. В этом отношении главная цель заключалась в том, чтобы ласками и пожалованиями склонить высшие мусульманские сословия в свою сторону. Например, после покорения кубинского ханства в 1811 году «в уважение усердия и испытанной ревности к службе его императорского величества, отданы были Асад-ага-беку Садыкову в управление казенные деревни, состоящие в Кубинской провинции», в этих 6 деревнях было 218 дворов³. Следующий документ может быть более характерным: «Командиру Апшеронского пехотного полка полковнику и кавалеру Мищенке.

¹ Мухаррам – первый месяц мусульманского лунного календаря, один из четырех священных (запретных) месяцев в исламе. Слово «мухаррам» буквально означает «запретный» или «священный». В этот месяц, по древней традиции, запрещалось вести войны и проливать кровь.

² Взято из фонда Шемах.[инской] бекской ком.[иссии]. (Прим. авт.)

³ Фонд куб.[инского] коменданта, д.[ело] № 402. (Прим. авт.)

Отличная храбрость, неутомимая деятельность и преданное усердие к службе государя императора, оказанное известным кубинским жителем Нур Мамед беком в прошедшие действия против неприятеля в Ширване и у Кубы, при общем возмущении жителей земли здешнего края, заставило по обязанности моей обратить особенное внимание на сего человека, сколько можно достойное. Входя в бедное положение Нур Мамеда и желая показать в народе, как уважаются заслуги верноподданных государя императора, и за показанную им верность службе, назначаю ему в управление шишпаринского магала деревню Гендаб и прошу ваше высокоблагородие ввести его во владение оной на общих правах, предоставленных кубинцам по управлению деревнями. Ген.-майор Краббе, 1 апреля 1827 года»¹. Вообще, русская военная власть любила вознаграждать беков за измену народу и стране. Например, в том же году подпоручик Джават-бек вознаграждается «за услуги и преданность к начальству российскому, в особенности за раскрытие заговора против русской власти»². Но в то же время Российское правительство отнимало деревни у своих противников, которых официально называло «изменниками», опираясь на то, что в мусульманских областях Закавказья не существует земельной собственности. Например, тот же барон Краббе отнял у «изменника» Касым-бека деревню Тагай, отдает ее Мирзе Абдул-Гусейну, оказавшему большие услуги Российскому правительству во время подавления восстания в кубинской провинции (там же лист 30).

Тоже самое проделывало Российское правительство по отношению к мусульманскому духовенству. Еще ген. Ермолов говорил в своих воспоминаниях, какое заботливое отношение было проявлено им после покорения ханств с целью поднять благосостояние мулл и даже были назначены жалованья, чего даже не было во время ханств³. Мусульманское духовенство после уничтожения ханств осталось тем же рабовладельческим классом. Например, в той же кубинской провинции в 1821–1826 года всего в руках владельцев-ренджберов было

¹ Ф.[онд] куб.[инского] ком.[енданта], св.[язка] 1, д.[ело] № 6, л.[ист] 27. (Прим. авт.)

² Там же, л.[ист] 304. (Прим. авт.)

³ М. Погодин, Ал. Пет. Ермолов. М., 1864 г., стр. 251–252. (Прим. авт.)

1358 душ, из коих 166 душ принадлежало ахундам¹ и эфендиям². После персидской войны 1828 года Российское правительство отнимало земли и лишало их жалованья за измену, а других, помогавших правительству, награждало³.

Российское правительство предоставляло высшему мусульманскому духовенству высшие должности, если оно помогало проведению своей политики. Например, тавризский муджтехид⁴ Ага-Мир-Фаттах был включен в состав «Комитета для устройства мусульманских провинций». Тот же высший духовный глава шиитов за свои заслуги во время русско-персидской войны получил от Российского правительства огромное имение, состоящее из 15 деревень, находящееся в плодороднейшей части бывшего ширванского ханства в сардаринском магале. Настолько это имение было важно, об этом свидетельствует то, что оно раньше принадлежало бежавшему родственнику хана Касим беку⁵.

Кроме перечисленных категорий крестьян, в Азербайджане существовали еще рабы. Чиновники Российского правительства после захвата страны, когда им приходилось заключать купчие крепости о купле и продаже таких рабов, слово «кениз и гулям» «рабыня и раб» переводили на русский язык словом «крепостные». Недавно нами написана небольшая статья «К истории рабства в Азербайджане», которая в скором времени появится на русском языке, поэтому на этом здесь не будем долго останавливаться.

¹ Ахунд – почетный титул и должность мусульманского духовного лица высшей категории, аналог судьи, имама, богослова или наставника в регионах Ирана, Закавказья, Центральной Азии и дореволюционной России.

² Там же, дело 1–11 лист 1. (Прим. авт.)

³ Ф. [онд] верх. [овного] груз. [инского] прав. [ительства], св. [язка] 17, д. [ело] № 203, л. [ист] 2. (Прим. авт.)

⁴ Муджтехид – в исламе высококвалифицированный богослов и законовед, обладающий правом самостоятельного толкования шариата (иджтихада). Это верующий, способный выносить юридические решения по спорным вопросам фикха (исламского права), обладая глубокими знаниями Корана, хадисов и исламской юриспруденции.

⁵ По этому вопросу бывшим студентом восточного факультета Субханвердишановым написан специальный очерк «Муджтехид-феодал», который в скором времени будет напечатан. (Прим. авт.)

VIII

Интересно проследить отношение беков и подвластных крестьян друг к другу. Пока, к сожалению, этот вопрос совершенно не разработан. Однако, те отрывочные данные, которые у нас имеются, указывают на то, что мусульманские высшие сословия относились к своим крестьянам весьма жестоко и дурно. Даже сами будучи крепостниками, русские чиновники замечали это. Например, ген. Ермолов в одном письме о кавказских высших сословиях, вообще, писал следующее: «Между многими из горских народов существует различие в состояниях, как то: есть беки (помещики, уважаемые по известной давности фамилии) и уздени¹. Люди сих состояний, находясь в самом грубом невежестве, в зверском разврате, не имея по роду жизни природы никаких занятий и случая добрым делом снискать уважение своих единоверцев, обратились к разбоям и хищничествам и в них наставляют храбрость и все добродетели или снискивают знаменитость. Привыкшие к рабственному повиновению подвластные им находят и собственную пользу и от того из народов сделались общества разбойников» (Акты VI, часть 1, № 44, стр. 33). Хотя эти слова и были сказаны относительно высших сословий Дагестана, но все же указывают на те нравы высших сословий, которые существовали в Азербайджане, о чем еще писал в своих произведениях тюркский писатель Мирза Фатали-Ахундов. Но тот же генерал дает характеристику и тюркских беков в своих «Записках» в следующих словах:

«В татарских дистанциях² – борчалинской, казахской и шамшадильской, агалары (род дворян) издавна присвоили себе такую степень власти над черным народом, что сей последний, свободный по состоянию и зависший от них потому только, что поручено им управление, обязан будучи некоторыми в пользу их повинностями, *сделался совершенно рабом* (курсив наш). Не было повинности определен-

¹ Уздени – историческое феодальное сословие на Кавказе, с тюркскими корнями, означающее «свободный», «благородный», «тот, кто живет сам по себе». В разных регионах Кавказа уздени имели отличные социальные статусы, от свободных землевладельцев и влиятельных князей до представителей духовной и военной знати.

² Дистанция – это территория, прилегающая к владению, с четко определенными установленными границами, которой владелец обладает правом владения, пользования и распоряжения в пределах закона.

ной, не было собственности, которые бы агалары не могли присвоить по произволу. Подати ими в казну были распределяемы. Увольняли от оной, кого желали, на других возложили по прихоти. Богатые из поселян избегали ее, тягость падала на одних бедных. Наложением штрафа собирали они большие деньги, никому отчета в них не давали... Каждому из агаларов, по знатности рода, по уважению в народе, по заслугам правительству, и, смотря на многочисленность семейств, назначена прислуга целыми семьями, которыми распоряжается он по произволу, употребляя в работу по своим домашним нуждам»¹.

Другой, более мелкий русский чиновник в своей «Записке», представленной ген. Паскевичу, писал следующее: «Татарские беки поступают жестоко со своими крестьянами, особенно с армянами: наказывают их телесно со всеми азиатскими зверствами, подчас даже убивают до смерти, берут непомерные штрафы». (Акты VII, № 411, стр. 461)². Так отзывались русские чиновники о беках и агаларах. Но если мы обратимся к тем жалобам, которые подавались турецкими и армянскими крестьянами Российскому правительству, то справедливость этих отзывов будет понятна. Для иллюстрации приведем следующее прошение крестьян, находящееся в Азгосархиве³:

«Перевод с прошения жителей д. Бурадыга в Талышское временное правление. Хотя мы подали оное прошение о деланных нам поручиком Мир Гусейн беком истязаниях, но он Мир Гусейн бек с тех пор начал нас еще более притеснять коего притеснения суть следующие:

1. Жителей нашей деревни Талиба рука бек оглы жестоко наказав палками набив на ноги колодку заставил несколько дней их копать неровные земли лежащие возле его диване, наконец взяв с них деньги освободил.
2. Житель Мулла Али Аскер есть молла нашей деревни, который занимается молитвой и ученьем детей имеет от оного правления

¹ Записки А.П. Ермолова. Часть II, Москва 1868 стр. 40. (Прим. авт.)

² Тот же чиновник Зубарев о произволе магальных беков в 30-х годах XIX столетия говорит следующее: «В елизаветпольском уезде магальные беки (управляющие селениями), не имея ни книг на записку собираемых ими с жителей податей и повинностей, ни инструкций, как должны поступать при взыскании оных, распоряжаются самопроизвольно, и следуемые от жителей подати и повинности собирают вдвое». Акты VII, стр. 36. (Прим. авт.)

³ Фонд военно-окружного начальника. Связка 17, г. 1832–33. Дело 41, лист 120–123. (Прим. авт.)

о том, чтобы никто не смел к нему касаться, ибо он не есть платежный крестьянин. Мир Гусейн бек наложил на него подати, когда молла селения хотел притти в оное правление и объявить о сем свою жалобу, то он Мир Гусейн бек не дав ему притти жаловаться взяв его на дороге наказал палками отбирал у него одного быка, отдал своему аскеру.

3. Али Гюль Зейни бек оглы с коего следовало взыскать в подати только три рубля серебром, а он Мир Гусейн бек арестовал его 10 дней в Ленкоране и отвлекал его от своей работы, наконец взыскал с него 7 руб. и освободил.
4. Девять человек мужского пола из крестьянских детей взял к себе из коих подарил трех прaporщику Джафар беку, 2 м/п. Надир Шабан оглы и Бакир Али Мамед оглы, женского пола одна девка Назы дочь Байрама, а остальных девять у себя в прислугах.
5. Житель Кербалай Абдин прежде был чапарином, Мир Гусейн бек взял принадлежащую ему одну хорошую лошадь и отдал другому под съезд в Ширванскую провинцию, которая на дороге пала, но Мир Гусейн бек не удовлетворил хозяина ни лошадью и ничем другим.
6. Взыскал с одной слепой женщины два кира чалтыка, кои состояние только заключалось в означенных двух кирах чалтыка и подарил вышедшему к нему из заграницы одному человеку, находящему ныне при нем.
7. Когда житель Аскер Закарья оглы выдал свою сестру замуж, то он с него взыскал два тумана, тогда как житель сей есть крестьянин и находится в бедном состоянии.
8. Когда житель Шахвирен Нейсан оглы выдал свою дочь также замуж, то он с него взыскал два тумана.
9. Мир Гусейн бек приказал жителю Касыму Тары Верди оглы чтобы он занимался его хлебопашеством, а как житель сей по малолетству не в состоянии был исполнить такового его приказания, то он взыскал у него деньги и освободил от сего требования.
10. Жителю Мамед Багири также приказал заниматься его хлебопашеством, а когда Мамед Багир внес ему пять ар'яру один батман табаку и полбатмана изюм, то он его также освободил.

11. Мир Гусейн бек поставил двух строгих магасылов¹ над домом жителя Али Мамеда Кербелай Абдин оглы, которые связали ему ноги и мучили его два или три дня и били его палками, когда Али Мамед спрашивал у магасылов за что именно его бьют, то они отвечали ему что он должен продать свою дочь и заплатить Мир Гусейн беку 10 туманов, наконец по ходатайству других взыскав с него только три тумана, потом его освободил.

Притеснения и стязания Мир Гусейн бека дошли до того, что всех таковых стязаний прописать не возможно не пропускает воду, принадлежащую жительским посевам через что жительские чалтыки² высохли и испортились.

Потому покорнейше просим оное правление не оставить сделать о сем законное дознание, ежели просьба наша окажется ложною, то наказать нас в пример другим, а ежели оное правление не сделает о сем распоряжение, то мы принуждены будем от притеснения Мир Гусейн бека разбежаться, ибо мы более не в силах переносить его истязаний.

Переводчик Садых Мирхмандаров».

Дальше идут 35 имен обиженных крестьян.

Чем дальше, тем больше замечалось обострение взаимоотношений беков и их крестьян. Это объясняется главным образом тем, что после завоевания Азербайджан стал входить в орбиту русского капитализма. Появился рынок не только внутренний, но и российский. Хотя этот рынок и раньше существовал, но внутреннее смуты, частью еще между ханствами, отсутствие правильного морского пути сообщения – все это не давало возможности правильному ходу торговли, не только внешней, но и внутренней. При таких обстоятельствахproduk-

¹ Магасыл – иск. от «Мухасыл» – административно-фискальная должность «сборщика податей/налогов» в мусульманских и тюркско-персидских системах управления, в том числе в ханствах Закавказья; Обычно действовал на уровне магала или округа по поручению бея/хана: вел реестры дворов и посевов, начислял и собирал натуральные и денежные повинности (ашр, арендные доли, оброки), контролировал сроки уплаты и применял меры принуждения.

² Чалтыки – множественное число от чалтык, то есть «рисовые поля» или «посевы риса», а также хозяйства и угодья, занятые рисоводством в Закавказье и на Северном Кавказе. В этнографических и аграрных описаниях XIX–XX вв. так называли орошаемые участки под рис, требующие постоянной подачи воды; выражение «сеять на чалтыках» означало заниматься рисоводством.

ты бекского хозяйства сделались ходким товаром не только внутри, но и вне Азербайджана. Что бы не быть голословным, здесь мы приведем некоторые сведения относительно вывоза в астраханский порт шелка:

В 1822 году вывезено было 1760 пудов = 28829,5 кил.
В 1823   »   »   »   »   2394   » = 39214,7   »
В 1824   »   »   »   »   3780   » = 61917, 9   »
В 1825   »   »   »   »   6030   » = 98773, 8   »
В 1827   »   »   »   »   5717   » = 93646, 7   » ¹

Внутренний рынок также рос потому, что вследствие прекращения войн и частых нападений врагов, вследствие роста городов, в виду развития торговли, потребность в с.-х. продуктах увеличилась. Вот по этим и другим причинам беки стали обращать серьезное внимание на доходы с имений. К этому же прибавилось то, что у самих беков, получивших разные чины, потребности в деньгах также росли. Все это вызвало страшную эксплуатацию подвластных крестьян, столь обычную для эпохи первоначального накопления. Кроме того, само Российское крепостническое правительство, не бросавшее склонности управлять «мусульманскую чернью через их же высшие сословия», шло на помочь этому растущему аппетиту мюлькадаров. Известно, что правительство Николая I, под давлением натиска и требованияния своих «мусульманских» братьев по классу, шло на помочь мюлькадарам. По совету и настоянию князя Воронцова 6-го декабря 1846 года был издан высочайший рескрипт, которым в ознаменование особой милости и благоволения к ханам, бекам, агаларам и прочим лицам высшего мусульманского сословия, а также «меликам из армян», повелено: 1) признать за всеми этими лицами право полной собственности на все те земли, «которыми роды их обладали во время присоединения к России и которые теперь находятся в их бессрочном владении»; 2) земли, отобранные у этих лиц, как населенные, так и ненаселенные, вернуть обратно и «утвердить за ними на правах полной собственности»; 3) агаларам бывших татарских дистанций «даровать», земли населенные, ненаселенные, бывшие раньше в их пользовании и отобранные у них в 1841 году и «утвердить

¹ В последние годы замечается уменьшение потому, что в предшествующие годы были восстания. (См. нашу статью «К истории шелководства в Азербайджане», «Известия об-ва изуч. Аз.», № 5). (Прим. авт.)

земли сии за ними на правах полной собственности»; 4) всеми этими землями каждый может распоряжаться, завещая и отчуждая их кому угодно, с тем только ограничением, что населенные земли не могут быть переданы лицу, не принадлежащему к высшему мусульманскому сословию, или не имеющему права владеть крепостными людьми по законам империи; 6) поселян, живущих на тех землях, оставить на местах настоящего жительства.

Дать им всем взамен разных названий: рапат, речбар, халисе, нукер¹ и т.п., одно общее наименование мюлькадар-табиги (т.е. подчиненные помещику), записав их в разряд государственных поселян, 7)² поселян этих обязать в пользу владельца земли разного рода повинностями в вознаграждение за пользование его землею, а владельцу представить полицейское управление поселянами, определив взаимные отношения владельцев и поселян особым положением, сообразным с древними нравами и обычаями³. Как видно из изложения содержания этого рескрипта этот акт правительства был ничем иным, как переворотом в области земельных отношений в мусульманских провинциях Закавказья. Этим актом была установлена земельная собственность, которая с юридической точки зрения не существовала здесь. Хотя крестьяне-турки и считаются государственными, но фактически они были закрепощены под тем предлогом, что они несут повинности и дают оброки за то, что поселяне пользуются барской землей. Две инструкции, изданные в 1847 году более уточнили эти крепостнические отношения и фактическое закрепощение крестьянства, веками считавшегося свободным, с правовой точки зрения. Хотя этот рескрипт и последовавшие за ним положения сделали переворот с юридической точки зрения, но фактически этими актами Российское правительство признало и закрепило то, что существовало с древнейших времен.

¹ Нукер – исторический термин монгольского происхождения для обозначения дружиинника, телохранителя и «военного слуги» при феодальном вожде; в XIV–XX веках широко употреблялся у народов Передней/Средней Азии и Кавказа для личной охраны начальников и как обозначение приближенных вооруженных людей.

² Указан пункт 6-й, по смыслу должен быть 7-й.

³ Полное соб.[рание] зак.[онов], т. XXI, № 20672. Мы взяли изложение этого рескрипта у Иваненко, стр.[аницы] 355–356. (Прим. авт.)

Вместо того, чтобы успокоить страну, как это, по-видимому, ожидало царское правительство, эти законы в конечном итоге только еще больше обострили взаимоотношения беков и крестьян, усилив классовые противоречия. Теперь беки, опираясь на «незыблемые права» собственности, сильнее стали эксплуатировать своих крестьян. Но и крестьяне уже не были теми «раятами паствой»¹, которыми они были до развития капиталистических отношений в стране. Они умели протестовать, даже, если придет случай, взяться за кинжал, только не хватало азербайджанского Пугачева, чтобы эти отношения вылились в открытое всеобщее восстание. Этому препятствовало наличие в стране такого фактора, каковыми являются штыки «дворянского царя». Однако нападающей стороной все же оставались мюлькадары. Растущий аппетит толкал их к чрезмерной эксплуатации. Беки стали, с одной стороны, захватывать те земли, которыми владели крестьяне и которые не были помещичьими, с другой стороны, – они старались записывать и тех крестьян, которые не были под властью их до этого. Наконец, беки заставляли крестьян работать и платить сверх норм, указанных в вышеупомянутых инструкциях.

Для иллюстрации только что нами сказанного, мы возьмем несколько конкретных фактов, основываясь на тех прошениях, которые мы нашли в Азгосархиве; однако, необходимо отметить, что собранные нами факты совершенно недостаточны для полного освещения вопроса, ибо они немногочисленны и весьма случайны, что зависит в значительной степени от природы нашего архива, куда попадали менее важные дела. Нет сомнений в том, что основные материалы могут быть отысканы в центральных архивах, где в большинстве случаев они сосредоточены. В пятидесятых годах XIX столетия управляющий шемахинской губернией ген. лейт. Васильев получил прошение жителей деревни Боргушат того же участка шемахинского уезда. Крестьяне означенной деревни пишут, что еще со времен владычества ширванских

¹ Раяты (ед. ч. района) – податное сословие зависимых, но лично свободных подданных (прежде всего крестьян и горожан) в мусульманских странах Ближнего и Среднего Востока; слово арабского «ра‘ийя» означает «стадо, паства». В Османской империи и на Кавказе этим словом обозначали налогоплательщиков-подданных, противопоставляя их военному и чиновному сословию (аскери), и именно в этом смысле «раятами паствой» – это образный перевод, подчеркивающий, что речь идет о «пастве» власти, о массе податного населения, а не о привилегированных слоях.

ханов «они владели казенною землей и отбывали до 1831 года казне все земельные доходы и повинности». «В сем 32 году, пишут они, по неизвестной нам причине возвратившийся из бегов житель селения Сарван Гаджи-Муса-бек Салим-султан-оглы начальством назначен был на время управлять нашим селением с тем, чтобы назначенные крестьяне отбывали до 1852 года все повинности в казну, что могут подтвердить». Но в 1852 году этот бек, воспользовавшись тем, что в комиссии о поземельных правах сидит его родственник, «по чувствам родства, Гаджи-Муса-бек получил ту землю и крестьяне были названы «подвластными». Тогда крестьяне были обложены, кроме даругалуха¹, другими поборами, а сам Гаджи-Муса-бек переселился в ту деревню «с целью обогатить свое состояние». Таким образом, этот бек из дарги² превратился в помещика и отнял большую и лучшую часть себе, говорят крестьяне, «нам принадлежащих хлебопахотных и сенокосных земель и насильственным действием своим Гаджи-Муса-бек довел нас до совершенной нищеты».

Приведем еще одно прошение аналогичного же содержания, относящееся к 1864 году, когда правительство после многократных объявлений о реформах, ни к чему не пришло, кроме назначения – вместо прежних магальных беков и дарга – выборных от селений управляющими деревнями и кроме отмены совершенно несущественной повинности «эврез». Прошение это написано на тюркском языке «священному присутствию янарала³ ширванского вилаята»

بنارالولایت شروان حضور عریضه دور عالیجان و بخدمت و دستگاه ساحب همایل⁴
от имени жителей деревни Поти (پوتى). Они пишут, что «Билял-бек,⁵ украв нас от списка раятов, записал нас к себе в халисы»

¹ Даругалух – собираательное обозначение административно-фискальных взысканий под ведением даруги (наместника-сборщика) в магале; не отдельный «налог», а комплекс поборов и мер принуждения к их уплате.

² Дарга – тюркско-монгольский термин со значением «начальник, старшина, управитель», родственно линии даруга/даругачи (ханский наместник, чиновник-смотритель). В широком употреблении дарга обозначает руководителя или начальника разного уровня – от главы округа/волости до начальника подразделения.

³ Искаженное от «генерал».

⁴ В пер. с перс. «Прошение в Высочайшее присутствие и на службу при дворе генерала вилаята Ширван, в присутствии...».

⁵ В пер. с тюрк. «Высокочтимому».

¹ بىزلىرى بىلەك رەيت دفتردىن سرفت ايدوب اوزىنە بىزلىرىن خالصە باز و بىدور . . . Он давал взятки и потому никто не слушал нас, хотя мы несколько раз обращались к начальникам. Ныне Билял бек умер, но остался его сын Рустем бек. Так, на основании документов, где написаны даты, известно, что мы у беков купили сад и землю». На основании этого крестьяне просят освободить их от власти бека. Далее поселяне перечисляют случаи угнетения, которые они претерпевают от бека. Они пишут: «Ежегодно Рустем-бек с каждой избы берет по 4 рубля в подворную подать, с каждого десяти домов берет одного нукера. В том случае, если крестьянин одинок в своем хозяйстве и не может быть нукером, то с таких берет по 50–60 рублей за каждого нукера»².

В шестидесятых годах бакинскому ген.-губернатору было подано прошение со стороны общества селения Хиял (или Хихял) шабранского участка кубинского уезда. В своем прошении крестьяне писали следующее: «Со времен управления страной персидскими шахами это селение не было отдано никому из беков, население его считалось государственным. После падения кубинского ханства крестьяне переселились в другое место и образовали новое село под тем же старым названием. Но земли в том новом месте было мало, по этой причине поселяне нанимали у соседних крестьян землю с условием отдавать им треть или четверть урожая. Но бек этого селения, у которого мы арендовали землю, нас стал считать своими подданными и стал требовать от нас даг'як³ не в обычном, но «в тройном или более количестве». Кроме всего этого, они платили казне, как официально считающиеся казенными крестьянами, 11 рублей с дыма, несли полагающиеся повинности, в особенности почтовые, ибо деревня находилась около большой дороги. Им было подано несколько прошений, но никто на них не обращал внимания. «Вопли, пишут они в конце прошения, от деяний рук доверенных сказанных беков и их самих доходят беспрестанно до небес, но, к сожалению, говорится в пословице: «Бог высоко, царь далеко», и что «беки с нас дерут кожу: если

¹ В пер. с осман.-турк. – «Они записали нас как подвластных Билял-беку, выведя нас из разряда халисных (казенных) земель, вычеркнув из реестра райата и причислив к его личному халисному владению».

² Дело бакинского губ. правления, 1 стол, 3 отдел, 1864 г. № 1849, лист 2. (Прим. авт.)

³ Дах-йак (см. предыдущ. комментарии).

начальство по каким-нибудь причинам оставит нас еще под игом их, то мы и семейства наши принуждены будем умереть с голоду». Наконец, представители крестьян заканчивают свое прошение следующими словами: «Мы умоляем ваше превосходительство снабдить нас теперь же предписанием или постановлением о самопроизвольных действиях этих беков по сбору с нас податей, впредь до разрешения настоящей нашей просьбы, ибо без подобного предписания нам очень затруднительно теперь вернуться в свою деревню, и считаем для себя лучшим умереть, чем попасть в когти их поверенных» (разрядка наша. А. Г.)¹. После этого прошения крестьяне означенной деревни опять несколько раз обращались с прошением об освобождении их.

Между прочим, весьма характерным является прошение их 1867 года, когда многообещанная Российской правительством реформа кончилась совершенно несущественными облегчениями, фактическое крепостное право было оставлено. Из этого прошения мы узнаем, что как тюркское крестьянство в средине XIX столетия и не было малокультурно, но не велико было и все то, что происходит в России. Они пишут: «узнавши все крестьяне Российской империи и во многих уездах Закавказского края (здесь вероятно речь идет о крестьянской форме в Грузии. А.Г.) по милости великого царя освобождены от зависимости помещиков, мы пали к царским стопам вашего императорского величества, осмелились умолять особу вашу настоящее прошение наше велеть передать в особую комиссию, учрежденную при Департаменте государственных имуществ о поземельных правах высшего мусульманского сословия или куда следует, для расследования всего вышепрошенного и об освобождении затем нас от зависимости беков и платежа в пользу их даг'яка»... Очень возможно, что слова об освобождении крестьян в России и в Грузии тюркским крестьянам были сообщены каким-нибудь адвокатом, писавшим это прошение, но все же эта осведомленность весьма характерна.

В 1868 году тот же Васильев получил еще одно прошение от «жителей бакинской губернии шемахинского уезда кабиристанского участка кочевья Караджузли, Сулеймана и Юсуфа Каракоча. В этом прошении мы читаем следующее:

¹ Фонд Управления земледелия и гос.[ударственного] имущества, св.[яз-ка] 209, дело не описанное, старый № 676. (Прим. авт.)

«Как было при бывшем владетельном хане ширванском Мустафе хане, равно так и после того до третьего года пред сим мы зимовали всегда на кишилаге, называемом Каракубез без всякой со стороны кого-нибудь помехи. Несмотря на это, однокочевец наш Хан-Киши Хаджи-Исмаил-оглы вздумал отстранить от того кишилага, а как племянник его Хан-Киши Гамазал-Мурзали юзбashi-оглы¹ состоял тогда над нами старшиною, то мы с ним, Хан Кишием тягаться не могли, тем более, что многие другие в этом случае ему потворствуют. За таким несправедливым завладением Хан-Кишием Исмаил-оглы мы, оставшись без средства к пастьбе своих животных, потеряли много баранов, лошадей и верблюдов, погибших на сумму 1000 рублей. Об этом хотя мы и жаловались начальству нашему, но удовлетворения еще не получили о возвращении кишилага Каракач. Поэтому осмеливаемся припасть к стопам нашего превосходительства, всепокорнейше просить благоволить повелеть, предписать кому следует по надлежащем удостоверении о справедливости настоящей жалобы нашей, сказанный кишилаг наш Каракач отобрать от Хан-Киши и возвратить его нам, дабы мы, пользуясь им по прежнему, занялись возделыванием о жизни нашего превосходительства. Прошение сие, со слов просителей, набело переписал Балаоглы Абдулла-оглы – سليمان و یوسف فراقورچ اوئلاريك دست خط بل ممک لرنە کوره من ابراهيم اسحق او غلنون توق لرنە کوره قول قويدم² – Шемаха июль 1868 г. –

Сохранилось еще более характерное прошение, поданное на имя того же Васильева, от жителей деревни Булатлу, кабристанского участка того же шемахинского уезда, написанное на тюркском языке почерком шикесте³. Содержание этого прошения следующее: в кабристанском участке был некий бек деревни Хамилду Мамед Гаджи-Исмаил-бек-оглы. Этот бек захватив крестьянские земли

¹ Юзбashi-оглы – тюркское родовое/отчествообразующее обозначение «сын юзбashi», где юзбashi – «начальник сотни, сотник, капитан» (буквально: «голова сотни», от тюрк. юз – «сто», баш – «голова»), а-оглы – «сын» в азербайджанской/османской традиции.

² В пер. с осман.-турк. «Согласно собственноручной записи Сулеймана и Юсуфа из деревни Каракоч, я, Ибрахим, сын Исхака, поставил подпись в соответствии с их подписям».

³ Там же, св. 107, дело Бак. губ. правления, I ст. III от. лист 223–224. (Прим. авт.)

пространством в 50 никаров¹, часть которых бек стал эксплуатировать в качестве сада, а другую часть, в компании с двумя персами, стал засевать чалтыком. Жители не раз жаловались, но суд разрешил дело в пользу бека. Впоследствии бек, не ограничиваясь тем, что он завладел землей, еще захватил и арык и стал требовать за пользование водой деньги. Некоторые не могли платить денег, и у них сожжены были все поля. В течение семи лет этот Мамед-бек за воду ежегодно брал по 100 рублей. Наконец, в 1862 году случилось следующее столкновение: на этой почве: житель деревни Булатлу Бикали Кули-оглы на поле орошал свои посевы без разрешения на то бека. В это время появился бекзаде² Джангир и стал браниться, а крестьянин ответил ему тем же. Тогда сын бека выхватил кинжал, набросился на крестьянина и нанес ему рану. Жители об этом действии заявили участковому начальнику Мехти беку, но он не стал защищать пострадавшего. В течение шести месяцев раненый крестьянин лежал больным и не мог поправиться. За лечение хирургу пришлось платить 50 рублей³. В то же время другой арык также незаконно был захвачен беком, и там

¹ Никар – местная мера площади в закавказских документах XIX в.; точный пересчет в гектары зависит от уезда/описания участка и в источниках колеблется.

² Бекзаде – тюркско-персидское родовое обозначение «сын бека», «происходящий из рода бека» (от бек «феодальный господин, правитель» + перс. суффикс происхождения -заде «потомок, рожденный от»). В закавказско-османско-иранской практике фиксировалось как элемент имени/фамильное прозвище и как социальный маркер принадлежности к беко-вскому роду; употреблялось и в формах бек-заде, бегзаде, бейзаде

³ اوينىك او غلانلارى بىزە چوخ ئىلەم تىدى توافقانلىپىلر دوششمۇك و دىخى
قىدرتىمىز يوئىدور كە پاشاھا اغۇمۇن قۇچى
نىستىمىز يىكەھىر و اھل عىبا لمزى سالخاھى بىلك و داروغا تون
و جىر سىنى حىدىن تجاور ايتىپىدۇر اىگەرمى باب اىومۇز اون اىكى
باب اىيە مەتھىز اولۇپ ازىسەكە دارو قالاردىن و جىر سىنى حىدىن تجاور
اىلىو اونا يومۇز اىكى باب اىيە مەتھىز اولۇپ ازىز كە دارو قالاردىن
(Prim. avt.)

В пер. с осман.-турк.: «Его сыновья причиняют нам много притеснений и несправедливости, и мы оказались в [тяжком] положении. У нас больше нет сил, чтобы [добраться до] великого падишаха и защитить свои семьи. Гнет и насилие со стороны даруги [местного начальника/сборщика налогов] перешли все границы. Наши двадцать дворов сократились до двенадцати, а из-за того, что гнет и насилие со стороны даруг превосходят всякую меру, [наши] десять дворов сократились до двух. Принуждение и угнетение с их стороны достигли предела...».

он поставил мельнице. Для того что бы показать, каким образом беки захватывали казенных крестьян и заставляли их платить подати, мы приведем еще один пример. В те же годы жители одной деревни того же уезда подали ген. Васильеву прошение, в котором жаловались на Али-бека Гарай-Султан-оглы. В этом прошении на тюркском языке крестьяне объясняют, что было 60 дворов раятов, платили они все подати и исполняли все казенные повинности. Лет тридцать тому назад, вследствие малоземелья, некоторые люди из этого общества за деньги купили земли у маафов деревни Гайратли, и на них занимались земледелием и косили сено; однако, местный бек Али стал с них взимать десятину говоря, что означенные крестьяне делаются его собственниками «халисами». В добавок к этому другой, Зульфугар-бек Искендер-бек оглы тоже предъявляет требование, что та земля, которую крестьяне купили у маафов, является его собственностью. Таким образом, крестьянам приходилось платить десятину бекам и подати казне. «Мы, говорят они в своем прошении, бедные оставаясь совершенно беспомощными...»¹.

Не только коренные беки, но и простые кулаки из раятского сословия очень часто, при помощи взятки начальству, получали приказ взимать с крестьян той или другой деревни подати, следовательно, получали права бекства. Таким образом, подобные факты указывают на существование сильнейшего угнетения крестьян беками в союзе с чиновниками. В 1863 году тому же ген. Васильеву было подано прошение от крестьян деревни Бакырлу, Ханчоубанского участка Шемахинского уезда о том, что «с древнейших времен, Бехши-али-оглы Аюз и Нури, сыновья Кукче, от поколения в поколение, от дедовских и отцовских времен считались с нами братьями-райтами»², но когда шло камеральное описание, то они дали деньги, кто их записывал (دفتر يازندا او زلر ينه بول ويروب بک ياز درو بدرلر) и двое из высказанных раятов «заставляли записать их в число беков» (ويروب پول او زلرن معاف) (ياز درو بدرلر), а другие двое были записаны маафами. Далее крестьяне

¹ В пер. с осман.-турк.: «Мы несчастные и бедные вынуждены платить налоги за три оставшиеся земли...»

² Там же, лист 233 (Прим. авт.). В пер. с осман.-турк. «из поколения в поколение, со времен отцов и дедов, они с нами – братья-райтты».

спрашивают: «Как может случиться, что всякое лицо, будучи раятского звания, если оно богато, может выйти из состояния раятов и войти в разряд беков?»

(داخل او لسون دولنلو او لسه نجه او لا بيليركه رعيت طلifice سدن هر كيمه رعيت لقين دن جارج او لوب بک سلکنه)

Наконец, крестьяне требуют, чтобы означенные ложные беки и маафы были опять зачислены в сословие раятов (там же, л. 186). Гнет от таких новоиспеченных беков был не меньшим, чем от коренных. Такие люди, не имея других средств к жизни и государственной службы, употребляли всю энергию для того, чтобы извлечь выгоды от бывших братьев по классу. 14 декабря 1856 года кавказский наместник получил прошение от жителей дер. Тагай, Шемахинского участка и уезда, в котором крестьяне писали: «Несколько лет тому назад Мирза Абдул-Гусейн был назначен даругою в нашей деревне, но по смерти его эту должность занимали его сыновья, которые делают нам большие притеснения, так что мы доведены до крайней бедности. Почекуя покорнейше просим ваше сиятельство приказать избавить нас от наших притеснителей – сыновей Мирзы Абдулы Гусейна. 30 сафара 1273 гиджры».

Мы привели здесь русский перевод с тюркского казенным переводчиком. В тюркском же тексте определенно говорится что притеснитель «сам является раятом» رجا اينكه او زى رعيت دور. Вообще переводчики, будучи сами из бекского класса, всегда смягчали некоторые выражения. Это явление заметно и в этом случае. В тюркском тексте вместо выражения «делают нам большие притеснения», написано: «Его сыновья делают нам большие угнетения и притеснения, мы потеряли силу, мы не в состоянии платить подати, прокормить семьи; угнетения и злодеяния даруги перешли границы, 20 дворов сократились до 12 дворов...».

Это дело тянулось до 1865 года. Департамент госимущества главного управления наместника кавказского в своем отношении к бакинскому ген. губернатору сообщил следующее: «Тагайцы должны оставаться в том положении, в каком они находились до подачи настоящего прошения, т.е. отбывать им те повинности поземельные, какие были предоставлены Мирзе Абдул-Гусейну до рассмотрения поземельных прав бакинской особой комиссией» (там же, лист 46–47).

Таких примеров угнетения беками тюркского крестьянства было весьма много. Даже из тех скучных материалов, которые сохранились в Азгосархиве, мы можем найти много подобных фактов. Нет сомне-

ния, что такие порядки естественно должны были привести к обострению классовой борьбы в этом крепостническом обществе при условии роста капиталистических отношений в стране. Однако, в нашем архиве пока нами не найдено крупных событий, напоминающих разинщину и пугачевщину, но те материалы, которые ясно указывают на рост бандитизма в стране и некоторое сочувствие к движению Шамиля, свидетельствуют о том, что тюркское крестьянство при наличии благоприятных условий не прочь было бы выступить в защиту своих классовых интересов. Правительство же держалось в то время такой политики, что убаюкивало население обещанием реформ и советовало крестьянству дожидаться рассмотрения земельных и иных вопросов в особых комиссиях, комитетах. Такие обещания в итоге, конечно, могли временно успокаивать население, однако эти комиссий ни к чему не привели. Даже если бы Российское правительство желало несколько улучшить положение крестьян, все же ничего нельзя было сделать, ибо политика Российского правительства «управлять чернью через высшие сословия» привела к тому, что многие должностные места были заняты беками и медиками, которые всеми мерами препятствовали реформам. Кроме того, солидарность коренных русских чиновников с местными помещиками была весьма крепка. Они, получая мзду от последних, конечно, не могли решать вопросы в пользу «черни». Беки заранее узнавали все то, что пишется против них крестьянам. Вот почему, когда поверенные села Исмаиллы и Диаллы, Шемахинского уезда, жаловались на нескольких беков в 1863 году за насильственный захват земель, которые «им доставались чрезвычайным трудом их предков, вырубкою и очисткою леса», то беки, одни из которых был царской службы прaporщиком, «узнали о поданном прошении через участкового заседателя и служащих при нем есаулов»¹.

Очевидно, дела, относящиеся к случаям прямых выступлений крестьян, которые несомненно имело место, сохранялись в центральных архивах, ибо такие вопросы разрешались не в самом Азербайджане, а в Тифлисе или же в столице империи. Несмотря на это, и в нашем архиве мы можем найти некоторые эпизоды борьбы. В фонде военно-окружного начальника (св. 7 дело № 41, лист 3) сохранилось следующее характерное прошение, относящееся к 1846 году, крупного

¹ Ф.[онд] Управ.[ления] Землед.[елия] и гос.[ударственных] им.[уществ], дело бак.[инского] губ.[ернского] упр.[авления], стол 1, отд.[еление] 3. (Прим. авт.)

помещика поручика Бакиханова, написанное по-русски и подписанное по-арабски, но весьма неграмотно. Мы приведем это прошение целиком:

«Кубинскому уездному начальнику, господину капитану и кавалеру Лаврову, поручика Бакиханова прошение.

Заметна от крестьян моих, жителей деревни Ростов, некоторые противозаконные действия, равно и медленности в отбывании податей и повинностей, мне следуемых, 31 числа декабря прошлого года отправился к ним собственно для прекращения водворившихся между ними беспорядков и чтобы принудить их к отбыванию безотлагательно службы. Собрал к себе тамошних жителей, начал первоначально узнавать о причинах всего вышеупомянутого и при том усовещевать говоря, что за подобные действия и беспорядки, законом запрещенные, подвергнутся они строжайшему наказанию, и когда приказал им немедленно очистить весь недоимок, то из них Бадри Ага Исмаил оглы отозвался, что они исполнить приказание мое не намерены, пока не получат на подданное им, будто бы начальнику области прошение, о чем мне не было известно ничего. За таковой его дерзкий отзыв, приказал его взять, но в то время другой, Самад Мамед оглы, заступившись за него, громким голосом закричал при обществе: «Не давайте взять Бадри Агу!» при том сам, обнажив кинжал, намеревался бежать, но я приказал их схватить и взять в город Кубу. Удостоверившись во всех их поступках и намерениях, остановился принятием дальнейших мер, имея в виду правосудие и распоряжение начальства; ныне считаю необходимым и имею честь представить при сем вашему высокоблагородию означенного Самада, как первого возмутителя жителей, и покорнейше прошу в пример прочим подвергнуть его законному наказанию. А дабы жители дер. Ростов воздержались бы от подобных действий и исполняли обязанности свои, не оставьте сделать ваше начальническое распоряжение. Поручик Бакиханов».

На этом же прошении рукою начальника карандашом написано следующее: «Ростовцы явились сегодня ко мне, вследствие требования моего, для объяснений по их жалобе начальнику области на притеснения от Абдуллы Аги, объяснили мне, что владелец их требует от них гораздо более, нежели следует от них по инструкции, обижает их, наказывает и вообще притесняет их так, что они... (неразборчиво),

и что они неоднократно хотели жаловаться мне, но их не допускали владельцы (подпись неразборчива)».

Прежде чем изложить, чем этот «бунт» кончился, мы обратимся к поданному в ноябре 1846 г. прошению крестьян, которое сохранилось на тюркском языке.

«Много времени прошло с тех пор, как Абдулла-бек сын Алиджа Мирзы Мамед-хана после смерти своего отца был назначен над нами даругой. Но в течение этого времени он совершил над нами много притеснений, угнетений и истязаний. Во-первых, раньше мы работали для него шесть дней, а теперь заставляет работать 12 дней. Во-вторых, заставил нас сделать для себя три сада. Первый из них размером сто, а другой 50 третий 60 руб. Места вышеуказанных садов раньше были покрыты лесом, который нас бек принудил вырубить и корчевать пни, заставил нас копать ямы. Эта повинность была указана и в инструкции. Но он принудительным способом заставил сделать сад и для себя. Все травы вышеуказанных садов он заставляет косить и убирать. В-третьих, наша десятина Абдулла-беку раньше была с каждой избы ежегодно две кили¹, а теперь берет две рубы². В-четвертых, по инструкции раньше из фруктов ничего не платили, а теперь берет и из них. В-пятых, раньше Абдулла-беку давали по шести чувалов³ соломы с каждой избы, а в том случае, если не было соломы, то с каждой

¹ Кила/кили на Кавказе – это, как правило, местная мера объема или веса зерна (по сути, «мешок/сосуд определенной емкости»), но ее точный размер сильно варьировал по регионам и эпохам и в источниках фиксируется по-разному. Формула «с каждой избы ежегодно две кили» тогда означает натуральный оброк или подать: с каждого домохозяйства обязаны были ежегодно сдавать государству или владельцу земли два стандартных «мешка-меры» зерна (или другого сыпучего продукта), причем реальный вес этих двух кили можно уточнить только по конкретному региональному нормативу, указанному в источнике.

² «Две рубы» – вероятно местная мера веса/объема типа мешка (по-видимому, региональный вариант от араб. ар-руб⁴ – «четверть»), то есть определенного количества зерна. Тогда фраза «а теперь берет две рубы» в продолжение «две кили с каждой избы» означает замену одной натуральной подати другой: с каждой избы взимают не два «мешка-килы», а два «мешка-рубы».

³ В кавказских реалиях «чувал» употреблялся как большой мешок для зерна и одновременно как фактическая мера количества: один чувал мог соответствовать примерно 5–6 пудам, и в торговых актах фигурировали обороты вроде «несколько чувалов пшеницы/муки».

избы брал по стару¹ масла, а теперь у тех, у которых имеется солома, берет солому, а если нет, то берет деньгами по одному рублю с каждой избы. Кроме того, с каждой избы брал деньги за дрова по 4 аббаси², а теперь берет 50 коп. Раньше он с нас брал «бил-пули»³ с каждого по пяти аббаси кубинскими деньгами, а теперь берет 50 к. В-шестых, нас заставляет косить сено, но так как мы не люди долин, то на сено-косе погибает много народа (очевидно из-за малярии. А.Г.). Вдобавок к тому, от каждого двух изб требует одну телегу, на которой заставляет возить в город свой ячмень, пшеницу и солому. Противозаконно ежегодно берет с каждого дома по 3 рестара масла и заставляет нас возить с берегов Самура камни и строить для себя дом, заставляет насильственным путем строить также мельницы и для этого свозить материал. Кроме того, он поставил было четыре головы скота в наши дворы, они были украдены кем неизвестно, а он заставляет платить нас за них. В-седьмых, в нашем селении имеется 12 казенных дворов, которые платили подати государству. Вот и крестьян этих 12 дворов, которые не были его нукерами, Абдулла-бек прикрепил к себе. Только тогда их он освободил, когда они заплатили ему 50 рублей. Кроме того, берет наших жен и заставляет их работать в своих прядильных и ковровых мастерских. Положено было, что бы мы давали ему только одну рабочую лошадь, а теперь берет четыре. Иногда эти лошади возвращаются к хозяевам, а часто погибают, а мы сами прикреплены к почте. Кроме того, он насильственно дает нам свой гнилой и пустой чалтык, а взамен этого он берет у нас хороший. В-восьмых, мы за 150 рублей купили клочок земли, а Абдулла-бек у нас взял 100 рублей, обещав, что он у начальника возьмет купчую крепость на эту землю, но купчей не взял и денег не возвратил. Кроме того, с этой купленной нами земли он взял 100 пуд. пшеницы и с нас взял 300 рублей штрафа за случившиеся между нами скандалы (очевидно в качестве судьи).

¹ Вероятно, местная мера веса.

² Аббаси (абаз) – персидская серебряная монета, широко ходившая на Кавказе; 1 аббаси весил около 7,7 г серебра и равнялся нескольким мелким денежным единицам. Формула «по 4 аббаси» в налоговом контексте означает денежный взнос в размере четырех таких монет с единицы обложения (двора, избы, участка и т. п.), то есть переход от натуральных податей (килы, рубы, стара, рестара и др.) к фиксированному денежному эквиваленту в «четырех аббасах».

³ То есть, наличными деньгами.

А.Г.). Этими немилостивыми отношениями содействовали два сатанинских духом одаренные человека... Вследствие этих угнетений мы пошли жаловаться к своему участковому начальнику, а он не дал ходу нашей жалобе. Потом указанный Абдулла-бек избил нашего муллу и оскорбил его, арестовал трех наших односельчан и освободил их только тогда, когда они получили по 50 ударов розгами. Он уволил избранных нами аксакалов и назначил на их место других, а вместо нашего муллы назначил нового муллу и привел три отряда караульных нукеров; их лошади «съели весь корм, предназначенный для нашего скота, от чего наш скот пришел в состояние гибели...».

Однако, подобными мерами, розгами, арестами, назначением новых своих проповедников и шпионов-мулл, Абдулла-бек не мог сломить сопротивления своих крестьян. 21 февраля 1847 года представителям этих крестьян удалось явиться в Шемахинскую палату госуд. имущества с прошением, в котором они подробно изложили о своем рабском положении. Вместе с тем им удалось послать другое прошение наместнику кавказскому, в котором они доказывали, что Бакиханов не только не должен угнетать их, но и не имеет права владеть и управлять ими. Не дожидаясь ответа, крестьяне продолжали действовать и другим путем. Сам Бакиханов, в своем рапорте уездному начальнику капитану Лаврову, от 27 апреля 1847 года, говорит, что 28 сего месяца старшина деревни Ростов объявил, что население этого селения творило большую смуту и незаконные действия: сожгло бекскую усадьбу, амбары, дома и др. Кроме того, старшина писал, что на этих днях от них можно ждать более серьезных действий, ибо каждый крестьянин ходит вооруженным. Бек в своем рапорте указывает на важнейших зачинщиков движения («изменников»). Наконец, угрозы бека и действие беку со стороны местного начальства, оказали свое действие. Вот почему кубинский уездный начальник получил следующее заявление: «Мы, ростовские жители, раньше подали прошение великому падишау об угнетениях наших господ (ага), и в отношении своим мы, ростовское общество, причинили беспокойство нашим господам, и мы, обязуясь исполнять впредь работы наших господ по инструкции, подчинились, и никогда не будем на них жаловаться... и господа наши согласились».

Из разобранных нами дел, хранящихся в Азгосархиве, видно, что кубинский уездный начальник, получив такое заявление крестьян,

прекратил дело. Однако, это дело уже вышло из сферы власти кубинских местных властей и перешло в ведение дербентского генерала-губернатора, который нашел, что поступки помещика Бакиханова, нарушавшие инструкции, изданные еще ген. Ермоловым, являются незаконными. Кубинский уездный начальник даже получил «замечание» за то, что прекратил дело без разрешения на то высших властей. Таким образом, даже высшие чиновники мирового жандарма – Николая Первого нашли поступки бека незаконными.

Борьба бакихановских крестьян со своими беками продолжалась и в 60-х годах XIX столетия, ибо этот «классовый мир» был лишь искусственной передышкой. В 1861 году кубинский уездный начальник, в своем рапорте бакинскому ген.-губернатору, писал, что в апреле того же года жители селения Зенгиджани обратились к нему со словесной жалобой на Ахмед-агу Бакиханова за присвоение принадлежащего крестьянам участка земли. Чиновник, обследовавшие это дело, нашел, что участок этот принадлежит не крестьянам, а Бакихановым. Но крестьяне упорствовали и обратились еще раз к начальству, доказывая, что участок принадлежит им. Вместе с тем они преступили к активным действиям: стали самовольно вспахивать землю. 15-го апреля того же года ген.-лейтенант Джадар-Кули-ага Бакиханов подал уездному начальнику словесную жалобу, «что зенгиджанинцы самовольно распахивают земли, принадлежащие ему»¹.

Некоторые, не признающие в тюрко-татарском мире существования классовой борьбы и признающие, что «наша история идет своей особой дорогой», могут сказать, что эти обострения классовых соотношений произошли только после российского владычества, когда «нравы стали портиться». Что бы показать ошибочность этой наивной мысли, приведем еще один эпизод, который произошел в начале XIX века, когда еще процесс завоевания не был окончен. В фонде кубинского коменданта Азгосархива сохранилось «дело о приведении крестьян деревни Гасан-кала полковнику и кавалеру в повиновение»². В 1811 году «во уважение его усердия и испытанной верности к службе его императорского величества» полковому асессору Ага-

¹ Там же (крестьянские дела), 1864–1865 годы, св.[язка] 208, дело по старой описи № 163–165, л.[исты] 1–2. (Прим. авт.)

² См. I, дело 3. (Прим. авт.)

беку Садыкову «отданы были в управлении» казенные деревни, находящиеся в кубинской провинции, а именно: Ксафханы, Мирза-кент, Ксады, Габиб, Зергели, Худат-Надыр и Заргалы, в которых было всего 215 дворов. Этими деревнями бек должен был управлять пять «точно так же, как управляли другие беки по обычаям той земли, т.е. он, платя с их деревень все следующие в казну подати, пользовался одними только положенными обычаем кубинской провинции выгодами от сих казнных крестьян за управление ими, не требуя никаких лишних повинностей и малейше не утесняя жителей». Помимо, этих деревень, тому же лицу удалось получить еще одну деревню, Гасан-кала, состоящую из 24 дворов, из коих 8 дворов было оставлено в распоряжении казны. К 1815 году население возросло уже так, что в то время под управлением Агабека было не 215, а 336 дворов. Кроме крестьян казнных у этого же бека были еще и ренджбера (рачбары), с которыми всего подчиненных было 353 двора. Эти крестьяне находились под ужасным гнетом бека. Даже кубинский комендант в своем донесении военно-окружному начальнику в Дагестане ген. барону Вреде пишет следующее:

«Жители селения Асан-Кала целым обществом подали ко мне прошение, в коем объясняют, что подполковник Агабек (он получил уже такой чин. А. Г.) их привел их в крайнее разорение, что сия деревня вовсе ему не отдана в подданство. Сие прошение подлинным вашему превосходительству представляю на благоусмотрение и доношу, что по обследованиям моем насчет поборов, чинимых господином Агабеком описанные в нем обстоятельства достойны вероятения». В конце рапорта комендант еще прибавляет следующее: «Не одно сие селение Асан-кала имеет утеснение от безмерных налогов Садыковым, но все селения, в управление его порученные, ропщут и жаловались описанному деревни подпоручику Мамедову, дабы он донес мне, боясь лично передавать с жалобами на г. Садыкова, как на такого чиновника, который имеет особенное благораспоряжение кубинского правления. Сколько мне известно, г. Садыков берет по самого беднейшего по 15, посредственного по 25, и богатого по 40 коп. ханскую монетою, здесь не исключаются собственные Садыкова посевы и прочие налоги».

Русский чиновник, перечисляя те притеснения, которые делал Садыков продолжает: «Он, Садыков, присвоил себе казенных кишлагов 47 и ейлагов 3, с которых имеет сбор баранов свыше тысячи и ягненков толикое же число. А откупщик вносит в казну деньги, и жители, нанимающие оные в совершенное разорение себе платят обоим вдвое. Сверх всего оного, г. Агабек присвоил доходы и доходами пользуется без всяких позволений правительства... Объяснив вашему превосходительству все, что мне известно, жители упомянутого селения Асан-Кала, падая к ногам, просили избавиться от угнетений и подданства Ага-бека Садыкова, через поборы и налоги которого они вошли в неоплатные долги и разорение».

Жители Гасан-кала, находясь под таким гнетом бека, наконец, сами вышли из повинования и перестали платить ему подати и исполнять его работы. Подобно тому, как это было с бакихановскими крестьянами, под угрозами бека крестьяне Гасан-кала выдали расписку о том, что они будут повиноваться. Касательно подписи, ими данной Ага-беку Садыкову, они объяснили, что дали ее «по совершенному принуждению от правительства кубинского», писал один чиновник по этому поводу. «Они были наказаны и отосланы к нему, Садыкову, в дом, где он насильственным образом вынудил оное, угрожая побоями и истреблением совершенным» (там же, лист 3–4).

Однако, крестьяне и после этого не прекращали борьбы. По этому поводу кубинский комендант писал барону Вреде следующее: «После приказания, данного вашим превосходительством старшинам деревни Гасан-кала о повиновении господину полковнику Агабеку Садыкову, получив от сего последнего жалобу, что жители упомянутой деревни по-прежнему несут ему по праву дарги повинностей, я командировал магального наиба и подпоручика Казарова для приведения жителей в повинование, но они не только его не исполнили, но, скрываясь в лес, сказали, что они приказания вашего превосходительства и моего не слушаются. Получив о сем донесение предупредил, что если они не водворятся и не явятся в суд, тогда признаны будут бунтовщиками. Хотя сего числа кетхода¹ с ...человеками прибыл в Кубу, но не хотят нести повинности, а прочие явиться.

¹ Кетхода/кетхуда, кетхуда (от перс. کادخداد [kadkhudā]) – титул и должность «старосты, управителя, распорядителя», буквально «глава дома/хозяйства».

Почему, задержав (арестовав) пришедших, послал муллу уговорить (курсив наш. А.Г.) народ. Вашему превосходительству почтительнейше донося о таковом происшествии, имею честь объяснить, что всему причиной есть известные вашему превосходительству тамошние жители Паша и... (неразборчиво), которые прислали магальному беку сказать, что не явятся в деревню и не будут слушать, а потому я буду стараться поймать их для... (неразборчиво) строгому наказанию по законам, ибо если бы таковой простить им и жителям деревни Асан-Кала, тогда сие послужило бы поучением к другим вредным для правительства поступкам, да и прочие поселяне получают худой пример. Мая 1921 года»¹.

Таково было положение крестьянства в Азербайджане, таковы были их отношения к бекам в XIX веке.

¹ Фонд куб.[инского] ком.[итета] св.[язи], 1, дело № 2, лист 11. (*Прим. авт.*); Указанная дата «1921» – судя по всему, опечатка.

ВАКУФНЫЕ ИМУЩЕСТВА АЗЕРБАЙДЖАНА

I

О вакуфных имуществах Азербайджана мы имеем некоторые, хотя и отрывочные сведения по фонду азербайджанского машихата за 1919 и 1920 гг. Вакуфные дела этого фонда сосредоточены в двух специальных делах Госархива (№ 63 – 1919 г. и № 6–1920 г.). Сведения в них о вакуфах довольно неполны, сметы и отчеты не всегда ясны, доходы и расходы порою смешаны, о некоторых вакуфных имуществах иногда имеется несколько экземпляров описей, мало между собою совпадающих, а иногда недостает важных сведений. Пришлось собрать казавшиеся более важными данные по этим отрывочным и неточным сведениям, сверять их между собою и выбирать из 23 экземпляров более правдоподобные из них. Сведения имеются, главным образом, о вакуфных имуществах городов Баку, Ганджи, Шуши и других.

Вакуфными имуществами Азербайджана владели вакуфные же мечети, которые подчинялись духовному управлению – машихату, а последний, в свою очередь, был подведомствен министерству исповеданий. Машихатом эти сведения были собраны по приказу министерства исповеданий, по всей вероятности, с целью объединения управления вакуфными имуществами и урегулирования получения дохода в пользу государства, иначе – реквизиции в государственную пользу духовного имущества.

Вакуфные недвижимые имущества Азербайджана состояли из имений, фруктовых садов, пахотных земель, сенокосов, выгонов и мелкого движимого мечетного имущества, приносимого верующими.

Вакуфные же имущества гробниц, мусульманских святых Биби-Эйбат и Хакима-хатун составлялись исключительно из вещей, приносимых верующими по данному обету¹ تزّر, как ковры, материи и др.

Сведения о вакуфных имуществах изложены нами в следующем порядке: 1) наличный состав вакуфного имущества, как غير متفله², так متفله³ – вакуфы какой-нибудь мечети; 2) размер земельной площади данного вакуфа; 3) если имеются сведения, то стоимость имущества; 4) общая сумма расходов и доходов и разница между ними (положительная и отрицательная), 5) дата вакуфодарения и имя вакуфодателя. При этом цифровые данные о вакуфах (доходы и расходы) оставлены в валютах 1919 и 1920 годов.

Оставшиеся после израсходования полученных доходов суммы, как видно из смет, предложений и отчетов, расходовались на достройку мечетей, поддержание их в порядке, на обучение детей в школах при мечетях, а также сдавались в банки. Иногда на наличные деньги мечеть покупала какой-нибудь товар с целью увеличения капитала вакуфных имуществ.

Вакуфодателями обыкновенно являлись богатые ханские или бекские роды, а иногда, может быть, и купцы. Вакуфы дарились обыкновенно по духовному завещанию и оформлялись духовной властью⁴.

Бывали случаи, как мы увидим ниже, что царское правительство снова возвращало часть имущества, порою слишком большую его часть, родственникам вакуфодателя, по их многолетним стараниям, после судебного разбирательства в судебных инстанциях, или же крестьянам окрестных сел вакуфных имений. Случалось, что вакуфные мечети кормили обедневших родственников или потомков вакуфодателей.

По сообщению некоторых казиев, которые доставляли сведения о вакуфных имуществах Азербайджана, во время мартовских событий погибло почти все делопроизводство о вакуфах – этому же способствовала и эвакуация банков во время занятия Баку импералистами.

Были и такие мечети, которые имели свои вакуфные имущества в других, более отдаленных губерниях, а в своей губернии не имели

¹ В пер. с осман.-турк. «назр» – обет, торжественное обещание совершить благое дело, данное Всевышнему.

² Движимое имущество. (Прим. авт.)

³ Недвижимое имущество. (Прим. авт.)

⁴ Госархив, ф.[онд] машихата, д.[ело] 63/1919 г., л.[ист] 39. (Прим. авт.)

их вовсе. В целом ряде городов, как мы увидим ниже, а также в их уездах вовсе не имелось вакуфного имущества.

Вакуфная мечеть в городе Баку, в приходе Байрашлар, под названием Касим-бек, пожертвованная или построенная Касим-беком Манаф-оглы, имела следующие недвижимые вакуфные имущества: одну баню и два каменных, покрытых киром магазина, из которых один в 11, а другой в 5 растворов, в общей сложности размером в 326 кв. саженей или 1484 кв. метра, и имение в местности, называемой Уч-тэпэ, в бакинском уезде¹.

Ей же принадлежало и одно владение² Общий размер площади имения Уч-тэпэ составлял 1546 десятин или 1689 гек.[аров] 46 кв.[адратных] метр.[ов] земли, из которых пахотной земли: один участок – 1175 дес.[ятин] 2360 кв. [адратных] саж.[еней] или 1284 гект. [ара] 7615 кв.[адратных] м.[етров], другой – 232 дес.[ятины] 1600 кв. [адратных] саж.[еней] или 264 гект.[ара] 1882 кв. [адратных] м.[етра], а остальная земля непахотная – 137 дес.[ятин] 840 кв.[адратных] саж. [еней] или 150 гект.[аров] 549 кв.[адратных] м. [етров]

Магазины и бани сдавались в аренду, от которых мечеть имела в своей «казне» ⁴ خزینهٔ⁴ наличные деньги и процентные бумаги в банках. Весь доход 1919 г. выражался в 187729 рублях. К этой сумме следует прибавить сумму в сто тысяч рублей, увезенных в это время из государственного банка англичанами. В докладе бакинского казиия в машихат и министерство исповеданий об этих увезенных суммах читаем:

¹ Там же, д.[ело] 63/1919 г., л.[ист] 38. (Прим. авт.)

² В делах имеется несколько духовных завещаний о пожертвовании владельцами в вакуфное владение лавок. Типичную форму вакуфного завещания мы имеем о дарении двух лавок.

۱۹۱۸ءی ایلک دیکابر آئنک ۱۹ گوننده جعفر اوف فراق مسجدتک جنبندہ ۲ دکان

.....قبله ی اول، شریف محرم ابراهیم عباسی او غلی وقف ایدو بدر شمالی مسجد حیاطی دور همین دکانلاری وقف ایندوم قزاق سیحده، باخچه هاشکه صرف او نیسنه: محاذه موزن لاهه خیل یه

В этих дарственных вакуфных записях точно указывались: дата, место, границы, пределы, название владения, владелец и цель вакуфа. (Прим. авт.)

³ В транскрипции «Бир мулкидар».

⁴ В транскрипции «Хазине».

آذربایجان
جمهوریتی مشیخت اسلامیه اداره سی نمره ۲۲۹۰. ۲۵ تشرین اول ۱۹۱۹ سنه ایش
۱۷/۱۹

آذربایجان جمهوریتی ادیان و مذاهب نظارت جلیله سنه یونگله باکو قاضی سنک باکو قاسم
بک موقوفاتندن بوز بیک روبله دن فاضله پار اسی انگلیسلر پادشاهق بانگندن آپارمش اولد
یقانینه عائد مشروحه سنى مقام سعیلار گزه قیم ایده رک بو باید لازم گلن تدابیر حکیمانه و
تشبیثات خداسندانه لرینه عرض ایلز صحیدر کار گذار

مشیخت اداره جلیله سنه باکو قاصیسنک طرفندن معروضه
۱۹۱۹ نجی سنه ۲ ایلوله آذربایجان غزته سنک (۲۶۷) نجی نمره سنده معلومات ویر
مشدیم اینگلیسلر باکون چقدیقانی وقت اوزلری ایله پادشا هلق بانکنی آپار دیقده قاسم
بک موقوفه سندن منکور بانکه اولان بوز میندن زیاده مبلغی دخی آپار مشدیار بو وقته دک
او بانک باکویه قایتار لاماسندان بر معلومات یوقدر بونیله مشیخت دایره جلیله سنه
معروضه تقديم ایده رک بو باره ده نه کبی تشبیثانده بولونا جفلری اوز وظیفه مقدسه لریدر
۲۳ تشرین اول ۱۹۱۹ سنه.
با کو قاضیسی آخوند عبدالرحیم^۱

Следовательно, всех наличных денег этой мечети было 287729 рублей. На эту сумму мечеть содержала своих служителей, поддерживала в исправности мечеть и ее двор, платила налоги, содержала вакуфную комиссию, наследников (وارث)² вакуфодателя, уплачивая им пособие. Весь расход ее составляли 19.400 рублей³.

¹ В тексте говорится о рассмотрении прошения Касым-бека Муфукова властями Азербайджанской Республики в октябре 1919 года. Прошение касалось установления надзора за могилой Бюнкяхского Касым-бека. Документ состоит из двух частей. Первая часть – заключение Религиозного отдела Баку от 23 октября, которое ссылается на некий «английский документ» и подтверждает наличие оснований для жалобы у Муфукова. Однако отдел констатирует, что в местных архивах нет дополнительных сведений для подтверждения или опровержения требований. Вторая часть – резолюция вышестоящего Отдела по делам вероисповеданий от 25 октября. Ведомство, рассмотрев дело, постановило, что вопрос требует мудрого и справедливого решения на основе шариата и законов. В итоге, не вынося окончательного вердикта, оно передало дело на рассмотрение другого компетентного органа.

² В пер. с араб. (وارث) – «наследник».

³ Д. [ело] 63/1919 г., л. [ист] 109. (Прим. авт.)

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТАТАР

Пишущему эти строки уже не раз в татарской печати приходилось выступать по вопросу о происхождении татар. Да и вообще молодая татарская научная литература, как вся литература этого народа, в дореволюционное время долго не могла отрешиться от тех общественных направлений, которые царили тогда в умах татарской интеллигенции. Следует отметить, что этот вопрос интересовал не только татарскую историческую литературу, но им занималась почти вся тюрко-татарская печать. Эпоха, когда велась эта полемика в научных или полунаучных буржуазных татарских журналах, как «Шуро», «Анг», была эпохой активного наступления мирового империализма и русского шовинизма милюковского типа на тюрко-татарский мир. Вполне понятно, что когда наступала русская и западноевропейская буржуазия, то тюрко-татарской буржуазии, которая фактически была господствующим классом в тюркских обществах, должна была ответить тем же оружием, чем наступала враждебная и сильная европейская буржуазия. Отсюда понятно, почему часть татарской интеллигенции придерживалась идеи «тюркизма» в вопросе о происхождении татар. Теперь же, когда совершилась Великая революция, когда уже забыты волновавшие до революции старые вопросы, мы можем подходить к разрешению интересующего нас вопроса вполне объективно и научно. Мы принимаем название «татар» для народности тюркского происхожде-

¹ Впервые опубликовано: Губайдуллин Г.С. К вопросу о происхождении татар / Г.С. Губайдуллин // Вестник Научного общества татароведения. – Казань, 1928. – № 8. – С. 131–142.; Текст дается по данной публикации.

ния, живущей в среднем Поволжье, как название исторически вполне законное и научное, определяющее данную народность и отделяющее ее от других, как название определенной этнической группы.

Название «татар» так же старо, как название «тюрк-турок». Китайцы впервые употребляют это название (конечно мы говорим только об изданных и переведенных материалах) в виде «тат-тан» по чисто случайному поводу в 880 году. По этому известию мы знаем, что этот народ жил в то время у горы Иншан (возможно, Алтай). Однако известно, что татары существовали задолго до этого времени, о чем свидетельствуют надгробные надписи на тюркском языке в честь Кюльтегина и Бильгэ-кагана. Среди тех могущественных народов, которые послали депутации на поминки Бумын-кагана и Истеми-кагана, основателей тюркского могущественного государства, упоминаются также «тридцать татар». Когда тюрки тю-гю находились под управлением Ильтерес кагана, отца Бильгэ-кагана, тот же народ «отуз татаров» выступает в качестве враждебного и воюющего народа против тю-гю. Кроме того на тех же надписях от имени Бильгэ-кагана рассказываеться, что во время царствования его дяди велась война с «девятью татарами» (токуз татар), заключившими союз с огузами. Таким образом, в то время татары не были незначительным и маленьkim племенем, раз они вели серьезную войну с такой крупной державой в Центральной Азии, каковой являлось тюркское государство. В докладе посланника китайского императора Ванг-Иен-Тин (981/84) говорится о тех восьми племенах, которые считались та-тан¹. В позднейших китайских источниках много раз упоминается название племени по имени татар (та-та, да-да и т. д.).

Из этих отрывков мы ясно можем заметить, что татары существовали задолго до монгольской эпохи и считались довольно значительным народом. Теперь встает перед нами важнейший вопрос о том, к какой этнической группе, существующей теперь, принадлежали эти татары. По этому вопросу могут существовать два совершенно противоположных взгляда, если мы берем название татар не в политическом (т.е. как конгломерат племен, объединенных под одной государственной властью, называемый государством татар), а в этнографическом или антропологическом смысле: во-первых, татары-монголы, во вторых; татары-тюрки (или одно из племен тюркских). В своих

---

¹ J. Marquart, *Über Volkstum der Komanen*, S. 95. (Прим. авт.)

работах, вышедших до настоящего времени, мы были сторонником первого взгляда. Даже было время, когда, отдавая дань времени, мы рекомендовали и казанских татар называть не татарами, а тюрками. Приблизительно мы мотивировали свою мысль таким образом: раз татары-монголы и пришельцы, поработители всех восточно-европейских народов, в том числе и тюрков-кипчаков и болгар, раз татарское нашествие было не только на русских, но и на тюрок, то именовать себя именем поработителей не следует. Но этот взгляд не выдерживает критики и в том случае, если бы даже татары были монголами. Мы знаем много народов на свете, которые получили имена своих поработителей. Нельзя думать, что русские славяне не были порабощены и угнетены после того, как стали господствовать над ними варяги, а все же русские не бросили название «русь», которое есть слово варяжское. Точно также дело обстоит и с французами. Особенно ясно это явление мы видим в названии дунайских и части македонских славян, которые носят название «болгар», которое является названием близкого к тюркам племени, поработившего когда-то этих славян.

Прежде чем перейти к разбору вопроса о происхождении татар, нам кажется, следует отметить одно важное соображение. Дело в том, что, как в античном мире, так и в средние века, название народов по большей части имели не этнографическое значение, а политическое. С течением же времени это политическое название становилось именем всех тех племен, из которых образовалось данное государство. Но для этого требовалось довольно большое количество времени. Вот почему к названиям различных народов, встречающихся как в восточных, так и в западных источниках следует относиться критически. Это явление мы ясно видим у знатока истории и быта тюрков и монголов – писателя XIII столетия Рашидэддина Джувейни. По интересующему нас вопросу он говорит следующее: «Племена, ныне известные (т.е. в XIII в.) под именем монголов, каковы джелаиры (جلاير), татары (تاتار), ойраты (أويرات), меркиты (مركيت) (...» (Собр. летописей истории монголов, перев. И.Н. Березина, введение, стр. 4). Здесь слова «татар» и «могол» употребляются в чисто этнографическом значении, ибо мы знаем, что джелаиры, ойраты, меркиты, по словам исследователей, были на самом деле монголами, хотя у некоторых крупных тюркских народов, у узбеков, казаков, башкир и других, мы можем

встретить отдельные роды, носящие эти названия, которые впоследствии смешались с тюрками и ассимилировались. Но в другом месте Рашидэддин употребляет слова «татар» и «тюрк» не в нынешнем этнографическом смысле. В той части «введения», где речь идет о татарах, Рашид говорит следующее: «Они (татары) владычествовали и господствовали в древние дни большую часть времени над сильнейшими племенами и странами с могуществом, силою и совершенным почетом. Ради чрезвычайного величия и почтения их, другие роды *турецкие*, по смешению степеней, разрядов и имен их, стали известны под их именем, и всех называли *татарами*. И те различные роды видели величие и достоинство свое в том, что относили себя к ним и стали известны под их именем». Короче говоря, отсюда мы можем вывести следующее: существовало какое-то племя татар, которое в одно время усилилось; добровольно или путем насильственным ему подчинилось много других племен, которые совокупно стали называть себя «татарами», подобно тому, «инородец» мог называть себя «русским», употребляя это слово в смысле российский житель, гражданин или подданный. Следовательно у Рашида следует отличать слово «татар», как слово, обозначающее понятие этнографическое, от того же слова, употребляемого в смысле политическом, т.е. как общее название конгломерата племен, вошедших в татарский государственный союз. Так же обстоит дело со словом «могол». Тот же персидский историк говорит следующее: «По причине благоденствия Чингиз Хана и рода его, так как они суть моголы, – другие турецкие племена, каковы Джелаиры, Татары, Ойраты, Керайты, Найманы, Тонгуты и прочие, из которых у каждого было определенное имя и собственное прозвание, все называют себя Моголами, для придания себе славы, между тем, как в старину отказывались от этого имени, и потомки их ныне существующие воображают, что они уже издревле именуются и принадлежат к имени Моголов; однако это не так, потому что в древние времена моголы были низшие из числа турецких племен» (там же, стр. 50). Из этого же места Рашида ясно видно, что слово «тюрк-этрак» понимается в более широком смысле, чем это мы понимаем ныне. Нужно отметить, что вообще средневековые персидские авторы слово «тюрк» употребляли для обозначения различных рас, как бургасов, китайцев и тибетцев. Весьма часто к тюркам же причисляли все неизвестные им народы, живущие

недалеко от тюрков¹. Из всего приведенного можно заметить, что слова «татар» и «могол» у Рашида обозначают не этнические, а политические единицы. Вот почему отсюда весьма трудно сделать какой-нибудь вывод о происхождении татар с этнографической точки зрения. Такое же понимание мы находим и в других документах. Например, в официальном документе династии Юан (т.е. монгольской) «моголы и смешавшиеся с ними народы в Китае называются монголами да-да (татарами)². В самой Монголии еще долго это новое название не могло распространиться и осталось старое политическое название «татар». Об этом свидетельствует китайский путешественник Мэн-Хун, утверждающий, что слово монгол при Чингиз Хане было только официальным термином, совершенно неизвестным самому народу³. Вот почему западно-европейские путешественники, ездившие к монгольским императорам в XIII столетии, кочевое население этой империи называли то «татарами» (Марко Поло)⁴, то «монголами» (Плано-де Карпини)⁵. Эта же путаница понятий от средневековья перешла и к европейским ученым XVIII и начала XIX столетий (Дегинь⁶, Абель Ремюза⁷).

¹ См. J. Marquart, Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge, S. 46. (*Прим. авт.*)

² В.В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского завоевания, II, 410. (*Прим. авт.*)

³ Там же. (*Прим. авт.*)

⁴ Марко Поло (1254–1324) – венецианский купец, путешественник и автор знаменитого описания своих восточных странствий, известного как «Книга о разнообразии мира» (*Il Milione*), одного из ключевых западноевропейских источников по географии и этнографии средневековой Азии.

⁵ Иоанн де-Плано Карпини (ок. 1182–1252) – итальянский монах-францисканец и папский посол, один из первых европейских путешественников, достигших ставки великого хана и оставивших подробное сочинение «История монголов» о Монгольской империи и ее народах.

⁶ Жозеф де Гинь (1721–1800) – французский востоковед, автор фундаментальной «*Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mogols et des autres Tartares occidentaux...*», один из первых европейских ученых XVIII века, попытавшихся на основе китайских и арабских источников реконструировать историю кочевых народов Евразии.

⁷ Жан-Пьер Абель Ремюза (1788–1832) – французский синолог и ориенталист, один из основоположников западного китаеведения и первый профессор китайского и маньчжурского языков в Коллеж де Франс.

Мы не будем разбирать в деталях литературу по вопросу о происхождении татар, но отметим только взгляды важнейших из ученых, которые известны пишущему эти строки. Особенно сильно защищал взгляд тождества монголов и татар ориенталист Клапрот¹ в целом ряде трудов, в особенности в своей статье «О татарах». Он думал, что монголы и татары одно и тоже. Название татарин значит монгол, это название дано современным волжским татарам ввиду того, что они находились много времени под владычеством татарских ханов. Сам народ называет себя не татарами, а мусульманами и язык свой называет «тюрки»².

Монах Иакинф³, знаток китайской историографии, также старался дать ответ на интересующий нас вопрос. Этот ученый в конце первой части своего известного сочинения «Записки о Монголии» поместил главу «Разрешение вопроса о том, кто таковы были татары XIII века». Эта глава начинается словами: «Варваров, опустошивших Восточную Европу в начале XIII столетия, современные европейские народы называли татарами: но история говорит, что это были монголы». Монах Иакинф пришел к тому выводу, что татары никто иные, как часть народа «татанцов», которые разделились на множество аймаков⁴, из

¹ Генрих Юлий (Юлиус) Клапрот (1783–1835) – немецкий востоковед, лингвист и путешественник, один из первых исследователей Кавказа, Центральной Азии и Китая, иностранный член Петербургской Академии наук.

² Начиная с VIII века, по словам Клапрота, китайцы упоминают о народе Мо-Хо, который в VIII веке был известен под названием Та-Та (см. *Rapport sur les ouvrages de Hyacinth Bitchourine, Journal Asiatique*, 1830, № 31–Juillet, p. 25–26). (Прим. авт.)

³ Монах Иакинф – это архимандрит Иакинф (Бичурин) (Никита Яковлевич Бичурин; 1777–1853), один из основоположников русской синологии, выдающийся востоковед, переводчик и глава Пекинской духовной миссии. Он первым в России систематически использовал китайские хроники для изучения истории Центральной Азии, Монголии, Тибета и сопредельных регионов, опубликовал переводы и исследования по истории кочевых народов и тем самым заложил основу научного изучения Китая и соседних стран в российской науке.

⁴ Аймак (род. п. «аймаков») – у тюркских и монгольских народов родоплеменное объединение, крупная группа родственных родов и семей, кочующих или живущих вместе на одной территории под властью общего вождя. В исторических текстах «аймаков» обычно означает либо «племен/родовых общин», либо «волостей/районов», потому что позднее это слово стало и названием административно-территориальной единицы (района) в Монголии, Бурятии, Республике Алтай и ряде других регионов.

которых каждый имел особливое название... Сильнейшие из татанских аймаков были: сайгут, кэрэ и татар. Отсюда автор приходит к выводу, что татары и монголы являются отдельными частями одного крупного племени. Клапрот в одной из своих статей подверг этот взгляд Иакинфа сильной критике. Несколько эта критика справедлива, мы, не будучи синологом, не можем судить. Но нам известно только то, что Клапрот для того, чтобы доказать тождество монголов и татар, привел один отрывок из Абульфеда¹ и перевел его на французский язык совершенно неправильно.

Мы не будем долго останавливаться на разборе теории тождества монголов и татар. Сторонников этой теории было довольно много. Почти все историки Монгольской империи и ее отдельных улусов, как Доссон², Хаммер-Пургшталь³, Вольф⁴, Эрдман⁵ и другие, придерживались этой точки зрения. Например, один из них, Вольф, свое сочинение даже называл «Историей монголов или татар». Такой крупный

¹ Абульфеда (Абу-ль-Фида Исаил ибн Али; 1273–1331) – арабский историк и географ из рода Айюбидов, эмир (затем султан) Хамы в Сирии, автор широко распространенных в исламском мире сочинений по всемирной истории и географии.

² Абрахам Константин Мураджя д’Оссон (1779–1851) – шведский дипломат и востоковед, автор классической многотомной «Истории монголов. От Чингисхана до Тамерлана» (*Histoire des Mongols, depuis Tchinguiz-Khan jusqu'à Timour Bey ou Tamerlan*).

³ Йозеф фон Хаммер-Пургшталь (1774–1856) – австрийский историк-востоковед и дипломат, классик ориенталистики; автор многотомной «Истории Османской империи», первый президент Австрийской академии наук, переводчик персидской, арабской и османской поэзии.

⁴ Отто Вольф (Otto Wolff; 19 век) – немецкий историк, специализировавшийся на средневековой истории Монголии и татар, особенно на их продвижении и нашествиях в Европу. Его монография 1872 года «Geschichte Mongolen oder Tataren besonders ihres Vordringes nach Europa, so wie ihrer Eroberungen und Einfälle in diesem Welttheile» посвящена детальному анализу завоеваний и вторжений монголов в европейские земли

⁵ Федор (Франц) Иванович Эрдман (Friedrich Franz Ludwig Erdmann; 1793/1795–1862) – российский востоковед немецкого происхождения, профессор Казанского университета, специалист по арабской и персидской словесности, один из ранних представителей университетского востоковедения в России.

турколог, как В.В. Радлов¹ также думал, что «Татар - название народа, вероятно монголов». Академик В. В. Бартольд в своей пробной лекции в 1896 году по этому вопросу высказал следующий ценный взгляд: «В Китае, в мусульманском мире и в Европе монголы одинаково сделялись известными, прежде всего под именем татар. Еще полководец Мухули, происходивший из племени Джелаиров, в присутствии Мэн-Хуна называл себя «татарским человеком»².

Далее мы скажем несколько слов о том, что мы можем найти в источниках в пользу тюркского происхождения татар. Тут приходится искать такие сведения, которые бы говорили в пользу тюркского происхождения их в домонгольский период, ибо как мы могли заметить из только что приведенного отрывка из сочинения В. В. Бартольда³, в монгольский период современные монголы назывались также татарами.

Прежде всего мы обратимся к недавно опубликованному «Дивану Лугат-эт-Тюрк» Махмуда Кашигарского, написанному в 466 году хиджры (XI век). Этот блестящий знаток тюркских наречий XI столетия в той части I-го тома указанного труда, где речь идет о тюркских племенах (القول في حفقات الترك وبيان قبائل)⁴, говорит о существовании «двадцати основных тюркских племен»:

«Первые племена около Рума (Византии) печенеги, потом кивчаг, потом огуз, потом емак, потом башгирт, потом емель, потом кай, потом сбаку, потом *tatar*, потом кыргыз, и это около Китая» (Сын)»

¹ Радлов Василий Васильевич (Фридрих Вильгельм Радлов; 1837–1918) – российский востоковед и тюрколог немецкого происхождения, этнограф, археолог и педагог. Считается основателем научного тюркологического изучения. Радлов провел многочисленные экспедиции по Центральной Азии, опубликовал коллекции народных литератур тюркских племен, возглавлял орхонскую экспедицию по исследованию древнетюркских надписей. Также занимался археологическими раскопками и этнографией народов Алтая и Западной Сибири.

² Образование Империи Чингиз-хана. (Зап.[иски] Восточ.[ного] Отд.[еления] За 1896 г., том X, стр. 107, прим. 7). (Прим. авт.)

³ Бартольд Василий Владимирович (1869–1930) – российский и советский историк и востоковед-медиевист, один из основателей отечественного тюркологического и исламоведческого направления. Автор обширных исследований по истории, культуре и языкам Средней Азии, Ирана, Кавказа и Восточной Европы.

⁴ В пер. с араб.: «Слово о потомках тюрок и рассказ об их племенах».

(стр. 27–28). В другом же месте (I, 344) Махмуд Кашгарский говорит: «Татар одно поколение из тюрков» – (تاتار – جيل من الترك). Однако следует отметить, что среди этих 20 племен 17 несомненные тюрки, но среди них есть такие, которых мы никоим образом не можем причислить к тюркам, напр., Хитай и Тавгач (حتى نتفاج). Одно анонимное сочинение, написанное в 372 году гиджры (982 Р.Х.), которое известно в научной литературе под названием анонимной рукописи Туманского¹, носящее название «Худуд العالام»², говорится в пользу тюркского происхождения татар. Там мы находим следующее: «وتتر هم جنس از تغز غزند» («تاتار هم جنس از تغز غزند»), т.е. «татары тоже одного рода с тогузгузами»³. Не входя в детали спора в научной литературе о том, были ли эти тогузгузы уйгурами или огузами, мы смело можем сказать, что они принадлежали к тюркскому племени.

Кроме того такой же вывод можно сделать относительно происхождения татар на основании сочинения Гардези «زین الاعبار» (Украшение Известий)⁴, написанного в XI столетии (между 1050 и 1052 годами

¹ Единственная известная копия географического трактата «Худуд ал-‘алам» связана с именем русского военного востоковеда Александра Гавриловича Туманского (1861–1920). Именно он в 1892 году обнаружил в Бухаре и приобрел уникальную рукопись, с тех пор известную в науке как «рукопись Туманского». Благодаря этой находке ценнейший источник X века стал доступен для изучения. Сам манускрипт является копией, переписанной в 1258 году.

² «Худуд ал-‘алам» («Границы мира от востока до запада») – это анонимный персидский географический трактат, составленный в 982 году и являющийся одним из самых ранних и ценных источников по истории и географии Евразии X века. Предполагается, что его автор-компилятор был придворным ученым из области Гузган (современный Афганистан), который создал свой труд на основе более ранних арабских и персидских источников. Трактат содержит систематическое описание известного мира, уделяя особое внимание тюркским народам Центральной Азии, а также славянам и русам Восточной Европы.

³ Бартольд В.В., «Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью», 1893–94, стр. 34. (Прим. авт.)

⁴ «Зайн ал-ахбар» (زین الاعبار), что переводится как «Украшение известий» или «Краса повествований» – это исторический труд, написанный на персидском языке персидским историком и географом Абу Саидом Абд ал-Хайем Гардизи.

Гардизи жил и работал при дворе династии Газневидов и завершил свое сочинение примерно в 1050–1052 годах. Труд был посвящен газневидскому султану Абд ар-Рашиду, чье почетное прозвище «Зайн ал-милла» («Украшение общин») созвучно названию книги.

ми). Когда речь идет о происхождении тюркского племени Кимаков, между прочим, говорится следующее: «Начальник татар (مَهْر تَتَارَان)¹ умер и оставил двоих сыновей, старший сын овладел царством, младший стал завидовать брату; имя младшего было Шад. Он сделал покушение на жизнь старшего брата, но неудачно, и, боясь за себя, он, взяв с собой рабыню-любовницу, убежал от брата и прибыл на такое место, где была большая река, много деревьев и обилие дичи, там он поставил шатер и расположился... После этого к ним пришло 7 человек из родственников татар (از موالان تاتاران)²: Ими, Имек, *Tatarr*, Баяндер, Кипчак, Ганикоз и Аджлад» (там же, стр. 105–106 и 82). Во-первых, в этом отрывке встречается тюркский титул *шад*, который можно встретить в орхонских надписях и у арабского историка Табари³. Во-вторых, родственниками татар являются явно тюркские племена, как кипчак и одно поколение гузов Баят⁴. Вот все данные, которые нам встречались и которые говорят за то, что татары были в домонгольский период тюрками. Но на основании только этих данных пока невозможно сделать какой-нибудь определенный вывод.

У нас имеется один несомненный факт, что господствующий элемент или организаторский элемент в Золотой Орде многими западными и восточными писателями назывался татарами. Но некоторые источники называли их монголами, а некоторые тюрками. Например, Ибн Хальдун⁵, когда говорит о Золотой Орде, называет их «моголами»⁶.

---

¹ В пер. с перс. михтар-е татаран – «глава, предводитель татар (во мн. числе)».

² В пер. с перс. az muwalladan-i tataran – «родом из татар (во мн. числе)».

³ Абу Джраф Мухаммад ибн Джарири ат-Табари (839–923) – арабский историк и богослов, основатель мусульманской историографии, автор крупного труда «Тарих ар-русуль ва-ль-мулюк» («История пророков и царей»), охватывающей историю с сотворения мира до начала X века. Его сочинение является важнейшим источником исламской истории и религиозной науки, включает комментарии к Корану и заложило основы исторического знания в мусульманском мире.

⁴ J. Marquart, Über das Volkstum der Komanen. s. 9 п. 3. (Прим. авт.)

⁵ См. ранее приведенную справку.

⁶ Тизенгаузен, Материалы по истории Золотой Орды, стр. 412 и 373. (Прим. авт.)

Иbn Баттута¹ же население этого улуса называет «турками». Как бы их ни называли, мы определенно знаем, что господствующий класс в Золотой Орде, хотя бы вначале, был монгольский.

Мы знаем, что задолго до прихода армии чингизидов, т.е. до XIII столетия, в степях Восточной Европы жили различные тюркские племена. Но начиная с X века история зафиксировала нахождение там различных тюркских племен, как-то гузов, торков, черных клубков и печенегов. Но перед приходом армии монгольской империи господствующим тюркским народом в Восточной Европе были половцы или кипчаки, или команы, как их называли европейцы. Кроме кипчаков на севере жили другие тюркские племена – болгары и конгломерат тюркских племен, называемый башкирами².

Очевидно и болгары камско-волжские, хотя до XIII века, может быть, и были отдельным тюркским племенем, но, как всякое тюркское племя, имели в своей среде обломки других тюркских племен в качестве отдельных родов и колен³. То же самое мы видим и у кипчаков.

¹ Ибн Баттута (Абу Абдуллах Мухаммад ибн Абдуллах ат-Танджи; 1304–1377) – выдающийся арабский путешественник, купец и ученый XIV века. Родился в Танжере (Марокко) в семье судьи. В 1325 году отправился в свое первое большое путешествие – паломничество в Мекку, которое продолжалось почти 30 лет и охватило около 75000 миль (около 120000 км). Ибн Баттута посетил страны мусульманского мира, Северную и Восточную Африку, Ближний Восток, Центральную и Южную Азию, Юго-Восточную Азию и Китай. Его путевые записки, известные как «Рихла», содержат ценные сведения по географии, этнографии, культуре и политике средневекового исламского мира и соседних регионов.

² Присутствие среди башкир обломков тюркизированных монголов – джелайров, найманов, катаев и др., дает нам право назвать их так. Но возможно, что эти роды вошли в среду башкир после монгольского нашествия. (Прим. авт.)

³ Аристов пишет, что казахский род Дулат был (вероятно) у болгар, о чем свидетельствует именник болгарских князей (дунайских). (Опыт выяснения этнич. [еского] состава киргиз-кайсаков. Живая Страна 1894 г., вып. [уск] 3 и 4, стр. 394–395); Махмуд Кашгарский признает болгар за отдельное тюркское племя. I, 30. فاما لسان بلغار و سوار بجنك الی قرب الروم ترکية محفوظة الاطراف (Прим. авт.). В пер. с араб. «Что же касается языков булгар, сувар и печенегов, [то они] до пределов Румы представляют собой смешанный тюркский со всех сторон».

Арабские авторы говорят, что они состояли из множества колен¹, среди которых были два известных тюркских племени, очевидно, вошедшие не в целом виде, а в виде обломков, «емак» (вероятнее аймак)² и кара бюркли³, в которых можно предполагать черных клубков русских летописей или предков современных кара-калпаков. Вот эти-то кипчаки или половцы и другие тюркские орды в 1237 году подверглись монгольскому или татарскому нашествию. Когда речь идет о монгольском нашествии, то это следует понимать в условном смысле: та армия, которая пришла под командой Батыя в Восточную Европу, не состояла исключительно из монголов; очевидно, тут монголы были лишь организаторами и основным ядром в армии; среди них находились также войска, состоящие из тюркских племен, может быть, даже те же кипчаки, которые в то время жили не только в южнорусских степях, но и в Азии. Вот почему Ибн ал-Асир, описывая монгольское нашествие, говорит следующее: «Тогда послали татары к кипчакам сказать: мы и вы одного рода, а так как алланы не из ваших, и вера ваша не похожа на их веру, что вам нечего помогать им и мы обещаем вам, что не нападем на вас, а принесем денег вам и одежд сколько только хотите, оставьте нас с ними»⁴. Тоже самое повторяет и Абульгази-хан. Если бы не было в войске татар кипчаков или вообще тюрок, то едва ли монголы назвали бы их родственниками. Однако татары не сдержали своих слов, и кипчаки подверглись страшному избиению. Борьба была ужасная. Сопротивление половцев было не так скоро сломлено. Хотя некоторые половецкие князья и боролись с угнетателями, однако в конце концов были побеждены. Плано Карпини, проехавший половецкую землю от Киева до Волги незадолго после нашествия, говорит, что половцы истреблены татарами, некоторые из них бежали из своего отечества, другие обращены в рабов, многие из бежавших возвратились к татарам⁵.

После этого на территории огромной части Восточной Европы образовалась Золотая или Кипчакская Орда. Хотя господствующим

¹ Новейри († 1332) говорит об 11 коленах. (См. D'Ohsson, Hist.[oire] des Mongols. I, 332–339). (Прим. авт.)

² Беру чтение Marquart'a, Über das Volkstum der Komanen, s. 157. (Прим. авт.)

³ По чтению D'Ohssona, قارا بورکلو по Marquart'y (Прим. авт.)

⁴ Тизенгаузен, стр. 27. (Прим. авт.)

⁵ Языков, Путешествие к татарам, стр. 25. (Прим. авт.)

элементом в этом государстве и были монголы или татары (употребляю здесь это слово в смысле монголов), но видно, что большинство населения были тюрками (беру степные места Восточной Европы), вот почему эти земли все еще продолжали называть «Дешти Кипчак». Монгольская аристократия и гвардия, попав в тюркскую среду, быстро стали смешиваться с первыми. Этую нашу мысль подтверждает и египетский писатель Эльомари, умерший в 749 году (1 апр. 1348 – 21 мар. 1349 г.): «В древности это государство было страною кипчаков, но когда им завладели татары, то кипчаки сделались их подданными, потом они (татары) смешались и породнились с ними (кипчаками), и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (татар), и все они стали точно кипчаки, как будто они одного с ними рода, оттого, что монголы (и татары) поселились на земле Кипчаков, вступали в брак с ними и остались жить на земле их (кипчаков)». Таким образом, долгое пребывание на какой-либо земле заставляет натуру человеческую уподобляться ей и изменяет прирожденные черты согласно ее природе. Иногда замечается большая и меньшая разница цвета тела вследствие другой какой-нибудь причины, помимо влияния страны»¹.

Уже во время царствования хана Узбека (1312–1340) тюркский язык был не только языком народных масс, бывших большинством населения в стране, но и языком правящей монгольской знати. Ибн Баттута, бывший в «Дешти Кипчаке» во время царствования этого

¹ Тизенгаузен, стр. 235 и 214. (Прим. авт.)

فَلَمَّا مَاصَتْ عَلَيْهَا النَّتَارُ صَارَتِ الْقِبَاقَ لِهِمْ رَاعِيَهُمْ خَالِطُهُمْ وَنَاسِيَهُمْ وَغَلَبَتِ الْأَرْضُ عَلَى الْجِبَلَةِ،
وَالْأَصْلُ فَصَارَ لِكُلِّ كَلْقِجَاقٍ كَأَهْمَّ جِنْسٍ وَاحِدٍ لَسْكَنَ الْمَعْلُ بَارِضَ الْقِبَاقِ... إِلَّا
يَقُولُ ذَلِكَ بِالْعَرَبِيِّ ثُمَّ يَفْسِرُ لَهُمْ بِالْتُّرْكِيِّ (2)

Авторская нумерация сносок не привязана к тексту. Вероятно, они отсылают к арабскому оригиналу цитат из труда Тизенгаузена, приведенных выше.

Перевод на русский с арабского:

1) «Когда татары обрушились на нее (т.е. на землю кыпчаков), кыпчаки стали их подданными. Они смешались с ними и породнились, и земля (местность) взяла верх над их (прирожденными) нравом и происхождением. Так все стали подобны кыпчакам, будто они один народ, из-за того что монголы поселились на земле кыпчаков... и т.д.»

2) «Он говорит это по-арабски, а затем объясняет им по-турецки.»

хана говорит в нескольких местах своего *تحفه النصار فى عجائب الامصار*¹ об этом. Когда этот замечательный араб гостили в Крыму у эмира, он видел, как казий² города читал благодарственную молитву эмиру сначала на арабском языке, а потом излагал ее по-туркски³. Когда Ибн Баттута рассказывает о том, что во время торжественных обедов в Золотой Орде пелись песни, то он нигде не говорит, чтобы песни пелись на монгольском или татарском языке, однако он говорит о песнях на арабском и тюркском языках. Конечно, такой наблюдательный путешественник мог во всяком случае различить один язык от другого. Канцелярским языком в Золотой Орде также сделался тюркский язык, о чем свидетельствуют сохранившиеся на тюркском языке ярлыки Кутлуг Тимура и Тохтамыша, хотя иногда некоторые вещи и писались в редких случаях на монгольском языке, о чем говорит одна пайза⁴, найденная на территории бывшей Золотой Орды с надписью на монгольском языке. Так шел процесс тюркизации монгольского господствующего элемента.

С образованием Золотой Орды изменилась этнографическая карта Восточной Европы. С армией чингизидов сюда перекочевало много новых монгольских и тюркских среднеазиатских элементов в качестве обломков крупных племен. Очевидно, монголы для авторитетности и в политических целях старались составить армию так, чтобы туда входили представители различных племен, ибо эта монгольская империя была в своей сущности союзом племен, как узбеки в XV и казаки в XVII и XVIII столетиях. Детали этого явления

¹ «Рихла» («Путешествие») – это знаменитый труд марокканского путешественника XIV века Ибн Баттуты, полное название которого «Тухфат ан-нузар фи гарә’иб ал-амсар ва-аджа’иб ал-асфар» («Подарок созерцающим о диковинах городов и чудесах странствий»). В книге, записанной со слов автора по приказу султана Марокко, подробно описываются его почти 30-летние странствия (1325–1354) по всему исламскому миру и за его пределами – от Западной Африки и Золотой Орды до Индии и Китая. Это сочинение является одним из важнейших и подробнейших источников по истории и культуре Евразии и Африки XIV столетия.

² Судья.

³ Судя по-всему, цитата на арабском «Он говорит это по-арабски, а затем объясняет им по-турецки» относится к этой части текста.

⁴ Пайза (также пайцза, пайдза; монг. гереге) – это верительная бирка, представлявшая собой металлическую или деревянную пластину, которая служила в Монгольской империи и ее государствах-преемниках (например, в Золотой Орде) аналогом удостоверения личности и проездного документа.

можно будет видеть из моей работы «Происхождение узбекского народа», печатающегося в Самарканде на узбекском языке¹. На основании имеющихся в нашем распоряжении источников не можем определить, каков был этнический состав золотоординского коренного тюрко-татарского населения. Однако этот вопрос можно разрешить ретроспективным методом. Мы знаем, что в двух ханствах, Казанском и Крымском, образовавшихся на развалинах Золотой Орды, были те же роды монгольские и тюркские, которые упоминаются в «Собрании летописей» Рашида. Достоверно известно, что в Крымском ханстве существовали в качестве аристократических родов Ширина, Аргын, Барын и Кыпчак². Названия ассимилированных впоследствии тюрками монгольских и чисто тюркских племен в Крыму сохранились в качестве названий деревень и сел. Например, мы знаем там о существовании следующих деревень и сел: Кипчак, Аргын, Уйгур, Найман, Кытай, Кирей, Каракыпчак, Карапайман, Угуз, Кунграт, Узбек, Кыргыз, Казак, Тама и др.³ Если даже обратить беглый взор на подробную карту современной Крымской республики, то мы там найдем довольно большое количество имен тех тюркских и монгольских племен, которые мы знаем на основании исторических источников. То же самое мы находим в Казанском ханстве и на ее территории. В договоре, заключенном в 1508 году между бывшим Казанским ханом Абдул-Латифом и великим князем Василием, мы находим следующий пункт: «так же ми от вас татар не примати, и вам от меня не примать, опричь Ширинова роду, Барынова и Аргынова и Кипчакова»⁴. Кроме того, в казакской поэме «Ку-

¹ Этот труд был недавно переведен и издан в ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. См.: У истоков узбекской историографии: взгляд татарских ученых Г. Губайдуллина и Б. Салиева. – Казань: ИЯЛИ, 2021. – 220 с. – (Культурно-историческое наследие татар зарубежья; кн. 4).

² درت نفر قره چو تعبير اولنان امرادن ميرلوا اشرين کندى قىيىنه سى خلقى ايله ئاپىعە لشىر اولمغە ... وينه امرا قره چو دن محدود ارغين و بارين و قىچاق طرف يسار لشىركەد نكراه انداز حفظ و حراست ... . (محمد رضا "السبع السيار", قازان, 1832).

(Из четырех эмиров, так называемых карачиев, эмир лива Ширина с людьми своего племени шел в передовом полку... Другие же эмиры карачиев, а именно Аргын, Барын и Кыпчак, составляли левое крыло...). (Прим. авт.)

³ (Харузин, «К вопросу о происхождении Киргизского народа», Этнографическое обозрение, 1885, № 3, стр. 55, прим. 1. (Прим. авт.)

⁴ Вельяминов и Зернов, «Исследование о Касимовских царях и царевичах», I, 209. (Прим. авт.)

бланды батыр», записанной и напечатанной проф. Диваевым¹, мы знаем о существовании в Казанском ханстве рода Тама. В названиях деревень современной Татарской республики и соседних губерний также сохранились названия некоторых тюркских и тюркизированных монгольских племен.

Отсюда можно сделать вывод, что эти племена существовали и в эпоху Золотой Орды. Таким образом, прав профессор И. И. Веселовский, когда он говорит: «Прежде всего оказывается, что при походе Батыя на Россию в его войске находились представители всех улусов, конечно, со своими отрядами»². Таким образом, хотя население Золотой Орды большинство источников и называет татарами, но фактически оно представляло собой конгломерат тюркских и тюркизированных монгольских племен и родов, как казаки (кайсаки) в XVIII и узбеки в XV и XVII столетиях³. Поэтому название «татар»⁴ давалось населению Золотой Орды скорее в политическом, чем в этнографическом смысле. Очень возможно, что само население тогда еще себя не называло «татар», ибо оно знало больше свое племя и род, чем весь народ. Эти племена и роды, находясь долго под одинаковыми экономическими и политическими условиями, постепенно сливались воедино; таким образом шел процесс интеграции; однако жизнь Золотой Орды была слишком кратка, а сливающая все эти элементы экономика была слишком слаба, чтобы все эти элементы так быстро могли слиться в единое целое. Хотя в центральных местах этой государственной единицы, в особенности на местах, находящихся близко от торговых путей, процесс феодализации шел быстро, в особенности

¹ Диваев Абубакир Ахметжанович (1847–1901) – казахский этнограф, фольклорист и собиратель народного творчества, один из первых исследователей и записывателей казахского эпоса. Он записал и опубликовал казахскую поэму «Кубланды батыр», сохранив ее для последующих поколений. В своих трудах Диваев подробно описывал традиционный казахский быт, культуру и устное народное творчество.

² «Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время» (Записки Императорской Российской Академии наук, том XIII, № 6, 1922, стр. 11). (Прим. авт.)

³ Об этом см. в нашей работе «Происхождение узбеков». См. также «Церемониал при дворе узбекских ханов» и «Шайбанинаме» Мухаммеда Салиха в издании Вамбери или посмертное издание Мелиоранского. О казаках см. последнюю главу «Истории казак-киргизского народа» Чулошникова. Оренбург, 1924 г. Есть много материала в Das Türkenvolk Г. Вамбери. (Прим. авт.)

⁴ Исправлено. В оригинале без кавычек.

пока существовала сильная торговая связь с греками и с итальянскими республиками (с Венецией и Генуей) до завоевания Дарданелл, потом и Босфора османскими турками; но на местах далеких от торговых путей население было кочевое, почему рода-патриархальные условия продолжали существовать. При таком быте, конечно, центробежные силы были сильнее центростремительных, почему роды и племена не могли разлагаться быстро. Таким образом, в золотоордынский период истории восточно-европейских тюрок еще не мог создаться татарский народ в этнологическом смысле этого слова. История Золотой Орды по указанным причинам не является основной частью истории волжских татар, а только историей тех элементов, из которых впоследствии создался наряду с другими тюрко-татарскими народами (ногайскими, крымскими татарами и башкирами) и народность приволжских татар в тесном смысле этого слова. История Золотой Орды является общей историей всех этих указанных народов, правда весьма близких и тесно связанных между собою со стороны общей культуры и, в особенности со стороны языка. Вот по этой то причине мы и думаем, что историю приволжских татар следует начать не с истории Золотой Орды, а с истории Казанского ханства, которое на самом то деле было тем «котлом-казаном», где варились различные элементы: с одной стороны «худые болгары» и «мнози варвары», пришедшие из «большие Орды Златые, престарельные матери Ордам всем» (Казанский летописец).

Однако этот котел-казан не долго кипел самостоятельно: огонь быстро потух и государство было завоевано в 1552 году Московским княжеством. Процесс объединения и создания одного народа конгломерата различных элементов не мог быть закончен только в течение одного столетия. Вот почему с этнографической точки зрения эпоха Казанского ханства была эпохой процесса создания татарского народа. Этот процесс не прекратился и с падением государства: когда население ханства попало в руки завоевателей, московской аристократии и представителей торгового капитала, то, находясь под властью одного государства, под одинаковыми для всех туземцев экономическими условиями, наконец, находясь под одними и теми же правовыми условиями, угнетавшими все это население без различия рода и племени, оно шло еще быстрее по пути объединения в виде единой, вполне обособленной национальности.

К ИСТОРИИ ШЕЛКОВОДСТВА В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Современная северная Персия и берега Каспийского моря еще в средние века считались классической страной, откуда западная Европа получала шелк. Мы знаем, что еще в конце XIII столетия генуэзцы ходили в Гilan искать шелк для привоза в Европу. В Италии для этого шелка, вывозимого из Гилана, было особое название: «seta ghella, ghelli, leggi». Вообще, в Италии в XIV, XV и XVI столетиях все шелковое производство получало шелк и шелковые нитки из этих стран; вот почему в Италии были известны: «seta masandroni» – мазандаранский, «seta pisciacheri» – шелк Пешхах-Хисара, «seta stravai, stravagi» – астрабадский шелк, «seta talani, talina» – талышский шелк; наконец, довольно известны были «seta slechi, sacchi» – шекинский шелк, и ганджинский, который назывался «seta gangia».

С начала XIV столетия начали ездить для получения шелка в Шемаху и венецианцы². Этот город, лежащий на большой дороге, упоминается всеми итальянскими путешественниками, как центр торговли и промышленности. Для иллюстрации, мы возьмем некоторые отрывки из записок этих путешественников. Итальянский путешественник

¹ Впервые опубликовано: Губайдуллин А. К истории шелководства в Азербайджане / А. Губайдуллин // Известия Общества обследования и изучения Азербайджана. Баку, 1928. № 5. С. 154–171. Текст дается по данной публикации.

² W. Heyd–Histoire du commerce du Levant au Moyen-Age, 1923, t. II, p. 672–673 (Прим. авт.)

Контарини¹ писал следующее: «1-го ноября в 1475 году прибыли мы в город Шемаху... В этом городе приготовляют шелк, известный у нас под именем таламанского и выделяют, сверх того, разные шелковые ткани, большую частью гладкие и не слишком добротные... Шемаха не так обширна, как Тавриз, но, по моему мнению, во всех отношениях гораздо лучше и обильнее всякого рода жизненными припасами»². Другой путешественник, Барбаро³, ездивший в Персию посланником венецианской республики, к владевшему тогда Персией Узун-Хасану⁴, в 1479 году пишет: «До разрушения его (г. Астрахани) Тамерланом, кореня и шелк, отправляемые ныне через Сирию, доставлялись в Тану (на устье Дона) через Цитрокань и потом уже, на шести или семи венецианских галерах, перевозились в Италию»⁵. Торговля азербайджанским шелком не прекратилась и в XVI столетии, когда

¹ Контарини Амброджо (1429–1499) – венецианский дипломат, исследователь и путешественник, известен своими экспедициями и записями о странах Ближнего Востока и Персии. Он возглавлял венецианскую миссию в Персии в 1474–1477 годах, где активно участвовал в дипломатических и культурных связях региона. Его путешествия и отчеты о Persia в XVI веке остаются важными историческими источниками.

² Библиотека иностранных писателей о России, том I, СПБ, 1836, стр. 70 (Прим. авт.)

³ Барбаро Иосафат (1413–1494) – венецианский купец, дипломат, путешественник и государственный деятель. В 1436 году он отправился в путешествие в венецианскую колонию Тану (современный Азов), где пробыл около 16 лет, совершая поездки по северному побережью Черного моря и Кавказу. Барбаро составил описание своих путешествий в Тану и Персию, состоящее из двух частей, ставшее важным источником по истории, географии, быту и этнографии этих регионов и ранних сведений о России. Его труды раскрывают жизнь венецианских колоний, а также дают ценные сведения о различных народах Причерноморья и Кавказа.

⁴ Узун-Хасан (ок. 1425–1478) – правитель туркоманской конфедерации Ак-Коюнлу с 1453 по 1478 год, носивший титул «Падишах Ирана». Он расширил владения, включив в них территории Ирана, Ирака, Анатолии, Армении и Азербайджана.

Узун-Хасан вел борьбу с государством Кара-Коюнлу и завоевал значительную часть Ирана, упорядочил налоговую систему и издал свод законов «Канун-намэ». Его правление ассоциируется с попыткой превращения Ак-Коюнлу в централизованное переско-исламское государство.

⁵ Там же, стр. 56. (Прим. авт.)

ездил известный путешественник Джэнкинсон¹. Он говорит, что «татары привозят сюда разные товары, выделанные из хлопка, шерсти и шелка, из Персии; именно, из Шемахи привозят шелковые нитки, употребительнейшие в России краски, пестрые шелка для поясов, кольчуги, луки, мечи и т.д.»². Если среди этих товаров и могли быть не азербайджанского изделия предметы, то, во всяком случае, шелк и значительное количество шелковых изделий были местные, как это указывает и Контарини. Очевидно, после разорения Астрахани Тимуром³, во время борьбы его с Тохтамышем⁴, после того, как Дарданеллы, а впоследствии и Босфор, были захвачены османскими турками, которые стали препятствовать итальянско-восточной торговле, и после того, как в Золотой Орде начались непрерывные войны между чингизидами, тюрко-татарскими племенами и русскими князьями, шелк, отправляемый в Европу по Волге, Дону и по Азовскому морю,

¹ Джэнкинсон Энтони (1529–1610/1611) – английский дипломат, купец и путешественник, первый полномочный посол Англии в Московском царстве. С 1557 по 1571 год он четырежды посещал земли Московского царя в роли посла английских государей и представителя торговой Московской компании. Джэнкинсон считается одним из первых западноевропейских исследователей, подробно описавших Среднюю Азию и побережье Каспийского моря. Его отчеты и карты внесли значительный вклад в географию и расширение знаний Европы о России и Центральной Азии.

² Астраханский сборник, стр. 87. (Прим. авт.)

³ Тимур (1336–1405), известный в Европе как Тамерлан (от турецкого Тимур-ланг – «железный хромой») – великий полководец и основатель империи Тимуридов. Он происходил из тюркизированного монгольского племени барласов и правил Мавераннахром (современным регионом Средней Азии) с 1370 года. Тимур создал могущественную империю, распространившуюся от Индии и реки Ганг на юге до Волги и Кавказа на западе, а также от Тянь-Шаня до Босфора, проводил многочисленные завоевательные походы в Среднюю, Южную, Западную Азию, Кавказ и Русь. Его правление длилось 35 лет, и он считается одним из величайших завоевателей истории.

⁴ Тохтамыш (около 1342–1406) – хан Золотой Орды с 1380 по 1395 год, последний правитель, объединивший Белую и Синюю Орду под единой властью. Он происходил из династии потомков Джучи, сына Чингисхана. Тохтамыш вошел в историю благодаря победе над Мамаем в 1380 году в Куликовской битве, после которой получил признание как законный хан Орды и возглавил объединенное государство. Его правление знаменуется попытками восстановления могущества Орды и вовлечением в борьбу с Тамерланом, что закончилось поражением и гибелью хана. Тохтамыш считается последним великим ханом золотой эпохи Золотой Орды.

принужден был изменить свою прежнюю удобную дорогу. Поэтому-то Контарини и говорит, что «в нем (Тавризе) находятся несколько рынков, куда привозят весьма много шелка, отправляемого с караванами в Алеппо»¹. Таким образом, указанные нами обстоятельства направляли азербайджанский шелк сначала через Сирию, а потом, после захвата ее турками, через Турцию. Об этом говорят сами азербайджанские купцы – представители армянской компании, возглавляемые Григорием Ласиковым, приехавшие в 1666 году заключить торговый договор с правительством царя Алексея Михайловича: «Возим мы шелк многие годы через турецкое государство, которое обогащается от нас таможенными сборами»². После падения приволжско-татарских ханств и неудачи наступательной политики турецкого правительства, направленной к захвату Поволжья, а также неудачи попытки прорыва волжско-донского канала, при Селиме II, в 1559 году, азербайджанский шелк нашел новую дорогу сбыта в Европу – через Россию. В 1666 году указанные представители говорили, что «при царях Михаиле Феодоровиче и Алексее Михайловиче персидской области купецкие люди, персияне и армяне, кумычане и индейцы приезжали с шелком и со всякими персидскими товарами и торговали и в Москве, и в Астрахани и по другим городам»³....». Таким образом, уже в 1666 году посредниками торговли шелком выступили сами кавказцы, а именно: армяне, кумыки и персы, и мы видим, что так называемый «персидский шелк» тогда в мировой торговле играл немаловажную роль.

Насколько велики были обороты гор. Шемахи, этого центра торговли шелком еще в начале XVIII столетия, указывает следующий факт: во время нападения лезгин на Шемаху в 1712 году, по словам Соловьевса, один русский купец, Матвей Григорьевич Евреинов потерпел во время этого события убытка на 170.000 рублей, вследствие чего этот богатейший в России купец в конец разорился. Всего русские купцы были пограблены на 500.000 рублей⁴. Катифоро полагает, что в Шемахе было побито до 300 русских купцов и их слуг⁵.

¹ Библ. иностр. писат. о России, I, стр. 48. (Прим. авт.)

² Соловьев, Ист.[ория] Росс.[ии], изд.[ательство] «Общ.[ее] польза», XII, гл.[ава] 5, стр. 561. (Прим. авт.)

³ Соловьев, там же, стр. 563 (Прим. авт.)

⁴ Соловьев, там же, XVIII, гл. 1, стр. 671 (Прим. авт.)

⁵ Бутков П., «Мат.[ериалиы] для нов.[ой] ист.[ории] Кавк.[аза]», I, стр.[аница] 3, прим.[ечание] 1. (Прим. авт.)

Из всего сказанного мы можем заключить, что, как персидский, так и русский Азербайджан с давних времен имел огромное значение в области, как шелководства, так и торговли этим товаром. Хотя азербайджанские тюркские ханства, перед их окончательным уничтожением, находились, в экономическом отношении, в состоянии упадка, но все же шелководство было довольно сильно развито, несмотря на то, что, как мы увидим далее, техника обработки находилась в примитивном состоянии. Отрывочные данные источников дают некоторую картину состояния этого хозяйства перед падением ханств. Например, мы знаем, что, по сведениям 1809 года, в ширванской области ежегодно добывалось до 5.000 пудов лучшего шелка сырца, а в шушинской до 4.000 пудов¹.

В нашу задачу не входит изложение всей истории шелководства в Азербайджане. Мы хотим ограничиться лишь очерком этого производства в так называемых «казенных шелковичных садах», которые существовали после русского завоевания в нашей стране, главным образом, в шекинской провинции.

Эта область Азербайджана более других выделялась своим шелководством. Несмотря на неорганизованность, на тяжелое положение реджеберов, работавших в казенных садах, шекинская провинция вывозила довольно солидное количество шелка, как можно видеть из следующей таблицы:

В 1822 году было вывезено	1760 пудов.
В 1823 году	2394
В 1824 году	3783
В 1825 году	6030
В 1826 году	2918 ²
В 1827 году	5717

Приводя эти цифры, советник казенной экспедиции верховного грузинского правительства, Яновский, прибавляет следующее: «Следовательно, с 1822 года по 1827 год, в течение пяти лет, шелководство, без всякого внимания со стороны правительства, при множестве поборов, с оного установленных, но при одной только беспрепятственной и выгодной продаже, увеличилось почти в пять раз».

¹ Акты кавк.[азской] арх.[географической] ком.[миссии] (А.К.А.К.), IV, стр. [аницы] 82 и 83. (Прим. авт.)

² Заметно уменьшение, вследствие «беспокойства». (Прим. авт.)

Эта область Азербайджана, как в ханское время, так и в первой четверти XIX столетия представляла собою сплошные шелковичные сады. На берегах Куры росло много дикой шелковицы без всякого ухода за нею.

Шелковичные казенные сады получили свое начало при ханах шекинских. Эти владельцы, занимаясь собственным хозяйством, насыпали целые деревни выходцами из соседних областей и ханств Азербайджана, а также набранными из кочевьев гандаверами, т.е. людьми, не имеющими своего хозяйства и являющимися самым бедным элементом сельского населения в начале XIX столетия. Ханы заставляли их разводить шелковичные сады, иметь за ними надзор и пользоваться за то предоставленную им частью доходов. В других же, существовавших тогда, деревнях ханы, избрав лучшие места для садоводства, принадлежавшие поселянам, заставляли их продавать эти земли за ничтожную плату, становиться реджеберами и возделывать купленные сады, назначая им известную долю урожая¹. Таким образом, если верить только что изложенному нами мнению советника Яновского, командированного для специального изучения состояния шелководства в шекинскую провинцию в 1829 году, то получается ясная картина процесса закрепощения части свободного сельского населения еще при ханах. Этот доход с шелководства был для реджеберов настолько ничтожен, что, по словам Яновского, «рачпары не в состоянии были прокормить своих семейств, и насильтственные меры, нередко употребляемые ханами, были причиной того, что сии последние рачпары весьма искали себе избавление от принуждений в бегстве»².

«Праздные места, в случае побега или смерти рачпаров, ханы обычно пополняли из поселян других деревень; равно постройка домов рачпарам, проведение канав для напуска воды, к напоению садов, унаваживание оных, рассадка тохмачаров и другие потребные работы и постройки, возложены были в повинность на жителей всего ханства. Присмотр же за шелковичными червями и выкормкою оных оставались на обязанности рачпаров и преимущественно женщин, которые и ныне (т.е. в 1829 г.) занимаются всегда сим предметом».

¹ Азгосархив, ф.[онд] верх.[овного] груз.[инского] прав.[ительства], св.[яз-ка] 21, д.[ело] 262, листы 150–169. (Прим. авт.)

² Там же. (Прим авт.).

«Когда наступало время сортирования барамы коконов, ханы, для описания оной в принадлежащих им садах, посыпали беков, которые, перевесив у каждого раппара сырью бараму и отделив из общего урожая потребное количество на семена для будущего года, полагая на каждую 1/4 стиля семен 6 стиля лучшей барамы, остальную в шекинском магале разделяли пополам: одну часть назначали хану, следующую отдавали раппарам, потом из раппарской доли брали еще от каждого батмана по 3 стиля барамы даргалуху, т.е. в пользу смотрителя садов (примечание: при русском прав. даргалух поступал в казну). А в деревне Алиаре, сверх того, всякий раппар должен был дать из своей доли водопроводу 2 стиля барамы. В арешском же и агдашском магалах, по отделении барамы на семена, водопроводу выдавалось с урожая каждого раппара по 3 стиля оной, остальную же затем разделяли на пять частей, из коих три поступало для хана, а две раппарам. Ханские доли отдавались раппарам, которые за каждый батман сырой барамы должны были доставить хану по 5 стилям готового шелка, шестой стиля уступался им на все расходы при просушке коконов и за плату шелкомотальщику. Равным образом в обязанность раппаров входило: из барамы, отделенной на семена, выводить бабочек, и полученное от оных семя хранить и сберегать до следующей весны. Случалось иногда, что ханы помогали раппарам, особенно при первоначальном заведении садов, давали им хлеб, скот и деньги, и те из раппарских деревень, кои заселены при Джадар-Кули-хане, как-то: Ярамел, Джадараабад и Ханабати избавлены от всех почти податей, кроме малдигата (т.е. десятой доли урожая), остальные же раппарские деревни платят подати наравне с казенными крестьянами (раят). Только Карадыгин оставлен, при платеже одного таругского дохода и Салаван при одном взносе денег за мусташирный чалтык. Первая потому, что в окладной ведомости показано, будто бы жители сей деревни вместо тоджи (денежная подать) обязаны обрабатывать ханские сады, последняя от того, что прежние жители, именовавшие Молла Али (sic), бежали еще при ханах, и в окладной ведомости не помещены. На том же месте при русском правительстве поселены кочевья Сававан, платившие только мусташирный чалтык, вместо коего теперь вносят деньги. Сверх того, большая часть раппарских деревень платят подать под названием таругского дохода и все вообще за сохи (чот пули), употребляемые ими для собственного хлебопашства, от чего

большая часть раятских деревень избавлена. С тех же, кои избавлены, в агдашском магале производится сбор за шелкомотательные машины (манджанух пули), наконец, дают, причитающиеся с них по раскладке, количества денег на содержание почт и мегечурскую переправу через Курь, а до 1829 г. отбывали и все земские повинности натурой. У нас не имеется точных сведений, сколько именно казенных садов было в шекинском ханстве до русского завоевания. По окладным ведомостям, составленным генерал-майором Ахвердовым и статским советником Могилевским показано было ханских рапчарских шелковых садов пять, но советник Яновский относится к этому критически и говорит: «Но сие сведение вовсе несправедливо. Во время присоединения шекинского ханства к Российской державе, ханские шелковичные сады были в тех самых деревнях, что и ныне, только большая часть рапчаров при тягостном для них управлении последнего Исмаилхана, бежала в Ширван и Карабах, оставив без всякого присмотра сады свои, пришедшие от того в совершенное запустение; отчасти оные теперь еще видны в некоторых деревнях». В Азгосархиве имеется «Ведомость, сколько в шекинской провинции состоит казенных рапчарских садов шелковичных». На основании этой ведомости мы знаем о количестве садов в этой провинции в 1828 году: в шекинском магале было 168 садов, так называемых «рапчарских», приносящих казне доходы, и в них 959.753 шелковичных, 4.762 фруктовых деревьев и 6.669 виноградных лоз. Кроме того, в том же магале существовали сады, оставшиеся без реджберов, вследствие их побегов, почему от них казна не получала никаких доходов. Таких садов было 34 с 82.822 шелковичными, 389 фруктовыми деревьями и с 50 виноградными лозами. Всего в шекинском магале существовало 202 сада, со 1.042.575 шелковичными, 5.151 фруктовыми деревьями и 6.669 виноградными лозами.

В агдашском же магале Шекинской провинции было: 204 сада с 2.296.264 шелковичными, 9.742 фруктовыми деревьями и 13.020 виноградными лозами. Между прочим, существовали такие сады, которыми пользовались юзбashi и муллы, ничего казне не платившие. Из общего числа 493 садов в этой провинции, в 1829 году этой категории привилегированных слоев общества принадлежали 25 садов. Таким образом, некрепостное, свободное шелководческое хозяйство принадлежало большей частью муллам, ибо они, как в ханскую эпоху, так

и после русского завоевания были освобождены от платежа налогов и податей. Всего в вышесказанном году в шекинской провинции существовало 482 сада с 2.296.264 шелковичными, 9.742 фруктовыми деревьями и 13.020 виноградными лозами¹.

Русское правительство, после покорения шекинского ханства, придавало шелководству огромное значение. Под влиянием министерства финансов, верховное грузинское правительство, через свою казенную экспедицию, «весьма» заботилось об этой отрасли производства. Как это бывало во всех бюрократических учреждениях центра и окраин России, эта забота о развитии шелководства шла медленным темпом. В нашем архиве сохранились целые дела, касающиеся этого вопроса, заключающие в себе несколько тысяч страниц. К вопросу об улучшении шелководства в казенных садах подходили с нескольких сторон: во-первых, посадки новых шелковичных деревьев (тохмачаров), во-вторых, улучшения техники, а именно – метода шелкомотания, в-третьих, улучшения положения реджеберов.

Наиболее успешно шло дело посадки новых деревьев. Так как шелковичные деревья были «недолговечны», то приходилось заботиться о посадке новых. С одной стороны, их уничтожали разные вредители, с другой стороны – самая техника использования листьев препятствовала правильному развитию и росту деревьев. По этому поводу советник Яновский говорит: «Сады сии недолговечны. Нередко в крепко унавоженном грунте рождаются черви, именуемые камаил, подъедают корни шелковичных деревьев, отчего они и сохнут, и самая рубка ветвей, оставляя дерево безпрерывно в болезненном состоянии, сокращает его век; через 20 лет обыкновенно старые деревья, лишенные всей своей жизненной силы, вырубаются и заменяются тохмачарами. Согласно особой ведомости, представленной шекинским комендантом в 1835 году казенной экспедиции грузинского правительства, были посажены следующие количества новых деревьев, начиная с 1830 года:

В 1830 году	– 528.800 деревьев,
1831	– 391.550
1832	– 366.700
1833	– 218.590

¹ Азгосархив, ф.[онд] верх.[овного] груз.[инского] прав.[ительства], св.[язка] 21, д.[ело] 262, листы 37-50. (Прим. авт.)

1834	– 183.800
1835	– 19.200

Всего в течение шести лет было посажено 1.881.640 деревьев¹.

Посадка новых деревьев шла двумя способами: во-первых, правительство покупало молодые тохмачары, во-вторых, шла пересадка, которая производилась упорным и долгим трудом реджеберов. Советник Яновский описывает процесс посадки новых деревьев следующим образом: «для разведения оных, сначала рассеивают семена черной шелковицы, потом, в следующий год, выросшие молодые деревыца (тохмачары) с половины марта до половины апреля пересаживают на унавоженный грунт земли и через 4 года начинают употреблять для корма червей – только вместо того, чтобы срывать одни листья, рубят целые ветви и тем препятствуют рости дереву более».

Однако этими, чисто техническими, мерами нельзя было развить шелководство в Азербайджане вообще и в Шекинской провинции, в частности. Вообще, в начале русской эпохи замечалось сильное падение шелководства. Русские местные чиновники всячески старались свалить вину упадка этого производства на голову бывшего ханского правительства. Но корень зла находился не только в том, что, как говорит советник Яновский, «разведение шелковичных садов в Закавказском крае основывается на одних преданиях, и способ возделывания оных жители перенимают один от другого», что «доселе еще никто не преподал им правил к успешнейшему и лучшему ходу сего дела», а в тех социально-экономических условиях, которые существовали в крае, «народ, освобожденный от деспотизма ханов», все же продолжал весьма и весьма холодно относиться к этому важному производству. Бегство реджеберов было угрожающим для этой отрасли производства. В приказе экономического отдела верховного грузинского правительства тифлисской городской полиции всем комендан там Грузии и других мест, от 28 марта 1828 года, между прочим, ясно говорилось, что «главнейшее затруднение в неимении при оных (т.е. при реджеберских казенных садах) полного числа рабочих, из коих иные умерли, другие бежали... заменить их некем, ибо не могут быть к тому взяты от земли и от своих хозяйств оседлые жители, которых собственное положение от того бы расстроилось, а лежащая на них повинности, по необходимости надлежало бы возложить на других,

---

¹ То же дело, лист 465. (Прим. авт.)

между тем, как вообще обыватели и без того уже отягощены повинностями». Поэтому правительство решило сдать их в откуп, как это было в ганджинской округе¹.

В то же время и сам, близко стоявший к этому делу, шекинский комендант продолжал беспокоиться о том, что вследствие недостатка и отсутствия в некоторых садах реджеберов, «могут оные прийти в совершенное запустение», и потому, в своем рапорте, от 13 марта 1829 года, казенной экспедиции высказывает мнение: «Мы предположили заменить сии убыльные места гандаверами, то есть поселянами, неимеющими оседлости и почти бесполезными обществу, с тем, чтобы каждому из таковых гандаверов оказывать пособие двумя тагарами пшеницы шекинской меры или деньгами за оные, по справедливым ценам, из суммы, ассигнованной экспедицией на пособие ракпарам»². Скоро эта мера стала проводиться в жизнь, и комендант довел до сведения начальства, что «сделано мною распоряжение о замещении гандаверами убыльных ракпарских мест, из коих один уже поступил в казенный сад и ему выданы деньги на покупку двух тагар пшеницы».

То же мнение о пользе замещения реджеберов гандаверами было высказано и Яновским, и стало приводиться в исполнение еще до получения окончательного согласия экспедиции. 25 мая 1829 года последовало постановление последней: «согласиться совокупно с мнением советника Яновского и шекинского коменданта» и привести в исполнение распоряжение о замещении реджеберов гандаверами. В том же приказе экспедиции идет речь и о желательности отдачи этих садов на откуп. Но так как экспедиция категорически хотела отдать все сады провинции вместе и без раздробления, в одни руки, то откупщиков не оказалось. Поэтому, приказ предписывает коменданту об улучшении садов в исполнение предписания об улучшении садов, а вопрос об откупе отпал.

Остававшиеся реджеберы, под давлением невыносимых экономических условий, старались заменить шелковичные деревья фруктовыми, чтобы освободиться от невыгодного, совершенно бесполезного труда в пользу казны. Еще в 1828 году, исп. [олняющий] должен. [ость] шекинского коменданта даже предлагал казенной экспедиции «воспретить ракпарам совершенно разведение оных (т.е. фруктовых

¹ Там же, листы 119 – 120. (Прим. авт.)

² Там же, л. 138. (Прим. авт.)

деревьев), а обратить все трудоимство и насаживать пустопорожние места тохмачарами; тех раппаров, кои имеют в своих садах довольноное число виноградных лоз, обложить с каждой тысячи пудов стилем шелку, впредь же запретить разводить под условиями, кои будут впоследствии времени сообщены»¹.

Действительно, положение реджеберов казенных шелковичных садов было весьма тяжелым. Из дальнейшего мы увидим, что здесь тесно связались восточно-деспотические основы с принципами русского крепостничества, и в этом находилась основная причина падения этого дела. Вот, что писал о положении реджеберов и о катастрофическом состоянии шелководства в шекинской провинции один из местных чиновников: «Сады шелковичные находятся в худом состоянии, как по числу деревьев, так и по побеге раппаров: они опустили совершенно и никакого дохода не делают. Каковых оказалось в провинции 74, из них раппары некоторые при ханских правлениях бежали в смежные провинции и там остались на жительство, другие при управлении комендантами оставили сады и разбежались в разные деревни сей же провинции, а некоторые в случае бывших военных действий, по оставлении провинции, бросили сады и возвратились в те деревни, из которых были переселены. 4-е, побеги раппаров, как дознано, происходят оттого, что на места бежавших при ханских еще правлениях в разные провинции, замещали коменданты из казенных поселян, платящих подати и само собою, разумеется, что поселенцы из таковых терпят большие разорения, оставляя свои хозяйствственные заведения, иногда собственные свои усадьбы, и должны обрабатывать казенные сады с частей определенных, каковы для пропитания семейств»². Более полную картину положения реджеберов и шелководства до 1830 года дает нам тот же Яновский в следующих словах: «Осмотрев, согласно данной мне инструкции, казенные шелковичные сады в шекинской провинции и при оных находящиеся дома раппаров, и чердаки для корма червей, я нашел все сие в дурном состоянии. В многих деревнях я нашел все казенные сады и строения несколько в лучшем против прочих виде, кои быв выходцами из других соседних областей, вступали еще при ханах в раппарское звание и с того времени постоянно занимались возделыванием своих садов. Но и сии сады в продолжении войны с Персией и Турцией, когда казенных раппаров

¹ Там же, л. 52–57. (Прим. авт.)

наряжали наравне со всеми казенными поселянами в земские повинности и в дальнейшие транспортировки, пришли в запустение. А сбор в 1828 году Кастеллы вместо шелка сухой барамы и закупка в казну хлеба с доставкой оной в сигнахской магазин, не только лишило рабочих всех средств к содержанию садов и строений в должном порядке, но даже отняло всякую возможность снискивать себе пропитание. Из беднейших, особенно тех, коих сады не приносили дохода, иные бежали, другие намеревались бежать, для избавления себя от голодной смерти. В сем крайнем положении, принимая меры к поддержанию существования несчастных рабочих, я исходатайствовал освобождение их от всех земских повинностей, приказал смотрителю агдашских чалтырных казенных посевов раздать им 50 тагар сулупу (род дурного проса, получаемого при очистке чалтырка), убедить казенных поселян (раятов) дать некоторым из них в замен для посева хлеба. Наконец, ассигновка экспедиции сумм на продовольствие рабочих и приведение садов в лучшее состояние, также последовавшее разрешение замещать убыльные места рабочих гандаверами, дало совершенно другой оборот сего отрасли казенного хозяйства: рабочие с большей охотой принялись за работу садов, огорожи и канавы вокруг большого числа оных исправлены, насыпано значительное количество тохмачаров и приступлено к постройке домов и чердаков, где крайняя необходимость того требовала».

Однако, это сообщение Яновского можно считать крайне односторонним и выраженным, может быть, для указания на то, что после посещения им шекинской провинции дело шелководства улучшилось. В действительности мы видим совершенно другую картину. Шекинский комендант от 8 июня 1832 года сообщает казенной экспедиции, что «30 человек рабочих находятся в бедственном положении и даже без дневного пропитания, через что самовольно отлучаются в другие деревни, а другие вовсе бежали и находятся в безвестности»¹. То же самое продолжалось и через два года, когда уже были проведены некоторые полумеры к улучшению жизни реджеберов.

Архивные материалы, касающиеся этих лет, полны жалоб шекинских комендантов казенной экспедиции на бегство реджеберов. Например, шекинский комиссар Пожаров доносит казенной экспедиции, от 13 июля 1834 года, «что из числа казенных рабочих, находящихся

¹ Азгосархив, тот же фонд, св.[язка] 23, д.[ело] 272, л.[ист] 1034. (Прим. авт.)

в шекинских садах, бежало 3 человека в карабахскую провинцию»¹. Основные причины бегства были указаны выше. Во всяком случае, самой близкой побудительной причиной были тяжелые поборы и крепостнический труд, благодаря которым реджеберы принуждены были голодать. Следующий отрывок – выписка из журнала казенной экспедиции, от 1 ноября 1830 года, поясняет нам, какая мизерная часть урожая попадала в руки реджеберов: «В Шекинской провинции, казенные шелковичные сады обрабатываются ракшарами, которые всегда платили в казну половину из полученных от сих садов коконов, другую оставляя себе на обработку. Потом коконы сии теми же ракшарами отдавались для размотки в шелк, но как из них весьма мало было знающих сию работу, то не только казенные, даже собственные коконы они отдавали для размотки шелкомотальникам с платою за то некоторой доли шелку, которая для того уступалась ракшарам и от казны. Шелк получался всегда весьма грубым и нечистым»². Помимо того, те же реджеберы, «кроме прямой обязанности, отбывали все повинности наравне с другими поселенцами». Наконец, реджеберы, отдавая шелк для размотки шелкомотальникам, которые по большей части были из неплатящих никаких налогов маафов и мулл, кроме платежа им определенной доли шелка, сами помогали им при работе носить дрова, воду, топить печку, и содержали мастера во все время на своем иждивении. Такими тяжелыми налогами и повинностями «несчастные ракшары не только должны были отдать в казну и собственные части, но многие покупали у казенных крестьян и маафов бараму, заплачивая деньги, продавая последнее свое имущество, тем более, что казенные приемщики дурной барамы не брали, а некоторые ракшары и хорошей не имели»³.

Собираемого казенного шелка было довольно много: в 1826 г. было собрано 236 п. 39 ф. 17 зол., причем каждый пуд шелка был продан на Кавказе по 134 р. Всего выручено было 32,023 р. 25 к. серебр.⁴. В 1827 г. было собрано 687 батманов 45 11/18 стилей, которые

¹ Там же, св.[язка] 21, д.[ело] 262, л.[исты] 262, 384. (Прим. авт.)

² Там же, л. 223–227. (Прим. авт.)

³ Рапорт Яновского казенной экспедиции от 18 июня 1829 г. Там же, св.[язка] 22, д.[ело] 271, л.[исты] 24–71. (Прим. авт.)

⁴ Там же, св.[язка] 16, д.[ело] 189, л.[исты] 23–24.

были проданы за 36.241 р. 60 коп. серебром¹. В 1832 году на казенное шелкомотальное заведение поступило сухой барамы со всех магалов 260 батманов 26 1/8 стилем².

Под давлением развала казенного реджеберского шелководства, под влиянием бегства и большой смертности реджеберов, у чиновников появилась идея о необходимости облегчения положения реджеберов и, даже, освобождения их от крепостничества.

С особенно резкой критикой практики властей по отношению к реджеберам выступил тот же советник Яновский. Касаясь отношения, к этому классу населения, прежних комендантов, на которых, а не на крепостную систему, он вообще старался свалить всю вину, он говорил: «Заставляли насильно оставлять коренные оседлости и обрабатывать казенные сады, через то (коменданты) не только не упрочили хозяйство в шелководстве, но привели оное таковым переселением в упадок и тяготили деревенские общества платежем за них податей». Он предлагал облегчить им платеж налогов, построить для их жилья дома, снабжать их хлебом и деньгами и улучшить технику. Вся непродуктивность их работы, «их ленивость», чиновники объясняли тем, что у реджеберов нет интереса к работе. Шекинский комендант, в своем отношении к казенной экспедиции, от 27 марта 1831 года, пишет: «Самое лучшее средство улучшения состояния всех вообще рабчаров, по местному соображению моему, состоит в том, что после переписи уничтожить совершенно звание рабчаров и сделать их казенными поселянами, отдав им в полном распоряжение рабчарские сады, взамен же сего обложить их умеренным окладом шелка, подобно поселянам казенных деревень; тогда они будут знать, что обрабатывают свою собственность и из прибытка отадут казне такую часть, которая не лишит их пропитания»³.

Было ли положение реджеберов улучшено, мы, на основании имеющихся у нас материалов, ничего не можем сказать. Что касается бумажного и канцелярского материала, то его было потрачено очень много. По поводу этого вопроса мы можем повторить слова проф. Кизеветтера по общей характеристике эпохи Николая I: «То был непрерывный бюрократический бег на месте, подобный тому, который

¹ Там же, св.[язка] 23, д.[ело] 272, л.[ист] 976. (Прим. авт.)

² Там же, св.[язка] 23, д.[ело] 272, л.[исты] 401–402. (Прим. авт.)

³ Там же, связка 21, дело 262, листы 287–288. (Прим. авт.)

употребляется в гимнастике, и при котором люди деятельные, двигаясь, никуда не подвигаются»¹.

Несмотря на существование различных проектов по улучшению положения реджеберов, бегство их продолжалось, и в 1835 году число бежавших, по официальному сведению, равнялось 15 чел².

Однако, в это время было сделано одно существенное нововведение, которое, без сомнения, имело значение для всего шелководства в Азербайджане в будущем. Это – замена старой техники шелкомотания новою. Для того, чтобы ясно представить, в чем состояло это нововведение и какова была цель его, приведем отношение начальника казенной экспедиции от 27 мая 1829 года. В нем мы читаем следующее: «Обращая внимание на принимаемые правительством меры к усовершенствованию в нашем крае шелководства, я поставляю неизменную обязанностью к тому по возможности. Главная причина недоброты выделяемого здесь шелка есть та, что первоначальная обработка оного, разматывание, будучи первым основанием для хорошего шелка, производится весьма дурно. Нечистота шелка при настоящем разматывании при ручной работе, суть и медленность при ручной работе, суть неизбежные недостатки разматывания. Для отвращения сих затруднений, я нахожу необходимым ввести машины для итальянской размотки шелка; они послужат основанием правильной размотки оного. Я приказал сделать образцовую машину сего рода. Рассмотрев оную, нашел, что она облегчит и ускорит нынешние работы и послужит к улучшению шелководства. За машину сию следует заплатить 60 руб. серебром. По распоряжению моему присланы знающие работу сию тифлисские казенные крестьяне – мастер Оганез Аветикашвили Карташев и подмастерье Акуб Шайкоба-шили Шайнов; они обязываются в шесть месяцев обучить рабочих чистой размотке шелка, а последний, сверх того, надеется в один месяц совершенствоваться в своем ремесле столько, что и самому поступить в мастера, почему и просят они жалования: первый – по 20, а второй, на первый случай по 10 рублей серебром в месяц. После же, по засвидетельствованию таможенного коменданта, что заслуживает оклад мастера, также, чтобы отвоз их был туда и обратно в Тифлис, на казенный счет; сверх

¹ Внутр.[енняя] полит.[ика] в царств.[ование] Николая Павловича. (Прим. авт.)

² Азгосархив, тот же фонд, св.[язка] 21, л.[ист] 262, л.[ист] 471. (Прим. авт.)

того, дать им в Нухе и квартиры и войлок для постелей, пишу же иметь для себя на свой счет и, наконец, впредь в счет жалования: первому – 20 р. сер. Доводя о сем знать казенной экспедиции, предлагаю ей заключить с сими крестьянами на вышеизложенном основании контракт и озабочтиться отправлением сих мастера и подмастерья с машиною в Нуху. Сверх того, сделать нужные распоряжения о введении сей методы размотки шелка в употребление в шекинской провинции между рабочими. На какой конец заказать еще двадцать таковых машин или более для Шекинской провинции – принять меры, чтобы способ сей принят был и между частными хозяевами шелководных садов»¹. Скоро такой договор с указанными мастером и подмастерьем действительно был заключен, о чем свидетельствует сохранившийся у нас текст договора, и в июне 1829 года они приступили к работе.

Уже 28 июня 1829 года эти работы на одной машине начались полным темпом. Сами чиновники, руководившие шелководством в уезде, стали требовать увеличения числа машин, для того, чтобы в каждой деревне, где имеются шелководные сады, были машины, а не только в одной Нухе, куда реджеберы могли приезжать с большим трудом для обучения этому делу, и чиновники же ходатайствовали об увеличении выдачи обучающимся от 7 до 10 к. Ко 2 сентября уже набралось 10, и скоро к ним прибавилось еще несколько машин². Тюрки-реджеберы скоро стали понимать значение европейского способа размотки. Исполн. должность шекинского коменданта, в своем сообщении от 27 июня 1829 года, говорит, что казенная экспедиция приискала еще четырех мастеров в Тифлисе³. В другом сообщении говорится о том, что рабочие пошли полным ходом и начались серьезные опыты⁴. 7 сентября обучалось уже 15 реджеберов⁵. Наконец, через несколько месяцев упорной работы, у реджеберов и у обучавших их мастеров получились первые результаты. В том же году шекинский комендант сообщил казенной экспедиции следующее: «Имею честь довести до сведения казенной экспедиции: четыре казенных рабочих, а именно:

¹ Там же, св.[язка] 22, л.[ист] 271, л.[ист] 12, приказ 27 мая 1829 г., № 140. (Прим. авт.)

² Там же, л. 9–10. (Прим. авт.)

³ Там же, л. 107. (Прим. авт.)

⁴ Там же, л. 5–6. (Прим. авт.)

⁵ Там же, л. 61. (Прим. авт.)

дер. Ибрагим-кенды – Курбан Мустафа-оглы, Ханабута – Агмед Ибрагим-Халил-оглы, Джадараабада – Джебраил Юсуп-оглы и Альяра – Аракел Тюни-оглы совершенно образовались в чистой размотке шелка, для коих на сих днях строятся четыре машины из присланных из Тифлиса и возложится на них наматывание шелка той же доброты, какой выделяется тифлисскими мастерами». Кроме того, «предлагает, что по 10 к. кормовых денег мало, и ракпары жалуются, то ученикам разрешено было платить по 30 к. в день, а четырем обученным по 20 р. в месяц.

12 октября 1829 года всего новых мастеров из тюрок было 5 человек¹. Нам кажется, что эти лица были во всем Азербайджане первыми квалифицированными рабочими, получившими навык в работе на европейских машинах, вот почему мы считаем не лишним поместить их список, сохранившийся в нашем архиве: «Список ракпарам, отличающимся в чистой размотке шелка и достойным награды:

Дер. Ибрагим-кенды: 1. Курбан Мустафа-оглы, 2. Аракел Тюти-оглы.

Дер. Джадараабад: 3. Джебраил Усуп-оглы.

Дер. Ханабад: 4. Агмет Ибрагим-Халил-оглы.

Дер. Ярал: 5. Мамед-Али Али-оглы.

Дер. Ярамар: 6. Мамет Касым-оглы».

Казенная экспедиция, в марте 1830 года, выдает им награды и обращается со следующим: «Шекинской деревни Ибрагим-кенды казенному ракпару Курбан Мустафа-оглы. Для ведения между жителями, к собственной пользе и обогащению их, усовершенствованного способа шелкомотания, учреждено в Нухе заведение, выделяющее шелк отличной доброты. Ты и товарищи твои ревностью стремились отличиться в искусстве сей улучшенной размотки и сделались первыми и лучшими шелкомотальниками в провинции. По представлению господина коменданта, неутомимо внимательного к рвению вашему, казенная экспедиция ходатайствовала о достойной вам награде, и его сиятельство, главнокомандующий в Грузии, ген. фельдмаршал граф Паскевич Эриванский, удостоив своим лестным милостивым вниманием отличные труды ваши, изволил пожаловать тебе почетный кафтан, при сем препровождаемый. Да будет оный пред всеми соотечественниками твоими, жителями шекинской и других провинций,

¹ Там же, л. 131–132. (Прим. авт.)

отличительными знаком воздаяния за весьма похвальные труды твои, в доказательство, что благотворное правительство всегда везде в каждом видит их и по достоинству вознаграждает. Дано верховного грузинского правительства из казенной экспедиции, марта в ...¹ день 1830 года»².

К 1 февраля 1830 года сорок человек реджеберов, которые учились шелкомотальному делу, сравнялись в искусстве с мастерами, «а сии последние были уволены»³. Таким образом, в течение восьми месяцев провинция стала иметь 40 квалифицированных мастеров.

Дело обучения реджеберов новой размотке шелка и расширение применения новых машин в этом деле продолжалось, и в следующем году: в 1831 году число машин было уже 83, и правительство усиленно стало взыскивать деньги с реджеберов для приобретения их. Таким образом, это сделалось новой повинностью. Например, мы знаем, что в том же году было получено с реджеберов 207 р. 50 к серебром⁴. Правительство новыми наградами старалось поощрять мастеров из реджеберов: в 1832 году казенная экспедиция отправила в распоряжение шекинского коменданта, для раздачи реджеберам, трое серебряных часов «с репетицией», и 5 кафтанов⁵. Однако, работа так, как жаловало правительство, не шла. С одной стороны, как было сказано выше, продолжалось бегство реджеберов, и в 1832 году, по официальным данным, число бежавших достигло 15. С другой, как во всяком крепостном хозяйстве, продуктивность была невелика, и комиссар Пожаров «причину этой лености» находил в «малом жаловании» мастерам и в «крайне бедственном» положении реджеберов, из которых многие остались «без дневного пропитания»⁶.

Не лучше обстояло дело шелководства и в других центрах Азербайджана. В ганджинской провинции падение шелководства прямо бросалось в глаза. Уже в 1829 году в этой провинции существовали целые леса шелковичных деревьев, вырубленных нарочно жителями,

¹ Неразборчиво. (Прим. авт.).

² Там же, л. 320. (Прим. авт.)

³ Там же, св. 21, л. 262, л. 223–227. (Прим. авт.)

⁴ Там же, св. 23, л. 272, л. 952. (Прим. авт.)

⁵ Там же, л. 958. (Прим. авт.)

⁶ Там же, л. 1034. (Прим. авт.)

«дабы избежать притеснения откупщиков»¹. Если в шекинской провинции причина падения этого производства крылась в крепостной системе принудительного хозяйства барщинного типа, то в ганджинской – корень зла лежал в откупной системе и произволе откупщиков. Там существовала особая статья сбора за шелководство, называемая малджигатом (десятина). Эта статья с первых же дней завоевания страны была отдана на откуп. В 1825 году откупщик давал ежегодно казне по 1520 рублей. В следующем году был заключен с новым откупщиком новый контракт, по которому откупщик с каждого талана или батмана (50 стилей) урожая шелка поселян, работающих на собственных садах, получал по стилю. Но среди крестьян, занимающихся шелководством, были такие, которые не имели собственных садов и пользовались деревьями, произраставшими на казенных землях. С них откупщик тоже должен был получать натурой то же самое, и сверх того еще по 40 к. с батмана урожая деньгами. Собственно говоря, русское правительство в этом деле ничем не изменило ханских порядков, оставшихся, по отношению к шелководству, в полной силе; вот почему, в контракте ясно сказано было: «собрать откупщику по сей статье в свою пользу то, что возможно было при владельце Джеват-хане».

Денежный сбор со второй категории поселян получался довольно большой, а именно – 2020 р., между тем, как казне откупщик должен был вносить за это лишь 90 рублей. В 1828 году откупщик собрал с елисаветпольского уезда: 910 батманов шелка. Произвол откупщика был чрезвычайно тяжел для поселян. Для иллюстрации, мы приводим здесь следующий отрывок из рапорта того же Яновского, от 18 мая 1829 года: «Сбор откупщик производит следующим образом: в то время, когда коконы поспеют, откупщик приезжает сам, но чаще присыпает своего поверенного и, при 2 или 4 свидетелях (выбираемых большей частью из беков или их нукеров, т.е. служителей), произвольно назначает – сколько может выйти батманов барамы. Надобно заметить, что беки и их служители, по прежнему обыкновению, избавлены от платежа всех податей и повинностей. Итак, они не находят никакой защиты у своих соседей, обыкновенно предварительно еще производят с откупщиками сделки и не противоречат им при назначении количества коконов. Если же между садоводом и откупщиком

¹ Там же, св. 16, л. 189, л. 18–22. (Прим. авт.)

выйдет спор, в таком случае последний нарочно принуждает шелководов или подвергнуть коконы порче в ожидании его, или убрать оные до свидетельства. В первом случае промышленники лишаются всего и, сверх того, платят пошлину, а в последнем – подвергаются законным образом преследованию откупщика, от которого весьма дорого стоит им выкупиться. Сими средствами откупщик заставляет промышленников платить с каждого батмана, вместо одной стили, по 2 р. 20 к. серебром, тогда как батман весь стоит не более 8-ми рублей, и таким образом, вместо предоставленной ему 50-й, берет 4-ю часть произведения»¹.

Aziz Houbaïdoullin.

APERÇU SUR L'HISTOIRE DE LA SÉRICICULTURE À AZERBAÏDJAN.

Le littoral de la mer Caspienne a été renommé dès l'antiquité par la sériciculture; l'export de la soie de ces contrées en Europe nous est connu depuis le moyen-âge; au XIII siècle les Génois et au XIV s. les Vénitiens y venaient la chercher. Après la conquête du détroit de Bosphor et celui des Dardanelles par les Turks, la Russie, au XVI et XVII s. s. fut la voix de transit pour le commerce de soie. La ville de Shémakha était le centre très considérable de ce commerce au XVIII s., et elle gardait encore ce rôle au commencement du XIX s., quand les khanats transcaucasiens furent annexés par la Russie.

Dans l'archive d'Etat de la République d'Azerbaïdjan on trouve plusieurs dossiers et documents concernant des données sur la statistique et la technique de la sériciculture, ainsi que sur l'état économique des paysans occupés de cette industrie. Ces documents se rapportent aux années 20-35-me du XIX siècle, et servent de supplément à ceux qui ont été publiés dans les «Actes de la Commission Archéographique de Caucase».

La sériciculture avait alors une grande importance pour le pays et rapportait un revenu considérable au Gouvernement qui était intéressé de le faire monter. La baisse de la production de soie provoqua de la part du Gouvernement une révision qui a été suivie de plusieurs dispositions, ainsi

---

¹ Там же, св. 16, л. 189, л. 18–22. (Прим. авт.)

que: 1) fournire aux paysans de jeunes arbres pour augmenter la quantité des jardins, et reserver aux cultivateurs des allégements; 2) l'amélioration des modes du travail au moyen des machines à dérouler la soie remplaçant le travail à la main; on envoyait des instructeurs pour enseigner aux paysans l'usage des machines. Ceux qui ont reçu cet enseignement ont été les premiers travailleurs qualifiés à Azerbaïdjan; 3) enfin, on tâchait d'améliorer l'état économique des paysans par d'autres moyens, car cet état était tel que souvent ils fuyaient abandonnant leurs jardins. Les chiffres et les documents que l'auteur trouva dans l'Archive servent d'illustrations à cet état de choses.

КРАХ ПАНИСЛАМИЗМА ВО ВРЕМЯ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

Объявленная султаном Магомедом V² в ноябре 1914 года священная война против Антанты не дала значительных результатов и лишь доказала окончательное банкротство германо-турецкого панисламизма активного типа. Однако, некоторый отклик призыв султана нашел в более отсталых областях мусульманского Востока. Активные действия берbero-арабских племен, под лозунгом сенуссизма³ в Северной Африке, сочувственное отношение к туркам в Афганистане, попытка заключения тайного договора Персии с Германией – все это происходило под лозунгом объединения ислама, в действительности же эти движения имели совершенно другие причины, о чем будет сказано ниже. О невозможности создания панисламского государства в арабских странах говорил экс-султан Марокко Мулай Хафиз⁴, еще во

¹ Впервые опубликовано: Губайдуллин Г. Крах панисламизма во время империалистической войны / Г. Губайдуллин // Культура и письменность Востока. – Баку, 1929. – Кн. 4. – С. 103–118. Текст дается по данной публикации.

² Султан Магомед V – имеется в виду 35-й османский султан Мехмед V Решад (1844–1918), правивший с 1909 по 1918 год. В русскоязычной и кавказской традиции его имя часто передается как «Магомед» или «Магомет». Его правление напрямую связано с историей Кавказа в контексте Первой мировой войны, когда Османская империя воевала против Российской империи на Кавказском фронте (1914–1918).

³ Сенуссизм – это религиозно-политическое движение и суфийский орден (тарикат), основанный в 1837 году в Мекке алжирским богословом Мухаммадом ибн Али ас-Сенуси. Учение сочетало строгий исламский консерватизм с мистицизмом и активной миссионерской и политической деятельностью.

⁴ Мулай Абд ал-Хафиз (часто Мулай Хафиз, правил в 1908–1912 гг.) – марокканский султан из династии Алауитов, чье короткое правление стало кульминацией борьбы за независимость Марокко от европейского влияния и завершилось установлением французского протектората.

время его путешествия накануне войны 1914 года. На вопрос о его отношении к панисламизму Мулай Хафиз сказал следующее: «Все это чистая фантазия. Действительно арабы имеют общую религию и общий язык. Однако они не смогут составить единой нации, ибо их расовая принадлежность и территории, на которых они живут, не едины. Цветы, горы, климат, экономические интересы являются теми факторами, которые разделяют людей друг от друга. Перед этими причинами единство языка и религии не могут играть большой роли. Кроме того, малые и слабые нации для того, чтобы им возможно было жить, должны опираться на какую-нибудь великую державу. Как говорится в арабской пословице – «большая рыба проглатывает малую». Мелкими народами Франция признана, как уважающая убеждения и традиции их держава. Хотя у меня есть некоторое тяготение к англичанам, но я отдал свою любовь Франции и французам»¹. Даже более прогрессивная часть правящих слоев самой турецкой империи уже ко времени империалистической войны стала относиться скептически к идеям панисламизма, хотя официально правящая партия «Единение и прогресс» продолжала держаться этой идеи и не старалась проводить ее в жизнь.

Например, один из османских пантюркистов еще до войны писал следующее: «То, что нас турок заставляет придерживаться принципов народности, это те опасности, которые угрожают нам, туркам, как с внешней, так и с внутренней стороны. Элементами, которые до сих пор обеспечивали существование этого государства, отдавая ему свою жизнь, материальные средства и налоги, являются турки. После этих пережитых скандалов и войн, турецкий элемент окончательно ослабел. Его просвещение, его искусство, даже его земледелие погибли. В качестве благодарности за такие жертвы, этот народ от других мусульман получил только восстания и ругань. Теперь уже необходимо, чтобы турецкий народ немного обращал внимание на самого себя

¹ مالیہ دیوان حرب عرفیسندہ روئیت اولنا مسئلہ سیاسیہ حقدا اضحاکات؛ در دنچی اردوی مالیون طرفن شر ایدیلشدر، درسات، 1332، صفحہ 197. (Прим. авт.).

Книга на осман. яз. под названием: «Малийе-и диван-и харб арафэсиндэ рүй'ет олунан мэсилле сийасете хаккында изахат; дердюнджю орду-йы хумайун тарафындан нешр идильмишдер, Дерса'адет, 1332, сахифе 197. (В пер. с осман.-турк. «Разъяснения относительно политического вопроса, рассмотренного в финансовом военном диване; издано 4-й императорской армией, Стамбул, 1332 г. (1914 г. н.э.), страница 197».

и, сократив приносимые жертвы в пользу других, занялся бы собой. Для этого нужна новая идеология, основанная на принципе туркизма. Прежде всего, эта наша насущная потребность. Исламская же связь должна оставаться связью второй категории... Известно, что объединить под одной властью мусульманские страны, попавшие в руки европейцев, нет возможности. Что касается внутренних мусульман, то у них нет такого братского чувства, о котором вы мечтаете...»¹.

Что касается интеллигенции «российских мусульман», то и тут среди них перед войной господствовало отрицательное отношение к чистому панисламизму. Например, в 1916 году, известный журналист Джамал Валиди, в статье «От Востока к Западу (журнал «Анг». № 2, стр. 34), писал следующее: «Правда, я отношусь к объединению в будущем мусульман отрицательно. Я говорю, что нет возможности к их объединению не только в политическом, но и в культурном и литературном отношениях. С ростом у мусульман экономических интересов, с ростом национального сознания, они отделяются друг от друга и каждая мусульманская народность будет развиваться отдельно. Думать об объединении мусульман, значит думать, что мусульмане не будут развиваться, но ведь, если они не будут идти вперед, то они должны будут погибнуть. Следовательно, для того, чтобы мусульманские народы не погибли, то ради этого они должны разъединиться. Если у мусульман до сих пор существовало некоторое единство, то это происходило не вследствие того, что они шли по пути прогресса вперед, а потому, что они находились на низкой ступени развития... Почему до сих пор мусульмане были едины? А потому, что у них не было ничего, ради чего они могли бы отделиться друг от друга. Они до сих пор верили только в то, что «воскресение после смерти – истина, появление Гога и Магога – истина и т. д.» и, на основании этой догмы, они чувствовали себя едиными и противопоставляли себя миру «неверия»... То, что объединяло ислам и та сила, которая объединяла ислам – это был застой в мыслях. Во всем мусульманском мире, не только науки и понятия, но и учебники, в течение веков были едины...

¹ Цитирую из книги Ахмед-Наги, «1922 اسلامدہ دعوای قومیت، استانبول» стр. 7 (Прим. авт.). Назв. книги на осман.-турк. «Ислам'да да'ва-и каумийет, Истанбул. В пер. «Национальный вопрос в исламе» (букв. «Дело национальности в исламе»), Стамбул.».

Но это единство, разве не является показательным фактом того, что голова мусульманского мира была прикована к неподвижному столбу».

Нет сомнения, что мусульманская интеллигенция за исключением немногих (лиц, вышедших из феодальных сфер) не была – на стороне Антанты. Но сочувствие германо-турецкой коалиции объясняется не «панисламистскими», а националистическими настроениями. Были, однако, и такие, большей частью мурзы и беки, получившие русское воспитание, которые были связаны с русскими оборонческими партиями или же с кадетской партией по традиции «Союза русских мусульман». В этом последнем смысле характерно открытое письмо одного из лидеров приволжско-татарских основателей упомянутой панисламистской партии Сейд Гирея Алкина, помещенное в черно-сотенной газете «Казанский Телеграф» (№ 6417–22 окт. 1914 г.). Этот татарский адвокат, «общественный деятель», провозгласив принцип: «исполнять свой долг с мужеством других лучших сынов России, хотя бы врагами оказались их единоверцы», писал следующее: «Обыкновенно делают замечание: а панисламизм? Дескать, мусульманин не пойдет против единоверцев. Но панисламизм трактует духовное, а не кровное родство приверженцев ислама. Он занят идейным, а не политическим сближением мусульман как таковых, вне их расовой или национальной принадлежности. Его активность становится боевой только в одном, теоретически крайнем, практически невероятном случае, если бы мир объявил войну исламу, как религии, с целью ее уничтожения. Есть ли тень чего либо подобного в настоящее время, где либо в мире, не исключая России? Достаточно, впрочем, вспомнить исторический факт сравнительно недавнего прошлого: разве в освободительной войне за славян от турецкого ига русские татары не проливали свою кровь в рядах прочих русских подданных с одинаковой храбростью? Я смело утверждаю, что мы в данную минуту удрученны общим горем, именно что прибавился еще один враг России и ее доблестных союзников и что потребуются новые жертвы от дорогой для нас родины. Но поверьте, вы все сомневающиеся, что наши силы будут также охотно участвовать в атаке на новом фронте против турок, как на Западе – против германцев христиан. Позволю себе маленький логически обоснованный вопрос: почему г.г.¹ скептики не обращались

---

¹ Господа.

с торжественными¹ требованиями к русско-подданным немцам? Почему не требовали, чтобы те выразили протест единоверному кайзеру? Ведь у наших немцев с зарубежными больше общности по духу культуры, тенденциям и самые тесные деловые сношения, финансовые, промышленные и т. п. Почему же яд подозрительности и горечь недоверия адресуются лишь нам, хотя мы братья по вере, но до настоящего времени ни в малейшей мере такой обиды не заслужили².

Несмотря на вынужденное или «по чистой совести» заявление «лидеров» российских мусульманских народов царское правительство с самого начала войны опасалось выступлений мусульман в пользу германо-турок. Вот почему правительство, очевидно, не находило достаточным «секретного наблюдения» над настроением и старалось воздействовать на мусульман через своих «божественных» агентов, мусульманского духовенства, действовало также и возвзваниями. Например, в одном своем обращении оренбургский муфтий, в ведении которого находилось около десятков тысяч татарских, казакских и башкирских приходов, писал: «Нам, российским мусульманам, нужно, конечно, беречь свое отчество от врага. Примите во внимание, что цель этого своего писания и обращения – это предостеречь всех вас и ваших прихожан, чтобы вы касательно событий последнего времени, не слушались дурных речей некоторых дурных людей о том, что есть и чего нет, и не впали через это в большие ошибки и напасти. Вот о чем я думаю. Оренбургский муфтий двух священных городов Мухаммедьяр Султанов³.

Со своей стороны турецко-татарская буржуазия из Баку, Тифлиса Оренбурга и даже среднеазиатских городов, посыпала верноподданнические телеграммы, в «которых мусульмане открыто заявляли о своей готовности в борьбе с Турцией отдать жизнь за Великую Россию, нашу общую мать», (хотя последняя далеко не считала их своими детьми)...

В нашу задачу не входит изложение всех (тех) «патриотических» выступлений, которые организовывались в начале войны мусульманской буржуазией предпринятых с помощью участковых приставов и околодочных надзирателей, буржуазией готовой отдать за Русь

¹ Видимо, опечатка. Должно быть «граждественными».

² Инеродческое обозрение за дек. 1914. кн. 9, стр. 509–610. (Прим. авт.)

³ Материалы по этим вопросам можно найти в «Инеродческом обозрении» изд.[ания] Каз.[анской] Дух.[овной] Академии за 1914 г. (Прим. авт.)

последних сынов «народа». Мы не будем говорить и о тех лазаретах местных и центральных комитетов помощи воинам, которые были организованы мусульманской буржуазией и чиновниками¹. Также мы не будем останавливаться на тех пожертвованиях, которые собирались среди мусульман различных окраин России. Несмотря на эти усердия любящих нацию «богачей» и «общественных деятелей» все же среди народных масс наблюдалось сильное недовольство войной. Это бро-жение умов происходило не вследствие панисламистской агитации агентов и младотуров. Оно было вызвано общими экономическими и социальными причинами. (Война была противна всем трудящимся без различия рас, наций, религий). И восстание² мусульман казаков, узбеков и таджиков в 1916 г. произошло не вследствие панисламистской пропаганды, как желали это представить жандармы, губернаторы, а по экономическим и социальным причинам.

Несмотря на то, что уже до мировой войны панисламистское движение утратило то значение, которое когда то имело (перед революцией пятого года и в годы реакции после нее), Российское правительство с начала войны серьезно занялось этим движением. Жандармские архивы указывают на то, что вплоть до февральской революции правительство не сумело отличить панисламизм от других чисто националистических течений. Даже социалистическое или народническое движение оно путало с панисламизмом. Когда деятели панисламизма периода 1904–05 годов, как Рашид Ибрагимовы³,

¹ В 1914 году в Петрограде был учрежден «Временный мусульманский комитет для оказания помощи воинам и их семьям». (Прим. авт.)

² Туркестанское восстание 1916 года – массовое вооруженное выступление коренного населения Средней Азии и Казахстана против колониальной политики Российской империи. Непосредственным поводом стал указ от 25 июня 1916 г. о принудительной мобилизации мужчин на тыловые работы в условиях Первой мировой войны. Глубинными причинами были аграрный вопрос (изъятие земель в пользу переселенцев), произвол администрации и рост социально-экономического гнета.

³ Рашид казый Ибрагимов (1857–1944) – мусульманский богослов и общественный деятель. Активно участвовал в развитии религиозного образования и национальной автономии татар, издавал мусульманские издания, помогал военнопленным в Перову мировую войну. После революции эмигрировал, продолжил деятельность в эмиграции. Важная фигура в модернизации мусульманской общины России.

Фахрутдиновы¹, Бобанские², Бегиевы³ потеряли свое влияние на российскую мусульманскую интеллигенцию, когда уже бывшие ярые панисламисты, как Ахмед Агаевы⁴ и Исмаил Гаспринские⁵, сменив старые вехи, стали переходить на другую идеологию, Российское

¹ Ризаэтдин (1859–1936) – выдающийся татарский богослов, религиозный и общественный деятель, ученый-энциклопедист и просветитель. Муфтий Центрального духовного управления мусульман Внутренней России и Сибири (с 1922 г.). Автор многочисленных трудов по исламской теологии, истории и педагогике, редактор журнала «Шура», активный сторонник религиозной модернизации и сохранения мусульманской общины в условиях советской власти.

² Братья Буби: Габдулла (1871–1922) и Губайдулла (1866–1938) Нигматуллины – выдающиеся татарские просветители и реформаторы мусульманского образования. Они преобразовали Иж-Бубинское медресе, введя новые образовательные методики, сочетая религиозное и светское обучение. Стали одними из основателей джадидизма в Татарстане. Сестра – Мухлиса Буби (1869–1937) – первая женщина-кади в России, активная просветительница и организатор женского образования.

³ Бигиев Муса Яруллович (1873 или 1875 – 1949) – выдающийся татарский философ-богослов, публицист и общественный деятель. Обладал светским и богословским образованием (учился в медресе Бахчисарай, Казани, Бухары, университете Ал-Азхар в Каире), был лидером джадидизма в российском мусульманском сообществе. Автор многочисленных трудов по теологии, истории ислама и философии, переводчик и редактор. В 1930-х эмигрировал, продолжил научную и религиозную деятельность в Египте. Умер в Каире.

⁴ Агаев Ахмет (1869–1939) – азербайджанский общественный деятель и просветитель. Родился в Шуше, учился во Франции, занимался развитием национального и культурного возрождения. Основал первую библиотеку в Шуше, редактировал газеты, боролся за образование и права женщин. Сооснователь революционной организации «Дифаи». Позже работал в Стамбуле, был депутатом Турции и влиятельным деятелем тюркского движения.

⁵ Гаспринский Исмаил (1851–1914) – крымскотатарский просветитель, политический и общественный деятель, педагог и изобретатель, один из основателей джадидизма и пантюркизма. В 1883 году основал первую мусульманскую газету России «Тарджехан». Реформировал мусульманское образование, внедрив «звуковой метод» обучения. Автор учебников и литературных произведений. Его реформы оказали значительное влияние на исламскую культуру в России и за ее пределами. Активно участвовал в политической жизни полуострова, был городским головой Бахчисарай.

правительство организовало в Казани, за два года до войны, показательный суд над известными Бобинскими¹.

Боязнь панисламизма появилась у Российского правительства, главным образом, после турецкого переворота восьмого года². Ярким примером этой боязни панисламизма служит секретный циркуляр Департамента полиции от 18 декабря 1910 года за № 119, 645, направленный всем начальникам охранных отделений и губернских жандармских отделений.

«В последние три-четыре года среди мусульманского населения Империи, а также заграницей, замечается явное брожение, возникшее на почве так называемого панисламизма. Это фанатическое движение всемерно поддерживаемое младотурецкими и младоперсидскими комитетами, начинает получать в России особенно сильное развитие. Он замечается в сильной степени на Кавказе, в Крыму, в Волжско-Камском районе и др. городах империи. Главный принцип, около которого сосредоточивается панисламистское движение и, которое, так сказать, составляет его думу – это объединение всего мусульманского мира в политическом и экономическом отношениях под эгидой Турции, с конечной целью в будущем образования всетюркской республики, при чем выдающиеся турецкие и русские мусульмане-публицисты в последнее время усиленно занимаются открытием племен, принад-

¹ Суд над братьями Буби – судебный процесс 1911–1912 годов, организованный царской администрацией против лидеров мусульманского медресе «Буби» в Сарапуле (Вятская губерния) при Николае II. Обвинения касались «неуважения к властям» и «распространения бунтовщической литературы». Процесс сопровождался репрессиями, но в итоге братья были оправданы. Дело символизировало усиливающийся контроль над мусульманским просветительством в эпоху политической реакции после революции 1905 года.

² Младотурецкая революция 1908 года (переворот) – антиабсолютистское вооруженное выступление и политический переворот в Османской империи, целью которого было свержение султана Абдул-Хамида II и восстановление конституционного строя 1876 года. Восстание началось в июле 1908 года в Македонии, в условиях обострения социальных и национальных противоречий, и было организовано главным оппозиционным движением – младотурками, действовавшими через тайные комитеты и получившими поддержку армии и национальных организаций. Итогом стало восстановление конституции, созыв парламента и рост влияния младотурок, которые в дальнейшем установили авторитарный режим и активно проводили политику турецкого национализма.

лежащих к одной с ними расе, в целях возбуждения в них ненависти к России и присоединения их к будущей общемусульманской республике.

Строго определенной программы и тактики панисламисты не выработали. Ближайшая задача их сплочение всех сознательных мусульман для политической борьбы с государственным строем ныне существующей империи, который является в глазах панисламистов главной препоной к национальному самоуправлению магометан. Панисламисты распадаются на две фракции, часто враждующие между собою; одна из них более многочисленная и состоящая из лиц влиятельных, занимающих в обществе более или менее видные положения (учителя, муалимы, адвокаты, купцы), по своим политическим воззрениям мало отличаются от конституционно-демократической, другая фракция, крайне малочисленная (младо-татары) и, состоящая, главным образом, из молодежи (конторщики, приказчики, и частью учителя), придерживающаяся тактики и программы соц. революционеров».

Во внутренней жизни мусульман, панисламисты ведут с большой энергией устную пропаганду, причем свое внимание сосредоточивают на мусульманских школах «мектебах» и «медресах», в коих стараются вбивать воспитанникам идеи панисламизма. Т.о. [таким образом] школы эти подготавливают кадры будущих проповедников панисламизма, всемерно вселяя через мугаллимов ненависть к правительству и всему русскому. Горячо ведя пропаганду, панисламисты в некоторых местах империи образуют «союзы» (в г.[азетах] «Ислах»¹ и «Бреги»²), имеющие, главным образом, распространение среди мусульман революционных идей и подготовку лиц, вполне опытных в деле политической пропаганды.

¹ «Эль-Ислах» – татарская еженедельная газета, издававшаяся в Казани с 3 октября 1907 года по 22 июля 1909 года. Название с арабского переводится как «Реформа». Газета была органом одноименной просветительской организации и имела цель реформирования системы образования и просвещения среди татар. В ней печатались материалы по реформированию образования, развитию науки, правам женщин, вопросам политики и культуры. Среди авторов – известные татарские деятели, в том числе Габдулла Тукай и Риза Фахретдин. Газета критиковала застой в образовании и пропагандировала внедрение нового метода обучения джадидизм.

² Не удалось идентифицировать. Возможно, опечатка.

В этих же целях, в конце 1909 года, в городе Константинополе, возникло общество, под названием «Бухарское благотворительное общество», поставившее своей задачей просвещение мусульманской молодежи Туркестана и Бухары. Не подлежит сомнению, что указанное общество не преследует образовательных целей в строго мусульманском духе, но задается более широкой задачей дать своим воспитанникам распространение, проникнутое духом панисламизма, образование с внушением той мысли, что Константинополь и Турция – центр священного ислама, куда каждый мусульманин, где бы он ни находился, должен иметь постоянное тяготение.

Не ограничиваясь школой как одним из могучих средств распространения идей панисламизма, панисламисты обратили свое внимание и на специальные книгоиздательства, являющиеся несомненно также серьезным средством распространения вредных идей, в особенности в местах, наиболее удаленных от центров, вследствие чего особенно нуждающихся в литературе. Так, в сентябре месяце 1909 года, в городе Мензелинске Уфимской губернии, было открыто книгоиздательство «Сагадат», с отделением книжной торговли в одном из сел названной губернии. Цель этого книгоиздательства – насаждение среди мусульман идей панисламизма путем распространения изданий, составленных в духе этого фанатического учения. Наконец, серьезным средством распространения идей панисламизма является повременная мусульманская печать, служащая в большинстве случаев целям панисламизма. Таким образом, панисламизм, как мусульманское движение, направленное прежде всего против существующего государственного строя в империи, представляет собою явление, на которое розыскными органами должно быть обращено особое внимание.

Сообщая об изложенном, Департамент полиции предлагает вам, милостивый государь, 1) принять меры к немедленному приобретению соответствующей секретной агентуры для освещения преступной деятельности панисламистов и революционных организаций в целях своевременного пресечения таковой, 2) неослабно следить за настроением мусульманского населения во вверенном вашему наблюдению районе, обратить при том особое внимание на деятельность, как педагогического персонала мусульманских школ, так и магометанских духовных лиц по своему положению особенно близко соприкасающихся с массовым населением, о чём периодически доносить и, нако-

нец, 3) следить за деятельностью панисламистских издательств, а также за панисламистской литературой во всех ее видах, своевременно представляя в Деп. пол., наиболее заслуживающие внимания статьи. „Директор Зуев“. (Дело Бак. жанд. управления № 2, лист 215–216)».

Департамент полиции смешил все общественные движения среди российских мусульман, подводя их всех под одну рубрику «панисламизма». Пантюркизм, просветительное движение, движение реформистов, союзы учащихся шакирдов в Казани «Бирк»¹, находившиеся под руководством социал-революционеров, и профессиональное движение торговых служащих – все это называлось панисламизмом. Это лишний раз доказывает, что к жандармским документам надо относиться весьма осторожно, особенно в области истории турецко-татарских народов.

Больше всего самодержавие опасалось панисламизма на Кавказе, на границе Турции. Наместник в циркуляре от 20 сентября 1910 года, всем губернаторам, начальникам областей, бакинскому градоначальнику и всем начальникам полиции и жандармерии писал следующее:

«По имеющимся в Министерстве иностранных дел сведениям, младотурки, развивающие последнее время усиленную панисламистскую деятельность, не намерены ограничить пропаганду своих идей пределами Турции, решив, во что бы то ни стало содействовать возрождению ислама и в других странах. В этих видах, они обратили особенное внимание на Россию, где среди многочисленного мусульманского населения, идея панисламизма могла бы найти благодатную почву для распространения, что является для Турции весьма важным, на случай осложнения отношений с Россией. С этой целью не так давно в Россию младотурками было послано, под видом купцов или богомольцев из Мекки, несколько начитанных и преданных новому

¹ Союз учащихся шакирдов «Бирек» (шәкертләр береге) – тайная организация студентов медресе «Мухаммадия» в Казани, действовавшая в 1905–1906 гг. Организованная группой татарских эсеров (окружение газеты «Тан юлдүзы»), включая Ф. Туктарова, Г. Исхаки и других, она стремилась к реформированию образовательной системы медресе, созданию читальней, учебных курсов и культурно-национальной автономии татар. Союз пропагандировал революционные идеи среди шакирдов, выступал против организации «кал-Ислах», поддерживал программу «Иттифак ал-муслимин» и находился под влиянием эсеров. Деятельность общества завершилась самораспуском в 1906 году.

турецкому режиму ходжей¹ для проповеди солидарности среди мусульман всего мусульманского мира. Эти эмиссары, главным образом, направляются на Волгу, в Крым, в наши среднеазиатские владения и на Кавказ»².

Российское правительство, совершенно не понявшее классовых соотношений, вследствие своего невежества, представляло мусульманство, как единое целое и ожидало во время войны больших волнений в Азербайджане панисламистского характера. Еще до объявления священной войны Турцией, особый отдел наместничества, от 9 октября 1914 года, разослал циркуляр, в котором говорилось:

«По имеющимся в управлении наместника его имперского величества на Кавказе сведениям, в наши пределы направляются эмиссары, задачей которых является поднятие, путем пропаганды, восстания среди кавказских мусульман в случае возможных военных осложнений и своевременное осведомление турецких властей о всех предпринимаемых нами, в связи с последними событиями, военных мер. Признавая неотложным ныне же принять самые решительные меры к предупреждению, возможной в наших пределах вредной деятельности турецких эмиссаров, я, по приказанию главнокомандующего кавказской армией, прошу ваше ..... организовать самое тщательное наблюдение за прибывающими из Турции эмиссарами, сделав объектом этого наблюдения в городских поселениях и крупных торгово-промышленных центрах, проживающих в гостиницах, меблированных комнатах, постоянных дворах и т. п., а в сельских местностях пребывающих в постоянные дворы к муллам, к кадиям и ко всем вообще лицам духовного звания (там же стр.94)».

¹ Ходжа – в исламе титул или обращение, означающее религиозного учителя, наставника, духовного наставника или законоведа. В различных мусульманских культурах этот термин используется для обозначения авторитетного лица, обладающего знаниями в области религиозных наук, права и обычаяв. В Центральной Азии и на Кавказе ходжа часто выступал как учитель в медресе, духовный лидер общины и посредник в религиозных вопросах.

² Документы по русской политике в Закавказье, вып. 1, Баку, 1920, ст. 540. см. также ст. 57. (Прим. авт.)

Предпринимая меры к «охране порядка», Российское правительство решило также прибегнуть к помощи своих духовных союзников, т.е. к муфтиям и шейхульисламам¹.

Бакинский губернатор Алышевский, в своем отношении к директору канцелярии наместника, 11 ноября 1914 года, писал следующее:

«Поручив уездным начальникам иметь наблюдение за распространением воззвания о священной войне, я, вместе с тем, находил бы весьма полезным, чтобы закавказский муфтий и шейхульислам разослали подведомственным им правлениям и приходским муллам печатные разъяснения о ничтожности фетвы о священной войне» (там же стр. 93).

Однако, опасения правительства относительно мусульман Азербайджана оказались безрезультатными. Никаких открытых выступлений не произошло вплоть до Февральской революции. Тот же бакинский губернатор Алышевский, в сентябре 14 года, с радостью сообщил, что «наибольшая часть населения, мусульмане относятся к войне сдержанно, но, вместе с тем, при обращениях к ним, охотно идут навстречу пожертвованиями в пользу семей запасных и раненых» (там стр. 159).

С объявлением священной² войны дело также не изменилось. По словам заведующего особым отделом наместничества, Писаревского, мусульмане Кавказа в общей своей массе представляются лояльными, несмотря на то, что была агитация эмиссаров из Турции (стр. 161).

Особое внимание Российское правительство уделяло движению в Дагестане. Здесь, как везде, правительственные администраторы

¹ В Российской империи должность шейхульислама была высшим религиозным титулом мусульман, возглавлявшим духовные управления, выполнившим функции главного судьи и духовного лидера, издававшим фетвы и контролировавшим религиозное образование и деятельность мусульманских общин. Существовали несколько шейхульисламов, например, в Оренбургском и Крымском духовных управлениях, что отражало многонациональность империи и связь мусульман с государственной властью.

² Первая мировая (священная) – война 1914–1918 годов, называвшаяся в дореволюционной России «Священной» как выражение всенародной борьбы за веру, царя и отечество.

не представляли себе сущности движения. Миоридизм¹, подъем национального чувства у дагестанской интеллигенции, джадидизм², введение преподавания на тюркском языке – все это было для жандармерии панисламизмом. Однако отрицать существование панисламистских тенденций среди молодой интеллигенции многоязычного Дагестана нельзя. Подобно тому, как это мы замечаем в Индии, в Дагестане всякое национальное движение должно было принимать форму панисламизма, ибо в этом многоплеменном округе ислам был для интеллигенции объединяющим элементом. Начиная с 1912 года, Российское правительство тщетно искало в Дагестане какой-то «Панисламистский комитет», но не находило его. Этот воображаемый комитет правительство связывало с именем известного Зелимхана. Начальник бакинского жандармского управления, в отношении к своему помощнику в Дагестане, от 21 августа 1912 года, писал следующее:

«По имеющимся в департаменте полиции сведениям, в первых числах мая месяца сего года, Зелимхан перешел границу из Эриванской губернии в Турцию и в настоящее время находится в Аравии, в городе Медине, у местного вали (губернатора). Отсюда в письмах отсылаются им инструкции в Дагестанский панисламистский комитет» (стр. 74). Во всяком случае за один и два года до войны «самою серьезною деятельностью жандармского офицера в Дагестанской области была борьба с панисламистской пропагандой, – „которая, по словам ротмистра Матегорина, систематически внедряется в среду наших мусульман“ (стр. 81)».

Но напрасно Российское правительство и его агенты боялись этого движения. Даже жандармские чины заметили, что это движение не

¹ Миоридизм – религиозно-мистическое направление в исламе, в российской историографии обозначающее идеологию повстанческого движения горцев Северного Кавказа в первой половине–середине XIX века, основанную на строгом соблюдении шариата и борьбе с властью «неверных».

² Джадидизм – религиозно-общественное движение российских мусульман конца XIX – начала XX века, стремившееся к модернизации исламского образования и культуры. Основой стало введение «нового метода» обучения в медресе, замена арабского языка на родной, развитие светского образования и науки. Джадиды выступали против консерватизма, поддерживали идеи просвещения, равноправия женщин и политических реформ, включая культурно-территориальную автономию. Основателем считается крымскотатарский просветитель Исмаил Гаспринский.

опирается на широкие слои населения Дагестана. Например, тот же ротмистр Матегорин, в 1912 году сообщил: «Панисламизм в Дагестане – это детище интеллигентной части его, мечтающей возвратиться к утраченным привилегиям: проводится он в жизнь планомерно, пропагандой при всяком удобном случае, с восточным лицемерием и лестью перед начальством и с захватом административных постов в свои руки» (стр. 85). Тот же офицер, говоря о панисламистском комитете, писал, что «если и существует, то состоит, по-видимому, из лиц, занимающих сравнительно высокие административные должности, богатых, среди которых агентура возможна лишь за очень крупные суммы» (стр. 82). Весьма возможно, что этот жандарм доносил так, чтобы получить больше средств под видом организации агентуры или для того, чтобы впредь замещать административные посты русскими, но, во всяком случае, эта характеристика панисламизма не лишена основания. Мы знаем, что адептами панисламизма не только в России, но и в Индии являются богатые слои населения, крупная буржуазия, или же феодалы, вроде Ахмед Хана¹.

Главным очагом панисламизма в России был Бахчисарай, на Крымском полуострове, где жил и издавал свою газету «Тарджиман» Исмаил Гаспринский. Один отставной полицеймейстер, некий В. Корсаков, назвал этот город в 1913 году «городом-мусульманским, служащим панисламистским этапом между Турцией и всеми русскими мусульманами»². Этот агент правительства, как нам кажется, весьма удачно охарактеризовал этот город, столицу турецкого панисламистского вождя. Конечно, нельзя доверяться доносам жандармерии, но все же обращают на себя внимания документы о панисламистской пропаганде турецкими эмиссарами в Крыму.

Не только Российское правительство, но и остальные союзники опасались панисламистского движения среди мусульман во время

¹ Ахмед Хан (1817–1898) – индийский мусульманский реформатор XVIII–XIX веков, основатель движения мусульманского просвещения. Он внедрял западные методы образования, стремился усилить политические и социальные права мусульман в колониальной Индии. Создал Алигархский колледж – центр мусульманского просвещения. Активно боролся за укрепление мусульманской общины и ее автономию, выступая против доминирования индуизма и поддерживая сотрудничество с британскими властями.

² Арслан Кричинский. Очерки русской политики на окраинах», ч. 1, стр. 174, Баку, 1919 г. (Прим. авт.)

войны. По этому поводу один из знатоков восточного вопроса, французский сенатор писал следующее¹:

«Никто не думает без грусти о тех трагических последствиях, которые могли бы быть вызваны европейской войной в мусульманских странах. Многие задавали себе вопрос, каким будет положение 72 миллионов мусульман, поданных Англии 35 миллионов мусульман, поданных Франции, 18 миллионов магометан российских, в случае столкновения с центральными державами. Будет ли общее восстание, ужасная революция, которая парализует часть военных сил Антанты? Казалось, что союз Германии с Турцией облегчит панисламистское движение, под эгидой Шейх-уль-ислама, в пользу наших врагов. Разве эту тенденцию нельзя было заметить и до войны в мусульманских странах, в которых было наличие нового духа, а именно: пробуждение ислама, в котором разве не рождались актуальные события? Это настроение возбуждения и обновление мира ислама могло вылиться просто в антианглийское, антифранцузское движения, и эти стремления мусульманского мира, не превратятся ли в обострение фанатизма, направленного к определенной цели: освобождения мусульманских народов? Три года войны нам позволяют думать, что план поднятия мусульманского мира был одной из ужасных частей подъемной машины войны Германии. Союз с Турцией для кайзера был дорог не потому, что он принесет помочь военными контингентами, но был дорог, как объединение железного креста и полумесяца. В душе наших врагов мечеть Святой Софии должна была призывать к священной войне не в пользу ислама, а к осуществлению германской мечты о гегемонии над миром (р. 33–34)».

Хотя кайзер или «Эль-Ходжи-Гюльям» и способствовавшие восстоковеды в Германии и верили в это всеобщее восстание мусульман против Антанты, но фельдмаршал Гинденбург² в своих записках по этому поводу писал следующее: «Панисламизм есть бедствие с воен-

¹ *L'Islam et la guerre*. Paris, 1918. p. 33–34. (Прим. авт.)

² Пауль фон Гинденбург (1847–1934) – немецкий военный и государственный деятель, генерал-фельдмаршал, командующий армией на Восточном фронте в Перову мировую войну. Он добился побед под Тannенбергом и Мазурскими озерами, став национальным героем. Германия при нем была союзником Османской империи, где панисламизм и пантюркизм служили инструментами мобилизации мусульман и расширения влияния страны на Ближнем Востоке.

ной точки зрения». На самом деле «германо-младотурецкий панисламизм» не дал в общем итоге ничего реального.

III.

Несмотря на ничтожность результатов, все же в некоторых странах имели место выступления мусульман против Антанты. Приписать это движение исключительно германо-турецкой пропаганде, как это делают буржуазные западные писатели, конечно, нельзя. Назвать это движение панисламистским также нельзя. Движение мусульман было протестом против империализма, оно большей частью носило национально-освободительный характер.

После объявления священной войны в ноябре 1914 года вспыхнуло в Фесане революционное движение против итальянского господства¹. Но особенно широко развернулась панисламистская агитация в Северной Африке в 1915 году среди сенуси.

Когда шейх Сенуси согласился выступить против Антанты, германо-турки стали снабжать его отряды оружием, которое привозилось туда на парусных судах, на маленьких пароходах и на подводных лодках. Наконец, летом 1915 года в Триполитании организовалась армия из приверженцев Сенуси в 10.000 человек, под командой турецких офицеров, одетых в турецкие формы, вооруженных горными пушками, пулеметами и снабженных телефонами. Интересно отметить, что общее командование было поручено Нури бею², который впоследствии был командующим «Армией ислама» в Азербайджане³.

¹ Сведения о движении Сенуси взяты мною из недавно вышедшей книги – M. Larcher. *La Guerre Turque dans la guerre Mondiale*. Paris 1926 Chap. IX. (Прим. авт.)

² Нури-бей (1881–1949) – османский офицер и генерал, сводный брат Энвер-паша. В 1918 году он командовал Кавказской исламской армией в Азербайджане, которая разгромила части Красной армии. Входил в круг младотурок и вместе с Энвером был активным участником военных и политических событий поздней Османской империи. Нури-бей играл ключевую роль в формировании мусульманских войск в Закавказье и Северной Африке.

³ Там же. (Прим. авт.)

Нури бей был братом Энвера-паши¹. Последний был весьма популярен среди Сенуси, потому, что он, во время итalo-турецкой войны 1911 г. руководил повстанческими отрядами в Триполи. Очевидно, поэтому был послан в Африку Нури бей. Кроме упомянутой регулярной армии в Африке собралось около 30.000 человек «муджехидин» – т.е. «борцов за веру». До 1918 года повстанцами командовал Нури, но в этом году его заменил внук «халифа», принц Осман Фуад², а принц Бургундский, лейтенант австрийской армии, был назначен военным атташе. Целью этого движения было отнять у итальянцев Триполи и Киренаику, нападение на Египет и Тунис, и поднять там восстание³.

Антанта не была готова принять здесь удар, она сначала не могла собрать достаточное количество сил и дать отпор «муджехидам». Доверять войскам, собранным в Африке она не могла, да и среди белых войск, собранных из местных колонистов Французской Африки, некоторые переходили к врагам, а восставшие охотно принимали их в качестве инструкторов. В 1916 году, для действия против «священной войны», среди союзников не было согласованного действия. Приходилось привозить войска с других фронтов, ослабляя эти фронты. Германо-турки были вполне удовлетворены результатами. У них было немного затрат на эту войну, – всего участвовало каких-нибудь сто высших и 200 низших офицеров, а повстанцы действовали против 100.000 солдат Антанты.

Лишь в ноябре 1918 года германо-турецкие кадры были возвращены на родину, согласно заключенному перемирию. Местные по-

¹ Исмаил Энвер-паша (22 ноября 1881 – 4 августа 1922) – османский военный и политический деятель, военный министр Османской империи во время Первой мировой войны. Один из лидеров младотурецкой партии «Единение и прогресс» и активный участник Младотурецкой революции 1908 года. Энвер-паша был идеологом пантюркизма, принимал участие в организации военных действий на Кавказе и в Средней Азии, где возглавил басмаческое движение. После войны продолжил борьбу с советской властью, погиб в бою в 1922 году.

² Осман Фуад (1895–1973) – османский принц, внук султана Мурада V. Он был 39-м главой Дома Османов с 1954 по 1973 год, а также военным и политическим деятелем. Во время Первой мировой войны он служил в кавалерии, был командующим «Имперской кавалерией» и участвовал в обороне Галлиполи.

³ По словам П. Цветкова, Пруссия еще во время войны 1820 г. пытала убедить сенуси начать проповедь священной войны против французов (Ислам и его секты, т. IV. Асхабад, 1913 г. стр. 198). (Прим. авт.)

встанцы продолжали, однако действовать на свой страх и риск. Лагерь Сенуси, в укрепленном месте при Куфра, долгое время оставался неприступным. В продолжении этих событий, армии трех союзных держав действовали совершенно отдельно друг от друга, сообразно своим собственным интересам. В результате этого случилось то, что Триполитания и Киренаика были эвакуированы итальянцами, Ливия – англичанами, до окончательного завоевания ее впоследствии. Что касается Франции, то она занималась лишь защитой границ Туниса от проникновения туда «смуты», ибо даже в Марокко появились агитаторы, вроде Абдель Малека¹.

Сначала несколько слов о действиях итальянцев в Северной Африке. После окончания турецко-итальянской войны у итальянцев в Триполи осталось 60 тысяч солдат, которые впоследствии были размещены в разных местах Триполитании, где были построены несколько укрепленных пунктов.

Таким образом, война 1914 года не застала Италию врасплох. Но нелегко было бороться против народного движения. Осенью 1914 г. Калифат бен Аскер и Слиман ель Баруни высадились в Триполитании, стали собирать старых партизанов прошлой итальянско-турецкой войны. В конце этого года вспыхнуло восстание в Фессане² и шейхи секты сенуси объявили священную войну против интервентов. Итальянцы не могли заглушить движение в начале и вынуждены были даже отозвать с некоторых мест свои силы. Например, гарнизоны по-границы укрепленных пунктов Гада и Гадаме бежали к тунисской границе и оттуда морем были привезены обратно в Триполитанию в конце 1914 года. В первой половине 1915 года итальянцы эвакуировали Джебель (область граничащую с Тунисом), где потеряли много пленных и много военных снаряжений. Все итальянские войска были сконцентрированы на прибрежных городах и укреплениях Триполитании, которые находились под защитой морских сил. Однако некоторые приморские пункты сделались базой германских подводных лодок. Вот почему снабжение восставших было облегчено.

¹ L. Hubert, *L'Islam et la guerre*. Paris, 1918 p. 35. (Прим. авт.)

² Восстание в Фессане – вооруженный конфликт 1914 года на территории современной Ливии, инициированный племенами и сектой сенуси против итальянской оккупации.

Попытки установить общую защиту с объединенными силами Антанты остались только разговорами. Муджахиды свободно действовали из Триполитании, они даже нападали на Тунис и в случае неудачи свободно могли отступать в Триполитанию.

В это время Мохамед Идриси¹, один из шейхов ордена Сенуси, враждовавший с главарем ордена, начал вести переговоры с Италией и объявил себя правителем Киренаики. Располагая армией в 3500 солдат с пушками, он занял фронт на Запад к Бенгази-Джало. Однако в то же время, против Италии действовали следующие силы, в Триполитании: турко-германцы, партизанские турецкие отряды под командою Слимана ель Баруни² и отряды независимой «джумхур-республики» Мисрата³ и армия Сенуси, у которых служили 60 турецких офицеров.

Как было сказано, в ноябре 1918 года, турки и германцы былиозвращены на родину, на основании мирного договора, что дало возможность Италии опять восстановить свою власть над страной. Но это им удалась с трудом. Внутренняя часть страны долгое время оставалась

¹ Мохамед Идрис (Мухаммад Идрис ал-Махди ас-Сенуси; 12 марта 1890 – 25 мая 1983) – шейх тариката Санусия (1918–1969), эмир Киренаики в 1914–1922 и 1949–1951 годах, король Ливии в 1951–1969 годах. Родился в Киренаике, в семье основателя ордена Сенуситов Мухаммада Ибн Али ас-Сенуси, и утверждал происхождение от пророка Мухаммеда. В 1916 году был провозглашен эмиром Киренаики, заключил соглашения с итальянским руководством, возглавил национально-освободительное движение против итальянской оккупации.

² Слиман ель Баруни (Сулейман ал-Баруни) (ок. 1870 – 1940) – крупный политический и военный лидер в Триполитании, представитель берберского народа. Он был активным борцом против колонизации региона, организовывал сопротивление итальянской оккупации, сотрудничал с османскими властями и сенуситским движением. Баруни был важной фигурой в национально-освободительном движении Северной Африки начала XX века, стремясь сохранить местное управление и культурную автономию своего народа.

³ «Джумхур-республика» Мисрата – историческое образование в регионе Триполитания, провозглашенное осенью 1918 года в городе Мисрата. Эта республика стала одним из первых арабских государственных образований с республиканской формой правления в Северной Африке после Первой мировой войны. Ее провозглашение связано с движением за независимость от колониальной Италии и усилиями местных лидеров, таких как Сулейман ал-Баруни, активно борющихся за национальное самоопределение. Несмотря на официальное признание на Парижской мирной конференции 1919 года, республика просуществовала недолго и утратила независимость к 1923 году.

во власти местных шейхов. Киренаика, как в 1914 г., оставалась под управлением Сенуси.

Таким образом, восстание, вспыхнувшее под флагом панисламизма, но, в сущности являвшееся национально-освободительным движением против итальянского империализма, дало довольно крупные результаты. Восставшие были побеждены лишь по причинам общего провала немцев в мировой войне, а не по внутренним причинам.

Происходили серьезные действия Сенуси и турко-германцев и английских владениях, соседних с итальянскими, а именно, в Либии. Но англичане были более предусмотрительны, чем их соседи итальянцы. Они строили некоторые укрепленные пункты и ожидали возможности переброски сил врагов. Действительно главнокомандующий «Муджахидин» Нури-бей организовал один корпус под командой Джафара в 5000 человек, чтобы напасть на Либию и оттуда на Египет, где он надеялся на восстания. Сам Нури-бей с главным шейхом Сенуси переселился на пограничный пункт Джарабут, чтобы руководить движением отрядов. К лету 1915 года экспедиция Джафара была готова. Регулярные войска Сенуси уже начали рыскать на границах Египта, возбуждая к восстанию бедуинов. Туземцы напали на находящийся на берегу экипаж одного английского субмарины и некоторые английские посты были блокированы.

Главнокомандующий английскими силами в Африке, не имея достаточного количества сил противостоять многочисленным подвижным силам восставших и желая исполнить главную свою задачу прикрывать Египет, решил эвакуировать Либию.

В сентябре 1915 года муджахиды заняли большой внутренний оазис. В ноябре отряды Джафара заняли территорию на 25 верст к западу от Матрух, который находится на берегу Средиземного моря. Германские подводные лодки стали снабжать повстанцев оружием и амуницией. Джафар готовился к штурму Матруха. Но замечательно то, что гарнизон и артиллерия этого укрепленного пункта отказались стрелять против повстанцев, почему они были разоружены англичанами.

Англия имела достаточно основания опасаться общего восстания феллахов Египта, где уже помимо этого движения началось антианглийское брожение, вылившееся после войны в грандиозное движение против британского империализма. Кордон для надзора за Египтом

был несовершенен. Генералу Уаллесу было приказано прикрыть долину Нила, для чего было увеличено число его войск. Англичане перешли в наступление.

В первом сражении около Матруха в декабре 1915 года превосходные силы англичан заставили муджахидов отступить в степь к Наласину. Другое сражение произошло 25 января 1916 года в 40 километрах к югу от Матруха, где англичане, хотя и одержали победу, но потеряли 31 убитым, 291 раненым и не могли преследовать врага.

9 февраля 1916 года генерал Уаллес был заменен генералом Пейтоном и Англия стала группировать большую силу, чтобы нанести окончательный удар врагу. Произошло сражение при Агадши, где Джафар был ранен и муджахиды отступили в Киренаику, к юго-западу от Саллума.

Уже в феврале 1917 года 196 английских автомобилей начали наступать на Саллум. Сам великий шейх Сенуси Ахмед Шериф¹ со своими отрядами отступил в Джебабу. Следует отметить, что нейтралитет Махаммеда Идриси сильно помешал действию муджахидов и Либия была очищена от врагов Антанты.

В таком же затруднительном положении очутилась и Франция в Тунисе. Хотя у французов был достаточный опыт в войне в пустыне и знание Сенуси и других арабо-берберских племен, шпионаж, путем подкупа местных продажных шейхов, был поставлен великолепно, но все же движение, начавшееся в соседних областях должно было перекинуться в Тунис. Да, кроме того, все белые войска были заняты на европейских фронтах, доверяться цветным войскам, в особенности войскам, состоящим из мусульманских солдат, нельзя было. Паника-ламистская пропаганда, организованная турками при содействии Сенуси, шла в Тунисе усиленно. Этому же могли способствовать и младо-тунисцы.

В сентябре 1915 года пять тысяч муджахидов под командой Калифат-бея Аскера, с 9 пушками и 13 турецкими офицерами, перешли тунисскую границу. Франция в течение этой войны не вела наступательного движения и до 1917 года она занялась исключительно отражением нападений на пограничные пункты. Эта война обошлась Франции не дешево. Она потеряла в течение двух лет 2560 своих сол-

¹ Ахмед аш-Шериф ас-Сенуси (1873–1933) – великий шейх и верховный лидер суфийского религиозного ордена Сенусийя в Ливии.

дат. Окончательное успокоение поступило только после перемирия, а до этого времени на границах шли беспрерывные стычки с восставшими. В остальной мусульманской части черного материка до и во время войны, германский империализм действовал именем ислама и панисламистской агитацией. Со своей стороны, Российское правительство, во время империалистической войны, старалось доказать мусульманам, что Германия является исконным врагом мусульман.

Для иллюстрации мы приведем отрывок одного рода документа, который был напечатан в татарском радикально-националистическом журнале «Анг»¹ по предписанию власти.

Будто бы губернатор немецких владений Занзибара, Шней, в своем циркулярном приказе от 12 октября 1913 г. спрашивал: «В Занзибаре, в правительственные школах, открытых для мусульман, распространяются ли идеи панисламизма, и как можно будет бороться с этими идеями». «Предложено ответить на этот вопрос в течение трех месяцев». «Нельзя ли будет официально запретить этим учителям агитировать за объединение мусульман».

Издание этого, вероятно, подложного документа указывает на то, что эта агитация на Черном материке была довольно значительна и российское царское правительство также опасалось подобной же агитации². Факты, собранные военными французскими кругами свидетельствуют о том, что в центральной Африке панисламистская агитация Германии при помощи турок шла усиленным темпом. Турецкие эмиссары бродили по всей Африке и распространяли вести об объявлении султаном джихада и призывали к нему. Они распространяли листки и прокламации, напечатанные в Берлине и Константинополе, и таким путем, турки и панисламисты облегчили защиту немецких колоний, в которых Германия имела чрезвычайно мало военной силы. Германским властям удалось произвести удачные мобилизации

¹ بیت 31- 19 سان 20- 9116 قاراشی یاقلی اسلامگه ایکی کیرمانیه نک (Прим. авт.).

Статья на татар. яз. «Германиянен исламга икес яклы караш» («Двойственный взгляд Германии на ислам»). 1916 г. №19–20. С.31.

² Хотя и не исключена возможность такого отношения Германии к мусульманам ее колонии. Незадолго до войны этот вопрос дебатировался даже в немецких научных журналах. Известный знаток ислама, Мартин Гартман писал: «В Африке Германия и ислам являются конкурентами в деле влияния на туземцев». *Deutschland und islam*, ж. «Der Islam» Bd 1 s. 72). (Прим. авт.)

не только среди немецких колонистов, но и среди туземцев. В Гидо удалось собрать 1500, в Камеруне 400 человек, а в восточной Африке 20.000 человек.

Сначала мы скажем несколько слов о том, каких успехов достигло это движение против Антанты, происходившее под знаменем панисламизма в восточной Африке, а именно, среди сомалийцев и мусульманских племен Абиссинии.

В английской сумалийской стороне (Somaliland), прежде всего, активно работал молла Махаммед, он же возбуждал дервишской пустыни. Хотя в феврале 1915 года они и были побиты англичанами, но отряд сомалийцев и Gallas¹, при первой возможности повторяли нападения на английские отряды; это восстание имело некоторое моральное действие, ибо в это время была активность турко – германцев по направлению к Суэцскому каналу.

В так называемой, Черной Африке, или «Средней Африке» (Afrique Noire, Mittel Africa) для панисламистской агитации не было большой почвы; во-первых, мусульманское и немусульманское население там жило смешанно, во-вторых, туда, кроме турецких возвзываний, сами турки не доходили; в-третьих, там находилось около 211000 английских солдат. Но центром агитации больше всего была французская Северная Африка. Здесь живут больше 12.000.000 мусульман, более культурных, чем остальные африканские мусульмане. Близость их к Средиземному морю, где немцы имели скрытые базы для подводных лодок, представляла возможность к развитию агитации. В случае же неудачи, в распоряжении повстанцев при отступлении, были оазисы Сахары, куда трудно проникнуть французам.

Еще 9 сентября 1914 года, в Марокко были расклеены следующие немецкие прокламации:

«Его величество германский император не ведет никакой войны против мусульманского мира и приказывает, чтобы пленные мусульмане, бывшие солдатами во французской армии, получили немедленную свободу и были отправлены в Константинополь в распоря-

¹ Термин Gallas в начале XX века в Сомали и на Африканском Роге использовался для обозначения народа оромо, проживающего преимущественно в регионах Эфиопии. Оромо взаимодействовали с сомалийскими кланами, участвуя в этнических столкновениях и борьбе за паства в условиях итальянской колонизации и колониального давления европейских держав.

жение Халифа-эмира мусульманства». Этим самым германцы хотели склонить на свою сторону французских солдат из мусульман. В то же время движение началось и в Марокко. Там действовали со своими отрядами несколько шейхов и начальников племен. В своих мемуарах фельдмаршал Гинденбург писал следующее: «В 1916 году началось стремление всего мусульманского мира к политическому объединению, несмотря на неудачу объявления священной войны; существовало намерение распространить эти идеи у всех мусульман, например в Северной Африке». Хотя Франция не совсем была подготовлена встретить восстание, возможное в Тунисе и Алжире, но все же в течение всей войны, в этих странах не было крупных восстаний, кроме движения, происходившего в области Батна (Batna) зимой 1916/17 г.г. Однако, Франция готовилась к худшему. Как в своих собственных владениях, так и в ново приобретенном Марокко, начались аресты пропагандистов на границе Триполитании была поставлена сильная охрана; увеличена была армия в Марокко, количество которой достигло до ста тысяч солдат, а всего количество французского войска в Северной Африке впоследствии было доведено до 200.000 человек. Таким образом, 30 миллионов туземцев различных рас и религий во французской части Африки находились в полном подчинении.

В конечном итоге германцы не смогли не только изгнать Антанту из Африки, но они не сумели спасти даже свои африканские колонии, но все же шум, поднятый германо-турками в Африке, Антанте стоил довольно дорого. Ей приходилось держать около 500.000 солдат, оторвав их от общего европейского фронта, где решалась судьба войны. Однако, германо-турецкий панисламизм в общем и целом потерпел фиаско, ибо масса не шла с шейхами, беями, муллами генералами и пашами. Несмотря на объявление «священной войны», несмотря на те блага, которые сулили панисламисты, как на этом, так и «на том свете» 12 миллионов мусульман Сев. Африки, подданных Франции, снабжали, французскую армию, в общем 412000 солдат мусульман, из которых одних убитых было более 35000 человек. И интересно то, что эти войска действовали не только на европейском фронте, но и против самого «халифа» турецкого султана.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ УЧАСТИИ ТАТАР В НАРОДНЫХ ДВИЖЕНИЯХ XVII ВЕКА

I. УЧАСТИЕ ТАТАРСКИХ КЛАССОВ В «СМУТЕ»

Татарские источники совершенно молчат о роли татарских классов в «Смуте», только один татарский летописец глухо упоминает о смутном времени, говоря, что «потом в 1010 году был великий голод. После того (это) было в 1017 году, воевал князь Дмитрий, (тогда), был год курицы» (*Отрывок из одной татарской летописи, пер. Н.Ф. Катанова и И.М. Покровского, стр. 21–22*).

Русские летописи дают нам также весьма скучный материал об участии татар в той социальной борьбе в Московской Руси, которую принято называть «смутой». Одна только русская летопись лаконически и между словом заявляет по этому поводу следующее: «а в царствующем граде Казани также междуусобие и татарское возмущение, хотеша бо такожде себе устроити царство по прежнему, но богу того еще не благоволешу»². Основа же этого краткого сообщения без сомнения была, о чем мы будем говорить ниже.

Но прежде чем перейти к политической стороне интересующего нас вопроса, мы остановимся на социальной его стороне.

Известно, что кажущаяся с виду политическая борьба во время «смуты» в своей сущности была борьбой социальной. «Стоят те воры

¹ Впервые опубликовано: Губайдуллин, Г.С. Несколько слов об участии татар в народных движениях XVII века / Г.С. Губайдуллин // Вестник Научного общества татароведения. 1930. № 9–10. С. 32–44. Текст дается по данной публикации.

² П.С.Р.Л. [Полное собрание русских летописей], том V, стр. 59. (Прим. авт.)

под Москвой – пишет в 1606 г. в Устюг митрополит ростовский Филарет, – и посыпает в Москву свои проклятые листы, а в них велят боярским холопам побивать своих господ, обещая отдать им жен, вотчины и поместья их. Шпням и безродным людям – велят убивать гостей (купцов) и торговых людей, захватывая себе их достатки». «Вожди мятежа – продолжает митрополит, – созывают к себе воров, сужа им чины и государственные должности»¹.

Путешественник XVII века Петрей говорит, что самозванец (Тушинский вор) «велел разглашать все города, где есть бояре и дворяне, владеющие поместьями, чтобы холопы и слуги их являлись к нему и присягали ему в верности, что он отдаст им за то поместья их бывших господ, вместе с их женами и дочерьми. Благодаря этому, – продолжает Петрей, – самозванец собрал вокруг себя много людей, бежавших от своих господ, и, таким образом, крепостные и холопы стали людьми сильными и богатыми, а бывшие господа их сделались бедняками и нищими». Из этих отрывочных сведений ясно, каков был характер «смуты» вначале.

Мы недолго будем останавливаться на общей характеристике и на изложении хода этого социального движения, ибо этот вопрос достаточно ясно освещен в русской исторической литературе.

К вопросу об участии татарского народа в смуте нам приходится подходить опять-таки с чисто классовой точки зрения. Как мы видели выше, во время этого движения татарский народ не представлял из себя единое целое, а был обществом, состоящим из вполне сложившихся противоположных классов. Та часть феодального класса, которая спаслась от смерти и осталась лояльной московскому правительству, с некоторыми ограничениями получила те же права, какими пользовались аналогичные же русские классы общества. Татарские же «кол-чура» находились, если не в худшем, то во всяком случае в тех же тяжелых экономических условиях, в которых очутились русские холопы и крепостные после Юрьева дня. Но религиозные притеснения и связанный с этим экономический гнет, выселения татар во время усиленной колонизации в худшие места, все это создало для этого класса татарского общества невероятно тяжелые условия, под влиянием которых класс «кол-чура» страшно был озлоблен, как против своих национальных, так и против чужих русских поработителей.

¹ Акты Арх.[еографической] Эксп.[едиции], II, № 57. (Прим. авт.)

Положение же ясачных крестьян, которые в один миг по мановению царя или его наместников могли быть «пожалованы с их землями, во-дами и сенными покосами» какому-нибудь выслужившемуся мурзе или «юмушлы татар», было не легче.

Кроме того, тот колонизационный процесс, который все еще продолжался в начале XVII столетия с не меньшим темпом, также пагубно отражался на хозяйстве и на экономической жизни татарского ясачного крестьянства.

Нечего говорить о мусульманском духовенстве, которое еще недавно по доносу казанского архиепископа Германа в 1584 году потеряло свои доходные статьи после приказа царя Феодора Иоанновича о разрушении «всех мезгитей». Поэтому низшее магометанское духовенство также могло быть если не на стороне смуты, то во всяком случае активно не против нее.

Русские источники, описывающие ход движения в тех областях, в которых ныне проживают татары, весьма мало дают сведений об участии этого народа в нем; они ограничиваются лишь описанием хода движения среди пришлого русского служилого класса. Если в грамотах, отправляемых в Москву к правительству «законного царя», очень часто выражаются верноподданныческие чувства «от всяких людей Казанского государства, и от князей, и от мурз, и от татар, и от чуваш, и от черемис, и от вотяков», но это, как нам кажется, была одна формальность и являлась выражением мысли и чувств не всех классов татарского и вообще нерусского населения края, а только выражением настроения тех, которые по тем или иным причинам были на стороне казанских русских властей, сторонников царя Шуйского. Бывшее Казанское ханство, как с юга, так и с запада, было охвачено «смутой»: еще с 1606 года Нижегородская область была охвачена восстанием против центра, в котором деятельное участие принимали нерусские племена вроде свободолюбивой мордвы.

В Астрахани давно присягнули Тушинскому вору, хотя армия, посланная царем Шуйским под предводительством князя Шереметьева, и могла на время водворить там «порядок», но когда последний был отозван, тотчас опять возникли волнения, и фактически Понизовье Волги отложилось от центрального правительства.

Казань также довольно рано была окружена «смутой».

Особенно деятельное участие принимали в этой области совместно с русской вольницей (казаками) чуваши и мари, но и татарский трудовой народ также не отставал от них. Однако участие его выражалось в меньшей мере.

Это объясняется тем, что татарский народ, как более развитый в социальном отношении, имеющий внутри себя классовую дифференциацию, не мог выступить как особый этнический элемент, а действовал как совокупность отдельных классов совместно с аналогичными же классами русского населения края. Однако из отрывочных данных, вошедших в русские источники, мы знаем, что движение трудовых слоев татарского народа носило по преимуществу характер протеста против колонизаторов.

Например, вотчины Богородицкого Свияжского монастыря – сельцо Исааково с деревнями, «тянувшими» к нему, все были «от изменников выжжены, а крестьяне побиты, иные в осаде померли, а иные разбрелись»¹. В 1610 году «шайка воров» осадила Свияжск, между которыми были и татарские крестьяне, и казаки². После окончания же смуты в Казанском крае осталось много пустошей, о которых источники нам говорят, что «крестьянские дворы пустые от татарского разорения»³. Например, в тогдашнем Казанском уезде в селе Ботках по описи 1617 г. на 44 целых двора было 14 дворов пустых. В деревне Ошняке на 21 жилых было 4 пустых. В новом починке Горбунове на 9 жилых было 2 двора пустых.

Еще более яркий пример, мы находим в следующем факте: в конце XVI столетия на юге от города Тетюши находился один пустынnyй монастырь, которому царем были пожалованы земли. В писцовой книге 4-х годов XVII столетия мы читаем следующее: «Покровского монастыря, что в городе Тетюшах... что поперед сего была пустыня в Нижних Тетюшах, на тетюшской стороне, вниз реки Волги, на берегу реки Волги пустошь, что была того монастыря деревня Отары... на этой пустоши старые селища, а по сказке того монастыря крестьяне

¹ Акты Арх.[географической] Эксп.[едиции], том III, № 86. (Прим. авт.)

² Что между казаками были и татары, то об этом свидетельствует приводимый Н.Н. Фирсовым ответ Грозного на жалобу ногайцев: «На поле ходят многие казаки, казанцы, азовцы, крымцы, иные сословные казаки, и из наших украин с ними смешавшись ходят». Чтения по истории Поволжья, стр. 105. (Прим. авт.)

³ Перетяткович. Поволжье в XVII и в начале XVIII века, стр. 97. (Прим. авт.)

были деревни монастырской и те дворы от войны запустили и пашеные земли перелугом и лесами поросли¹. Это разорение было произведено не только «приходом крымских и ногайских людей», но и местными татарами и другими туземцами края, ибо, по словам профессора Загоскина, в 1609 годах «на горной стороне Волги бродили матежные шайки мордвы, черемис и татар, разносившие смуту по Свияжскому, Чебоксарскому и Козьмодемьянскому уездам»².

С этими «воровскими людьми» пришлось столкнуться воеводе Шереметьеву, который на пути от Астрахани должен был остановиться в Казанской области ввиду усилившегося в ней движения. 22 декабря 1609 г. он наголову разбил «матежников» и привел к «шерти» (к присяге) морду, черемис и татар и двинулся на Свияжск, где собрались «скупища мордвы, черемис и татар, соединившиеся с свияжскими и чебоксарскими, кокшайскими и алатырскими воровскими людьми». Здесь воевода Шуйский одержал крупную победу: повстанцы были разбиты, потеряли огромное количество убитыми и пленными. Трупы убитых легли на протяжении целых семи верст; люди Шереметьева, преследуя разбитых повстанцев, топтали и кололи их «что свиней»³. Но и после этого поражения туземное население продолжало «смуту».

Главари восстания после этого погрома перенесли свои действия за Волгу к Вятским пределам; без боя захватили в свои руки города Санчурек и Яранск. Во главе этих повстанцев, между прочим, стояли мурзы Бибай и Перепердей⁴.

В этих полчищах, кроме 60 стрельцов и двух терских казаков все были туземцы, вооруженные луками и стрелами.

Из этих округов повстанцы двинулись на Царевококшайск; таким образом, они постепенно приближались к Казани, где уже начали появляться их эмиссары с «воровскими письмами».

В то время, когда на луговой стороне Волги происходило это движение, во главе которого стояли мары и татары, на горной же стороне бывшего ханства также происходили довольно серьезные собы-

¹ Красн.[ый] Архив, том 8 за 1925 г., «Указы Пугачева и его Коллегии» Голубцов. (Прим. авт.)

² Казанский край в Смутное время, стр. 109. Казань, 1891 г. (Прим. авт.)

³ Там же, стр. 112. (Прим. авт.)

⁴ Очень возможно, что первый был татарско-мишарский мурза, ибо и в настоящее время среди мишарей встречаются фамилии Бибаевых. (Прим. авт.)

тия «смуты». Из Алатыря, Курмыша, Ядрина, Арзамаса, Темникова и Касимова со своей шайкой появились вместе с русскими и туземными главарями татарские мурзы Еналей Шугоров и Брошейко Яникеев в Свияжском уезде, которые были впоследствии разбиты вышедшими из Казани правительственными отрядами.

Здесь читателей могут несколько удивить встречающиеся имена татарских мурз, стоявших во главе движения на стороне социальных низов. Во-первых, как мы видели, не все мурзы были богатыми. Среди мурз еще в то время были такие же «чабаталы мурза» (мурзы в лаптях), которых много было среди татар до октябрьской революции. Во-вторых, класс мурз был специально военным сословием. Война их кормила: они на войне могли получать себе для ведения хозяйства «чура» и «ясиров», которых они использовали в качестве крепостных. Война же им давала добычу. Поэтому для этого класса война была в то время своего рода ремеслом, без которого они не могли существовать. Наконец, среди русских также были так называемые «Тушинские бояре», которые перешли на сторону Дмитрия из-за корыстолюбия. Вот почему представители татарского военного сословия могли участвовать на стороне тушинцев.

Более крупные татарские феодалы, а именно ханы и царевичи, могли также участвовать на стороне тушинцев по чисто случайным поводам, о которых мы будем говорить ниже.

Царь Шуйский упорно желал опереться на этот класс и в 1606 г. писал возвзвания свияжским татарским князьям и мурзам, приглашая их быть на стороне «законного царя», указывая на верность их прежним русским государям.

Известно, что в 1609 г. поднялось земское движение во многих русских областях, к которому примыкали многие «инородческие» области, например, Пермь и Вятка. Что касается Казани, то она держалась весьма пассивно, благодаря тому, что там все продолжалось, как тогда выражались, «шатанье».

17 июля 1610 года царь Шуйский был низложен. Этим началась так называемая эпоха «междусарствия». В Москве был избран царем польский королевич Владислав, и 27 августа Москва даже успела присягнуть новому царю, а 30 августа Казань также получила известительную грамоту о вступлении на престол нового царя и об условиях его избрания, в которой между прочим мы читаем следующее: «И вам

бы по присланной записи королевичу Владиславу крест целовать, а также привести к шерти князей и мурз, татар служилых и ясачных, чуваш, и черемис, и вотяков». Для приведения к присяге татар и инородцев присланы были в Казань крестоцеловальные записи, написанные на татарском языке: «И вам, – говорится в этой грамоте, – эти записи отдать казанским татарам самим, а в города Казанские разослать их с надежными людьми, при приведении же татар к присяге стараться обнадеживать их жалованьем».

Эти данные указывают на то, что Московское правительство придавало довольно серьезное значение татарским феодальным и полуфеодальным слоям.

Что касается Лжедмитрия II, то он также старался привлечь их на свою сторону. Например, сохранился весьма любопытный документ, данный Дмитрием Иль мурзе Юсупову, отрывок которого мы приводим здесь ввиду его важности не только по вопросу об участии татар в смуте, но и вообще для социальной истории татар в XVII столетии.

«Се язъ, Царь и Великий Князь Дмитрий Иванович, всея Руси, Московские области, Великого Величества Самодержец Российского государства Царь и Великий Князь, богом хранимый и богом избранный и богом почтенный и богом дарованный и богом помазанный, и над всеми дарми превознесенный, вторыми Израилом уподобися, покровением десницею высшего бога, единый подсолночной христианский царь и многих государств Государь и Обладатель, Мы великий Государь, Царь и Великий Князь Дмитрий Иванович всея Руси пожаловали есьми Иль мурзу Юсупова да детей его Сиюш Мурзу, да Бая Мурзу, да племянников его.... Романовым посадам, судом и пошлинями и тамгою и кабаком (т.е. таможенным и питийным сбором), и мытом, и перевозом и всякими доходами и рыбною ловлею, да Иль мурзу с детьми и племянники пожаловали есьми в Романовском уезде Сельцом Богородицким с Дорожеским станом, да селом Помгелевым, да селом Никольским, Васильевским Станом, да селом Пшеничным, да полусельцом Черковым с деревнями, и с починки, и с пустошьми, со крестьяне, и со всеми угодьми, в вотчины, и по сей царской жалованной грамоте Иль мурзе Юсупову, и детям его, и племянникам его тою вотчиною владети, с Романова с посада оброк и пошлины и тамгу и мыть и превозное и всякие доходы собирати им на себя, а селом Богородицким и иными селы с деревнями владети, а крестьянам их слу-

шать, пашню пахать и доходы вотчинникам платити. А как по милости божией мы будем на прародителей наших престоле на Москве, и мы их пожалуем, велим за ними ту вотчину записать в книги....».

Как мы видим из этого, подписанного латинским шрифтом документа, «Дмитр Царь», который призывал русских крестьян не слушаться своих господ и грабить их, и обещающий попам и крестьянам разделить имения своих господ поровну, для тактических целей, чтобы удержать в своих руках татарский военный класс, идет против своих даже основ, что указывает на то значение, которое имел татарский феодальный класс в жизни тогдашней Московии. Но в 1612 году те же права за Иль мурзой Юсуповым были подтверждены грамотой князя Трубецкого и Заруцкого¹.

Это явление объясняется тем, что татарский феодальный класс, находящийся в пределах московских земель и в Касимове, когда Лжедмитрий II был силен, был на стороне последнего подобно «тушинским русским боярам».

В этом как будто мы замечаем некоторое противоречие: как мог феодальный землевладельческий класс быть на стороне холопского царя?

Тут могут быть два объяснения: во-первых, татарский господствующий класс хотел опять получить самостоятельность и вернуть свое былое могущество. На это, например, намекает Палицын, говоря, что «Славяшееся в мире сем царь Борис, и поставляет царя в Касимов, и по смерти его возгордеся той бусурман, не восхоте покланитися воспрепемников того престола»².

Но нам кажется, что здесь никаких серьезных политических основ не существовало, а побуждал их чисто эгоистический расчет. Для того, чтобы доказать это, мы несколько остановимся на фактах.

Возведенный на престол искусственного Касимовского ханства царем Борисом Ураз Мухаммед во время разгара смуты пристал к Тушинскому царю. Поэтому историк смуты Аврамий Палицын с огорчением заявляет, что «Борисом постановленный Касимовский царь

¹ См. там же, стр. 123. (Прим. авт.)

² Временник Имп.[ераторского] Моск.[овского] Общ.[ества] Древ.[ней] Истор.[ии] и Древ.[ностей] Российских, кн. 16, мат.[ериалы], стр. 16, 17. (Прим. авт.)

к Тушинскому ложному царю приложился и с польскими людьми, и с русскими изменниками везде ратоваху».

В 1608 году хан уже находился в лагере «изменников». По поверхностному взгляду можно было бы предположить, что Ураз Мухаммед, будучи крупным помещиком Московского царства, имея кроме своего удела еще много вотчин в Московии, мог пристать к мятежникам по каким-то национально-политическим расчетам, жертвуя своими имениями. Но на самом-то деле мы видим совершенно другое явление. Хан, бывший верный раб Бориса, когда восторжествовал «вор», мог сделаться и верноподданным последнего.

Это его настроение мы можем легко усмотреть в его письме, адресованном Сапеге, который работал на стороне «Тушинского вора». В этом письме, написанном в довольно робком тоне, мы читаем следующее: «А про меня пожалуешь спросить, и я пошел по государевой грамоте, к государю (т.е. к Дмитрию) в полки, видеть его же государевы Царские светлые очи»¹.

Когда хан прибыл в стан «Тушинского вора», то он неразлучно там жил в течение нескольких месяцев. Оттуда хан опять написал несколько писем тому же Сапеге, в которых он называл себя «Великого государя, царя и Великого Князя Дмитрия Ивановича всея Руссии, его Государя холоп, Касимовский царь Ураз Магмет». Эти отношения к русской власти главы тогдашних татарских феодальных элементов указывают на то, что в это время уже у татарских аристократов «холопские инстинкты» были развиты настолько сильно, что едва ли они могли замышлять что-нибудь против Москвы в целях каких-нибудь политических расчетов, ибо они слишком тесно были связаны в то время в экономическом отношении с Москвой, имея поместья и вотчины в русских областях. Вот почему хан в своем другом письме к Сапеге просит прислать сберегательные грамоты для своего поместья во Владимирском, Ярославском и Углицком уездах. В виду важности этого письма мы здесь часть его приводим:

«Великого Государя Царя и Великого Князя Дмитрия Ивановича... холоп, Касимовский царь Ураз Магмет братцу моему, пану Яну Петру Павловичу Сапеге... человек бьет. Будь, братец, здрав на государево Царской службе, чтобы мне здравье твое слышати, радоватися... Да

¹ Вельяминов-Зернов. Исследование о касимовских царях и царевичах, том II, стр. 458, 459. (Прим. авт.)

пожаловал ты, братец, прежде всего послал от себя, бережелую грамоту за своим печатью, о моем поместьице в Углицком уезде в Койской волости, и зята моего Шихим царевича поместьице Углецкого же уезда в Кацкой волости, и сестры моей о поместьице в Ярославском уезде о сельце Ивановском. Глебова, да в Ростовском уезде о сельце Деляеве с деревнями»...

Из этого письма мы видим, что татарская аристократия, живущая в московских областях, находилась в одинаковом положении с русскими помещиками, потому они и были тесно связаны с Московским государством. Но чтобы эти поместья и вотчины татарских князей и мурз были спасены от погрома и грабежа восставших крестьян и холопов, следовало прибегнуть к какой-нибудь хитрости; вот почему они и были на стороне «холопского царя». Это видно из продолжения приведенного нами письма Ураз Мухаммеда, посланного Сапеге, где мы читаем следующее: «И нынча деи, братец, тех грамот бережливых точно ты послал за своею печатью, не слушают: в своем поместьице в Углицком уезде в Койской волости, и зята моего Шихим царевича в Кацкой волости, и сестры моей в поместьице в Глебове и в Деляеве, згонные люди трапольники, Литва и Черкасы козаки, в те наши поместья, и всякие ратные люди, приезжая крестьянишек грабят, бьют и мучат, и даней правят, и кормов конских и людских правят же, и крестьянишки от того разбрелися разно...»¹.

Должно быть, отчасти по тем же указанным нами причинам еще в 1606 году очаг татарских князей и мурз Касимов был на стороне «мятежников», как было сказано выше, даже касимовские мурзы действовали со своими отрядами в районе Свияжска и на луговой стороне в 1609 году². За эту измену с точки зрения московского правительства

¹ Там же, II, стр. 462, Акты Ист.[орические] II, № 168, стр. 195, 196. (Прим. авт.)

² «Да приходили к нам в горную сторону, в Свияжский уезд» читаем мы в отпуске Казанских воевод к Вятчанам от 23 марта 1600 года «собрався, в воры с Алатаря, и с Курмыша, и из Ядрин, и из Арзамаса, и из Темникова, и из Касимова, князь Еналейко Шугуров, да кн. Брюшайко Янкеев, да кн. Иванко Смеленов, да Федко Киреев, да Якушко Глядков, да Васько Ртищев, да Семейко Кузьминовской, а с ними соборные многие люди тех городов, дети боярские, стрельцы, и мордва, и бортники, и горная чуваша и черемиса, а хотели они приходить к Свияжскому...». Акты Арх.[еографической] Эксп.[едиции], II, № 114, стр. 217. (Прим. авт.)

город Касимов был жестоко наказан тем же Шереметьевым, который заехал туда по пути из Астрахани. По этому поводу русская летопись рассказывает следующее:... «а из Мурма пойде (Шереметьев) под Касимов и Касимов осади, и в Касимове же сидяху крепко, но хотеху града Царю Василию здать. Боярин же Касимов взятием, и многих воровских людей побил, а иные поймал, и кои мучались в темницах (Касимовских) за царя Василия и тех всех освободил»¹.

Когда 27 декабря 1609 года положение Лже-Дмитрия II пошатнулось и он бежал в Калугу, а польский король стоял в то время под Смоленском, и некоторые русские и польские сторонники Дмитрия хотели вступить в соглашение с последним, то настроение татарских аристократов также изменилось не в пользу Дмитрия. Хан со своими татарами пробрался к королю, вместе с Заруцким. Но сын его оставался пока у самозванца, а потом по какой-то неизвестной причине опять вернулся к самозванцу. Можно предположить, что сначала хан и его татары представляли дело самозванца проигранным, почему они бежали к новой власти, а именно к королю, желая этим спасти опять свои «поместьицы» от погрома и для того, чтобы не терять их при новой власти.

Таким образом, Касимовский хан Ураз Мухаммед со своим сыном и служилыми татарами жил в 1610 году в Калуге в стане Лже-Дмитрия. В этом году по доносу сына хана Дмитрий, заманив хана на охоту, убил его и бросил его в Оку. Но при Лже-Дмитрие жил еще крещеный татарский мурза Петр Арасланович Урусов, который из мести убил Дмитрия, отрубив ему голову.

Современник этих событий, немецкий писатель в своей «Летописи Московской» сообщает следующие подробности об этом событии: «Дмитрий совершенно потерял свой рассудок, не щадил никого, самых верных сподвижников своих, ни многих татар и казаков. Эти люди берегли его день и ночь, были с ним безотлучно, участвовали во всех увеселениях, провожали его на охоту, между тем как немцы и поляки не смели к нему подойти. Но за все услуги татар Дмитрий приказал утопить в Оке хана Касимовского, обвиненного перед царем собственным сыном в намерении бежать в Москву.

«Раздраженный таким поступком Дмитрия татарский князь Петр Ерусланов искал случая умертвить Ханского сына и уже думал ис-

¹ Никоновская летопись, VIII, 116. (Прим. авт.)

полнить свое намерение, когда отцеубийца возвращался домой от царя, но князь ошибся: жертвой мести был другой знатный татарин, одетый так же точно, как и тот, кого он подстерегал. Ерусланов, до тех пор весьма уважаемый царем, за то, что он знал дорогу к Астрахани, был заключен в темницу, а 50 других татар отданы были под стражу. Впрочем постращав их несколько дней, Дмитрий даровал им свободу, стал по-прежнему ласков к ним, ездил с ними на охоту, посыпал их в окрестности для набегов и опустошений. Но татары не могли забыть оскорбления и целые два месяца весьма искусно таили намерение отомстить Дмитрию: каждую ночь привозили в Калугу по 10 и по 12 поляков, которых нередко хватали с постелей. Привозили иногда и купцов, пойманных на дороге. Царь обыкновенно приказывал еще до рассвета наказать несчастных кнутом до смерти, тела их бросали собакам на съедение, остатки же зарывали в землю как падаль.

«Благородных поляков топили в реке. Видя такое усердие татар, Дмитрий думал, что они уже забыли прежнее оскорбление, и так верил им, что, отправляясь на охоту, всегда брал с собою человек по 20 и по 30, а из придворных не более 2 или 3, да шута Петра Кашелева, неразлучного своего товарища. Вероломные татары изъявили царю беспредельную преданность, выжидая случай отомстить ему. За несколько дней до исполнения заговора, дали узнать своим единоверцам, чтобы они при первом выезде царя на охоту выбрались из Калуги в Пельны и, дождавшись там князя Ерусланова, немедленно отправились восвояси. 11 декабря Дмитрий, не предчувствя своей участии, отправился на охоту с князем Еруслановым и 20 татарами. Товарищи их, согласно взаимному условию, взяя все, что только могли, выехали верхами в разные ворота и соединились на Пельнской дороге в числе 1000 человек; как скоро Дмитрий отъехал от города около четверти пути, князь Петр, поравнявшись с ним, пристрелил его насовсем, потом отрубил ему голову. «Я научу тебя», промолвил князь, «топить ханов и сажать в темницу князей, которые служили тебе верно, негодный обманщик». Шут Кашелев и два боярина не хотели быть свидетелями печального зрелища, ударили по лошадям и, не оглядываясь, поскакали в Калугу с известием, таким образом кончилась охота. Татары, между тем, пустились по Пельнской дороге восвояси, опустошая и истребляя все то, что им попадалось. В Калуге ударили тревогу, пушечными выстрелами дали знать, чтобы войско

собиралось для преследования вероломных, но уже поздно: их нельзя было настигнуть. Только немногие из татар остались в Калуге, потому ли, что не имели добрых коней, или недоверчивые товарищи не открылись им, неизвестно. Несчастных гоняли из улицы в улицу хуже, чем зайцев в поле, дубинами и саблями, пока всех не перебили. Так невинные пострадали за виновных. Все доказывает, что они вовсе не знали о злодейском замысле. В противном случае успели бы спасти себя, или донесли бы о заговоре»¹.

В то время, когда происходили эти события, в Казанской области смута продолжалась с прежней силой. Зимой 1610 года даже происходили там довольно крупные события: был убит противник Дмитрия II воевода Богдан Бельский, и фактическим диктатором стал дьяк Шульгин, сторонник Лже-Дмитрия, которому присягнула под его влиянием сама столица бывшего ханства. Вообще Казань в 1610 и 11 годах держалась довольно оторванно от других областей, в которых происходило движение против поляков, господствовавших в Москве.

Это объясняется тем, что там происходило какое-то сепаратическое движение, о котором мы вначале приводили сообщение Воскресенской летописи. Это известие о сепаратических тенденциях татар, очевидно достигло до сведения короля Сигизмунда, сын которого был избран на московский престол боярами. Он писал в марте 1611 года к управляющим боярам в Москву следующее:

«Берегитесь того, чтобы Московское государство не разделилось на многие части: псковичи и новгородцы уже прельщаются за шведского короля. У нас же есть слух, что Астрахань, уговорившись с Казанью и другими городами, которые примыкают к татарской стороне, хотят отложитьсь за персидского шаха и Казань, и Астрахань, черемиса и луговые города, и Пермь, и Вятка, – наших грамот не слушают и доходов к Москве не возят, и креста сыну нашему королевичу не целовали». Это движение, конечно, было не без влияния татарских господствующих классов.

Казанская область в течение всего двухлетнего периода 1610–1611 годов держалась довольно обособленно: она совершенно не приняла участия в земском движении 11-го года, поднятого под национально-религиозным лозунгом. Но во втором земском ополчении она

¹ См. текст летописи по переводу Устрялова у Вельяминова-Зернова, том II, стр. 476. (Прим. авт.)

уже принимает деятельное участие, где также участвуют татарские мурзы, князья и простые служилые татары. Это и понятно: это было движение чисто классовое под лозунгом национально-религиозным. Тогда русские мелкие дворяне и служилые восстали, с одной стороны, против социальных низов, поднявшихся сначала под предводительством Лже-Дмитрия II, а после его смерти под руководством его сподвижников, действовавших именем «Маринки сына». С другой стороны ополчение было движением против именитых бояр, призвавших на Московский престол польского королевича, чтобы создать в Московии такое же олигархическое правление, какое было в Польше. Конечно, татарские мурзы и служилые, будучи в одинаковом экономическом положении с русскими собратьями, не могли не сочувствовать этому, почему они и участвовали в этом движении. Поэтому татарские мурзы, князья и служилые получили место в Земском Соборе 1613 г., избравшем Михаила Феодоровича на российский престол. На утвержденной грамоте мы находим около семи подписей, написанных «турским письмом» (арабскими буквами), из которых каждый подписался «за своих товарищей» (юлдашларым учунь кулум куйдым)¹.

II. УЧАСТИЕ ТАТАРСКИХ КЛАССОВ В РАЗИНОВЩИНЕ.

Русской исторической наукой выяснено, что «Смута» не прекратилась избранием на царство Романовых. Причины, вызвавшие это социальное движение, не были уничтожены. В течение всей первой половины XVII столетия в Московском государстве то в одном, то в другом месте вспыхивали серьезные восстания. Наконец, этот народный гнев превратился в ту социальную борьбу, которая известна под названием Рязиновщины.

Из предыдущей главы мы видели, что в *смуте* татарский народ выступил не как один определенный народ, а как отдельные классы. Но во второй половине XVII столетия классовая дифференциация татарского народа шла в еще более сильной форме. Колонизация продолжалась с новой силой. Поборы, подати и личные повинности тру-

¹ См. Утв.[ердительную] грам.[оту] об избрании М.Ф. Романова, изд.[ание] 1904 г. Здесь приводится фотографический снимок. Об этом смотри мою «Историю татарских классов», стр. 9, изд.[ание] 1925 года, Казань. (Прим. авт.)

дового татарского народа стали еще более тягостными, религиозные притеснения и насильственное крещение не только трудового народа, но и господствующих слоев в течение всего этого столетия проводились не с меньшим темпом, чем во время Грозного. Еще недавно, в 1593 году, все мечети были разрушены. Даже такой крупный феодал, как мулла Абдразак, если верить преданию татарского писателя Насырова (Материалы археологические – Биб. Готвальда Казанского Гос. ун-та), определенно протестовал Алексею Михайловичу, говоря, что как в лесу нельзя уничтожить деревья различных пород, так и в русском государстве нельзя сделать так, чтобы оно состояло из одного народа с одной религией. Конфискация татарских помещичьих земель под религиозными предлогами озлобили против правительства даже беков, мурз и служилых татар. Сведения об этой религиозной политике русского государства дошло в это время до Крыма, поэтому визирь хана Мухаммед Гирея Сефер Газы в письме к Алексею Михайловичу писал следующее:

«Если хотите знать, почему войска ваши понесли поражение, то вот почему: Уже сто лет как Казань и Астрахань со времени отцов и дедов ваших находятся у вас в руках. До сих пор тамошние мусульмане не терпели никаких притеснений (очевидно визирь не обратил внимания, когда во время Грозного и его сына существовали страшные гонения на трудовую татарскую массу, а высшие классы оставлялись в покое). Нынешний царь ваш вообразил себя умнее прежних царей, отцов и дедов своих, и вы разорили мечети и *медресес* и предали огню слово Господа Всевышнего. Поэтому войска ваши понесли поражение. Затем каждый год мы давали на откуп от шестидесяти до семидесяти пленных ваших. Вы же, если попадется к вам в руки пленный, не отдаете его на откуп, а насилино делаете христианином. Через это христиан не умножится. У нас у самих христиан под властью много, но мы их насилино христианами не делали. Силою и против воли крестить или обращать в мусульманство не годится... В укор вам у нас ставят то, что вы насилино окрестили султана Хан-Кирменского» (т.е. Сеид Бургана, хана Касимовского). (Материалы по истории Крымского Ханства под ред. Вельяминова-Зернова).

Поэтому все эти материального и морального характера притеснения создали среди всех классов татарского общества дух протеста против Московского правительства.

По этой причине это оппозиционное настроение не только татарских трудовых масс, но и служилого сословия иногда в XVII столетии появлялось в выступлениях против правительства. Например, одно из таких выступлений, возглавляемое мелким служилым татарином Джан-Али, произошло, на основании татарской летописи, в 1616 году¹.

В русских документах этот Янали или Джан-Али называется «Еналейкой Емаматовым». Этот служилый татарин «со своими товарищами» поднялся против правительства, но он был пойман одним татарином по имени Емей и предан в руки правительства («Емей изменника Еналейку изымал и привел в Казань»). Неизвестно, что было сделано с этим борцом, но известно то, что его сыновья Ишбулат и Айтуган были сосланы в Новгород, а имущество и поместье их отца были конфискованы (Е. Малов. Материалы для истории Каз. [анской] Епархии, «Известия Об. [щества] Арх. [еологии]», том XVIII, вып. [уски] I, II, III, стр. [аницы] 10 и 11). Очевидно, это восстание было направлено против колонизации, почему в Писцовой Книге 1623/24 годов мы читаем следующее: «Деревня Овеница, а Кузьминское тоже на реке на Казани, а в ней двор митрополичья сына боярского Ивана Афанасьевича да в той же деревне во дворе крестьян Сидорко Иванов, да двор крестьянский пустой Яковлева, да три места дворовые крестьянские Петрова, Яковлева, Ерошки, Ивашки Яковлева и, всего в деревне Овеницах двор Митрополичья сына боярского да двор крестьянский, да двор пуст крестьянский да три места дворовых и пустых и крестьяне померли лет тому с десять, а иные в Еналаевщину побиты...» (И.М. Покровский. «Казанский Архиерейский дом». Приложение 1, стр. 24. *(Прим. авт.)*.

Из этого же события мы видим, что до появления Разиновщины и в татарском мире почва для народного движения была вполне подготовлена, предвестники уже были видны.

¹ واندين صوتک تاریخ منکه اون پتیبهه ایردی کنز میترای یاغی بولدي اندين سونك تاریخ مینکه يکر بی تورتا ایردی جدلی یاغی بولدي توشقان یالی ایردی

Н.Ф. Катанов и И.М. Покровский. «Отрывок из одной татарской летописи». Казань, 1905 г., стр. 6 (*Прим. авт.*). В пер. с татар. «После этого была дата – тысяча семнадцатый [год по хиджре]...». Началась вражда князя Митряя. После этого также была дата – тысяча двадцать четвертый [год по хиджре]. Произошла вражда с Джандали. Был год Зайца».

Когда вспыхнуло Разиновское движение, и восставшие казаки и помещичьи крестьяне подошли к Среднему Поволжью, то вся инородческая трудовая масса, объединившись с русскими повстанцами, стала грабить колонизаторов-помещиков и православные монастыри. Татарский народ также не отставал в этом деле от других. Поэтому посланный из центра против осадивших Симбирск разиновцев Юрий Барятинский в своем рапорте к царю Алексею, сообщая, как по дороге ему пришлось в четырех местах от Свияжска до Симбирска выдержать сражение с восставшими, говорит об участии в этих повстанческих отрядах и татар («Собрався воры казаки, *татаровья*, и чуваши, и черемисы, и мордва»). (Перетякович. Поволжье в XVII и в начале XVIII века. стр. 208).

Кроме того сохранилась жалоба трех богатых чуваш на действовавших на стороне разиновцев татар, где, между прочим, говорится, что «воровские татары и чуваши хотели их до смерти убить» (там же, стр. 208). Откуда мы видим, что во время этого движения в Цивильском уезде вспыхнуло восстание.

Шедший на выручку Симбирска другой правительственный отряд под командой Ивана Барятинского отступил в Тетюши. Последний в своем письме к царю, между прочим, говорил, что татары, находящиеся в казачьем отряде и в других полках, сражаются плохо и ненадежны: при первом же сражении они убегали и разошлись по домам, и что на них нет надежды и нечего тратить средств для их кормления (Соловьев. История России, том XI, гл. 5, стр. 312).

Мы знаем, что «прелестные письма» Разина распространялись среди всех народов Поволжья.

Разин хотел опереться не только на татарские трудовые массы, но он имел в своей армии представителей обиженного правительством татарского мелкого землевладельческого класса. Например, известно, что когда Степан Разин приблизился к Среднему Поволжью, то у него в армии находился татарский помещик, имевший в Керенском и Ка-домском уездах небольшие поместья, Асан сын Каракуры Айбулатов.

До нас даже дошло в переводе на русский язык одно из таких «прелестных писем», написанное казанским татарам и их духовенству, откуда мы видим, что у Разина была также своего рода «восточная политика»: он хотел использовать для своих политических целей все оппозиционные элементы страны.

В весьма плохом русском переводе этой прокламации от имени Айбулатова мы читаем следующее: «От великого войска от Степана Тимофеевича будет вам ведомо Казанским посадским бусурманам и обызам начальным (т.е. главным муллам), которые мечеть держат, бусурманским веродержцам, и *которые над бедными*, сиротами и над вдовами милосердствуют, – Илкею мунле да Мамаю мунле, да Ханыш мурзе, да Москву мурзе, и всем обызам и всем слободским и уездным бусурманам от Степана Тимофеевича в этом свете и в будущем челобитие. А после челобития, а буде про нас спросите, мы здоровы и вам бы здравствовать. Слово наше то: для бога, и для пророка, и для государя, и для войска быть вам заодно: а буде заодно не будете, и вам бы не пенять после. Бог тому свидетель ничего вам худого не будет и мы за вас радеем. Да вам бы было ведомо: я, Асан Айбулатов сын, при Стефане Тимофеевиче, и вам бы в том поверить. Я, Асан, вас в том наговариваю, буде мне поверите, и вам худово бы не будет. Да всех вас прощаю, за нас богу помолитесь, а от нас вам челобитье. К сей грамоте печать свою приложил» («Известия Общ. арх., истор. и этногр.» при Каз. ун-те., том VIII, вып. 111, стр. 44–45)¹.

Однако мы точно не знаем, как относился к Разину татарский господствующий класс, но известно, что представители казанских слободских татар на Екатерининской Законодательной Комиссии 1767 года в своем наказе, между прочим, хвалились тем, что они участвовали на подавлении разиновского бунта.

Отсюда видно, что хотя татарское служилое сословие и было оппозиционно настроено по отношению к Московскому правительству, но когда поднялось восстание против рабовладельцев вообще, то оно не могло выступить на стороне своих классовых врагов, желающих установить в России казачью вольность.

¹ Очевидно, этот русский текст является переводом с татарского. В ж. [урнале] «Маариф» в 1923 году мы сделали попытку восстановить текст на татарском языке в своей статье «Участие татар в разиновщине». (Прим. авт.)

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГАЗИЗ ГУБАЙДУЛЛИН НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ЭПОХ И КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ.....	5
НОВЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ГАЛИМДЖАНА ИБРАГИМОВА	9
РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ У ТЮРКО-ТАТАРСКИХ НАРОДОВ.....	12
ПУГАЧЕВЩИНА И ТАТАРЫ	46
ЗАМЕТКИ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ХАЗАР	90
ФЕОДАЛЬНЫЕ КЛАССЫ И КРЕСТЬЯНСТВО В АЗЕРБАЙДЖАНЕ В XIX ВЕКЕ.....	102
ВАКУФНЫЕ ИМУЩЕСТВА АЗЕРБАЙДЖАНА	168
К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТАТАР.....	172
К ИСТОРИИ ШЕЛКОВОДСТВА В АЗЕРБАЙДЖАНЕ.....	189
КРАХ ПАНИСЛАМИЗМА ВО ВРЕМЯ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ	211
НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ УЧАСТИИ ТАТАР В НАРОДНЫХ ДВИЖЕНИЯХ XVII ВЕКА.....	236

Газиз Губайдуллин
НАУЧНЫЕ ТРУДЫ
Том 4

Духовное наследие: поиски и открытия
Выпуск 29
(На русском языке)

Редакторы: Л. Г. Шарифуллина, Д. Р. Галиуллина
Компьютерная верстка Л. М. Курбангалиевой
Дизайн обложки Т. В. Семиной

Подписано в печать: 30.11.2025.

Бумага офсетная. Формат 60×84 1/16. Гарнитура «Таймс».
Усл.-печ. л. 14,9. Уч-изд. л. 13. Тираж 300 экз. Заказ...

Оригинал-макет подготовлен
в Институте языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН РТ
420111, Казань, ул. К. Маркса, 12

Издательство Академии наук Республики Татарстан
420111, Казань, ул. Баумана, 20